

PG 7158

.M5A55

1865

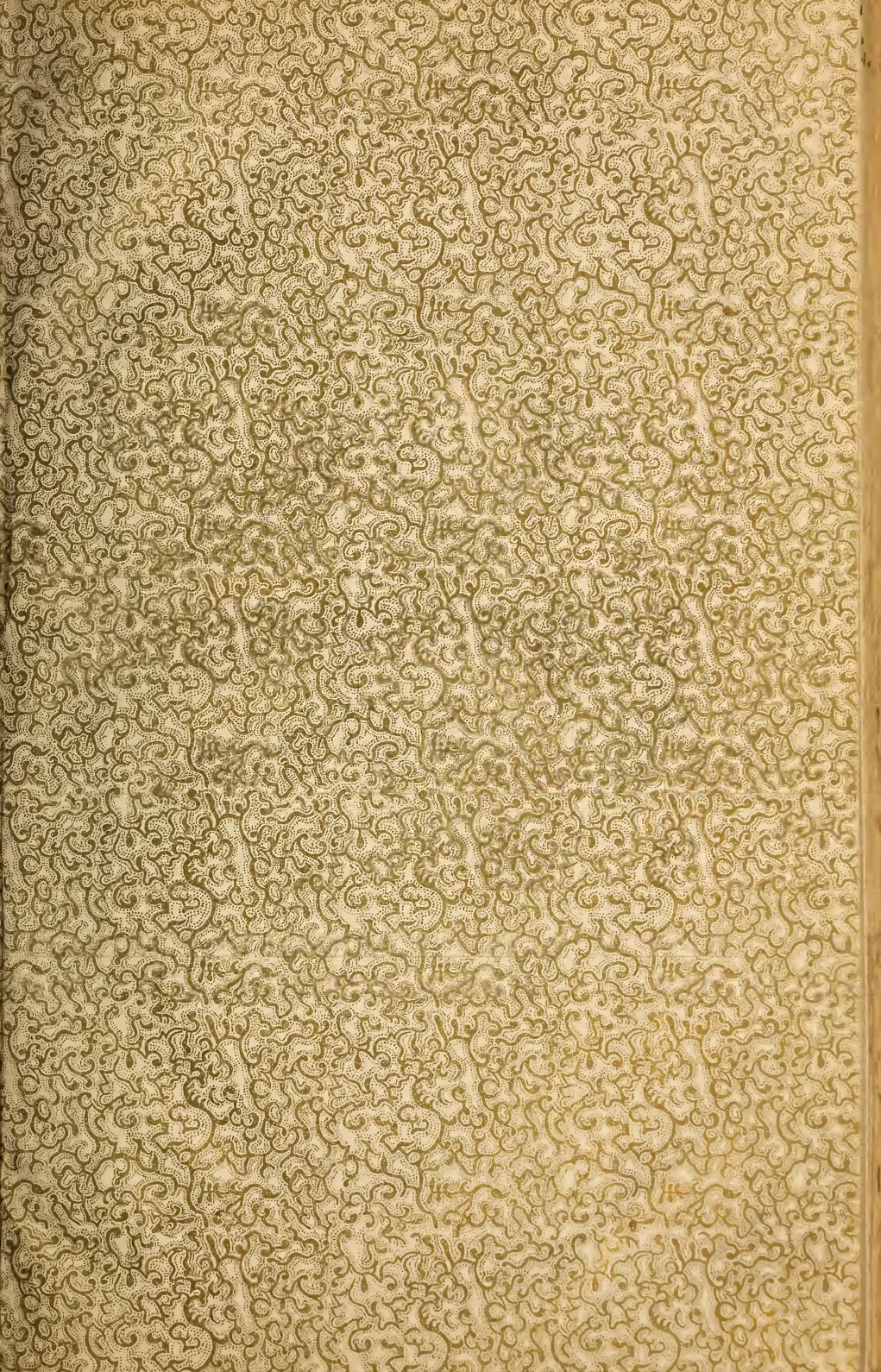
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

ПЕРЕВОДЫ

ИЗЪ

МИЦКЕВИЧА.

Н. БЕРГА.

ВАРШАВА.

—
1865.

Mickiewicz, Adam
" "
Perevody u Mitskevicha.
ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ МИЦКЕВИЧА.

Н. БЕРГА.

- 1) Отрывки изъ поэмы Панъ-Тадеушъ.
 - 2) — — — Конрадъ Валленродъ.
 - 3) Сонеты и мелкія стихотворенія.
-

ВАРШАВА.

1865.

PG 7158
M 5 A 55
1865

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
г. Варшава. $\frac{4}{16}$ марта 1865 года.

Старшій Ценсоръ Герцъ.

Въ Типографіи Военно-Полицейскаго Управленія въ Царствѣ
Польскомъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Ольга Алексеевна

НОВИКОВОЙ,

РОЖДЕННОЙ КИРЪЕВОЙ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Послѣ появленія «Пана Тадеуша» въ Отечественныхъ Запискахъ 1862 года, многіе изъ читателей выражали желаніе увидѣть этотъ переводъ въ отдѣльномъ изданіи; но разныя обстоятельства не позволили это сдѣлать. Судьба судила выйти этой книжкѣ именно въ то время, когда описываемое здѣсь соединеніе «Białego Orła i Pogoni Litewskiéj» должно дѣйствительно перейти въ область поэзи и существовать только тамъ. — Издаю мой переводъ безъ малѣйшихъ измѣненій, какъ онъ былъ въ Отечественныхъ Запискахъ, хотя чувствую, что многое могло

бы быть поправлено и пропуски пополнены. Другія обстоятельства мѣшаютъ заняться этимъ серьезно, а не серьезно — не стоитъ. Я счастливъ и тѣмъ, что *первый* хоть такъ познакомилъ русскихъ читателей съ лучшей поэмой великаго славянскаго пѣвца. Однако не теряю надежду сдѣлать современемъ изданіе лучше и полнѣе.

Тутъ же не лишнимъ счелъ напечатать и другіе мои переводы изъ того же писателя.

Н. Б.

ПАИЪ ТАДЕУШЪ.

ПОЭМА АДАМА МИЦКЕВИЧА.

—

I.

Вступленіе. — Приѣздъ Тадеуша въ Соплицово. — Нѣкоторыя дѣйствующія лица.

Отчизна милая! подобна ты здоровью:
Тотъ истинной къ тебѣ исполнится любовью,
Кто потерялъ тебя... въ страданьяхъ и борьбѣ,
Отчизна милая, я плачу по тебѣ!
Мать Богородица, что бодрствуешь надъ Вильной
Своей опекою, щедротами обильной!
Мать Ченстоховская (*) на Ясной что Горѣ:
Какъ умирающій лежалъ я на одрѣ,

(*) Извѣстный всей Польшѣ чудотворный образъ.

(Изъ журн. «Отеч. Записки» 1862 г.)

Устами жаркими хвалу тебѣ читая,
 И ты спасла меня, заступница святая:
 Такъ нынѣ на меня, владычица, воззри
 И вдохновеніемъ мнѣ сердце озари,
 А духъ растерзанный, скорбящій и унылый
 Неси ты къ небесамъ моей отчизны милой,
 Къ ея задумчивымъ пустынямъ и лугамъ,
 Къ зеленымъ Пѣмана и Виліи брегамъ,
 Съ ихъ Бѣловѣжскою непроходимой пущей,
 Благоуханною, роскошною, цвѣтущей;
 Къ полямъ, исполненнымъ невѣдомыхъ красотъ,
 Гдѣ жито всякое въ обилии растеть:
 Пшеница — золото, серебряная греча,
 Медвяный запахъ свой несущая далеча;
 А тамъ — густой ячмень, и просо, и овесъ;
 И гдѣ, на рубежахъ, межъ ветель и березъ,
 Увидишь тихую, задумчивую грушу...
 Туда неси мою тоскующую душу!

Среди такихъ луговъ, въ затишьѣ, надъ
прудомъ,
 Во дни минувшіе, стоялъ шляхетскій домъ,
 Весь чисто выбѣленъ, свѣтились ярко доски;
 Вокругъ него росли кудрявыя березки,
 А къ пруду, низомъ, шла аллея тополей.
 Позади — борозды распаханыхъ полей,
 Густыя залежи и паръ изъ чернозему,
 Съ гумномъ, которое подходитъ близко къ дому,

Гдѣ желтые скирды, поставленные въ рядъ,
Шатрамы подобныя, безмолвно говорятъ,
Что царствуетъ въ дому порядокъ и довольство,
И ждетъ пріѣзжаго привѣтъ и хлѣбосолюство:
Приземистая дверь ему не заперта
И пастежь широко раскрыты ворота.

Вотъ къ домику тому подѣхалъ кто-то въ бричкѣ;
Лошадки бодрія, хотя и невелички,
Вобѣжали въ ворота исправною рысцой;
Изъ брички выпрыгнулъ проворно молодой
Панычъ, не кличетъ слугъ, а прямо — въ двери
дома,
Какъ-будто все ему давнымъ-давно знакомо;
Не затрудняяся, по комнатамъ бѣжитъ:
Все то же вокругъ него, все тотъ же самый видъ;
Не измѣнились ни мебель, ни обои,
Лишь только сдѣлались поменѣ покои,
Чѣмъ были въ старину, для отроческихъ лѣтъ.
Въ гостиной, на стѣнѣ, висѣлъ еще портретъ,
Изображающій Тадеуша Костюшку,
Въ чамаркѣ и плащѣ: ногою ставъ на пушку,
И очи вверхъ поднося, клянется небесамъ
Спасти отечество, иль пасть геройски самъ.
А далѣе — Корсакъ и съ шимъ Ясинскій рядомъ,
Дружины польскія окидываютъ взглядомъ;
Кишитъ горячій бой, валяются москали,
А Прага занялась ужъ пламенемъ вдаль...

А вотъ, въ одномъ углу, на-лѣво, за Костюшкой,
 Куранты старые, какъ водится, съ кукушкой;
 Шкапъ длинный подширалъ подъ самый потолокъ.
 Прїѣзжій увидалъ протянутый шнурокъ:
 Давай его тащить — и, сѣвши на печурку,
 Прослушалъ старую Домбровскаго мазурку.

Гость бросился потомъ осматривать покой,
 Гдѣ, восемь лѣтъ назадъ, онъ жилъ еще дитей:
 Все измѣнилось тамъ: стояли фортепяны,
 Кухетки, канапе, широкіе диваны;
 Въ углу, на столикѣ, лежали кучи ногъ
 И книжки... кто же здѣсь, подумалъ онъ,
 живеть?

Мой дядя... развѣ онъ обзавелся женою?
 А тетка въ Петербургъ уѣхала весною...
 На мебель и на все еще взглянулъ онъ разъ,
 Въ соображенія и въ думы погружаясь...
 Приблизился къ окну: садъ маленькій въ порядкѣ:
 Цвѣтами пестрыми покрыты были грядки
 И видно, кто-то ихъ лелѣетъ всякій день.
 Кругомъ окшнуть былъ заботливо плетень
 И рядомъ съ нимъ вилась красивая аллея...
 Но гдѣ жъ садовница, таинственная фея,
 Невѣдомо отколь спорхнувшая сюда?...
 Напрасно юноша искалъ ея слѣда:
 Не видно никого, лишь только за калиткой
 Дрожали лопухи, задѣты ножкой прыткой...

Въ то время разпеслась ужъ по фольварку вѣсть,
 Межь дворни и людей, что въ домѣ кто-то есть:
 Вмигъ кони панскіе привязаны къ колодѣ
 И заданъ имъ овесъ. Хозяинъ новой модѣ
 Не слѣдовалъ: коней чужихъ не отсылалъ
 Кормиться у жидовъ, а дома кормъ держалъ.
 Хотя и не спѣшатъ заботливые слуги
 Усердно предложить пріѣзжему услуги,
 Не думай, что они — балованный народъ;
 Нѣтъ, такъ заведено: покамѣсть не придетъ
 Панъ Войскій (*) изъ своей особенной свѣтлицы,
 (Далекій родственникъ хозяина Соплицы
 И другъ, который всѣмъ завѣдывалъ въ дому) —
 Дотоль не начинать занятій никому.
 Панъ Войскій шелъ уже тихоенько на фольварокъ,
 Отчасти — заглянуть на стряпанье кухарокъ,
 А главное — смѣнить свой ткацкій пудерманъ,
 Надѣтъ проворнѣе кунтушъ, или жупанъ
 (Встрѣчать пріѣзжаго поллучше нужно платье)
 Вдругъ гостя увидалъ — и бросился въ объятія.

«Тадеушъ!» — И затѣмъ посыпались слова,
 Хотя и громкія, но внятные едва,
 Неуловимыя, отрывочныя фразы,
 Вопросы быстрые и бѣглые рассказы,

(*) Войскій (Tribunus,) — во время всеобщаго возстанія
 (rozpolitego ruszenia) опекунгъ шляхетскихъ жонъ и дѣтей.
 Званіе это давно уже уничтожилось.

А послѣ — новыя объятія опять.

«Тадеушъ!»! (Такъ отецъ велѣлъ его назвать
Затѣмъ, что родился во времена Костюшки,
Когда гремѣвшія литвиновъ нашихъ пушки
Напоминали всѣмъ народнаго вождя)

«Тадеушъ! Мы съ тобой немного погода,
(Такъ Войскій продолжалъ) пойдемъ Судьѣ на
ветрѣчу:

Онъ вышелъ поглядѣть, какъ убираютъ гречу,
И гости вмѣстѣ съ нимъ. Народу много тутъ!
Нагрязнули толпой! Паряжешъ, видишь, судъ:
На мѣстѣ разобрать, какъ слѣдуетъ, границы:
Есть стародавній споръ у графа и Соплицы
Объ замкѣ... Этотъ споръ поросъ уже травой,
Какъ замокъ... Здѣсь теперь ассессоръ (*), становой,
И подкоморій (**), самъ, съ женой и дочерями;
Паненки въ лѣсъ пошли на ужинъ за грибами;
А панство-молодежь охотится съ ружьемъ.
Пойдемъ же!» — и они отправились вдвоемъ.
Дорогой не могли они наговориться...

А солнце къ западу ужъ начало клониться,
Горя, какъ пахаря румяное лицо,
Когда, придя съ работъ, онъ ступитъ на крыльцо,

(*) Ассессоръ — начальникъ земской полиціи, родъ нашего исправника. Бываютъ по выбору отъ жителей и отъ короны.

(**) Подкоморій — старшій чинъ въ повѣтѣ, *Princers Nobilitatis*, родъ нашего предводителя дворянства. Одно время подкоморіямъ было предоставлено разбирать тяжбы помѣщиковъ о границахъ.

Садитесь ужинать — и послѣ спать до свѣту,
 А тамъ вставай опять и угомону пѣту...
 Сверкавшій зеленью на горизонтѣ боръ,
 Покуда падали лучи ему въ упоръ,
 Сталь видимо темнѣть, подобясь синей тучѣ;
 Вокругъ, съ болотъ и рѣкъ, поднялся паръ ле-
 тучій;
 Ужъ солнце скрылося; лишь только сквозь вершинъ
 Порой прорѣжется горящій лучъ одинъ,
 Какъ пламя отъ свѣчи сквозь оконныя щели...
 Погасло. Въ полѣ мракъ. Телеги закричѣли:
 Везуть хозяину въ амбаръ и на гумно
 Овсяные снопы, гречиху и пшено.

Летятъ пернатые на гнѣзда, подъ повѣти...
 Идетъ домой Судья; съ кормилицею дѣти
 Бѣгутъ наперед; потомъ хозяинъ самъ
 Съ подкоморною и, обокъ прочихъ дамъ,
 Солидно шествуетъ вельможный подкоморій.
 Позади — молодежь. Кто въ шляпѣ несъ цыкорій,
 Кто, — бѣлые грибы; что въ полѣ ни нашли,
 На ужинъ годнаго, въ рукахъ съ собою несли,
 Заботясь старшему отдать почетъ дорогой,
 Судья во всемъ любилъ обычай дѣдовъ строгой,
 Увѣренъ, что пока обычай этотъ живъ —
 И дома держатся и весь народъ счастливъ;
 А если старина уступитъ новымъ модамъ —
 Прощай тогда Литва со всеѣмъ своимъ народомъ!

Свиданье первое Тадеуша съ Судьей
 Недолго длилося: Судья отеръ полой
 Горячую слезу, окинулъ гостя взглядомъ,
 Потомъ поцаловалъ — и путь держали рядомъ.
 Какъ гостю, былъ ему особенный почоть:
 Что вмѣстѣ съ дамами дошелъ онъ до воротъ.

II.

Охота на русака.—Замокъ.—Графъ.—Ключникъ Гервазъ.—
 Видѣніе въ саду.

Кто лѣтъ не поминитъ тѣхъ, когда въ счастливой долѣ,
 Онъ юношею былъ; ходилъ отважно въ поле,
 Закинувъ меткую винтовку на плечо,
 А бѣшеная кровь кипѣла горячо?
 Какъ птица волеиъ былъ, среди дубравъ широкихъ
 Бродилъ по всѣмъ путямъ и въ небесахъ далекихъ
 Заранѣ, какъ пророкъ, онъ бури узнавалъ;
 Порой, какъ чародѣй, къ землѣ онъ припадалъ:
 Она, безмолвная для прочихъ, какъ могила,
 Таинственную рѣчь съ нимъ тихо заводила.

Вотъ, утренній вѣщунъ, задергалъ карастель,
 Вспорхнулъ — и вновь упалъ въ зеленую постель:
 Его не съищешь тамъ... вонъ жаворонокъ вьется,
 Звенить и пѣснь его далеко раздается.

Порой, въ выси небесъ, покажется орель,
Очами зоркими окидывая долъ;
Иль ястребъ, просвистѣвъ крыломъ подъ облаками,
Повиснетъ въ воздухѣ надъ темными лѣсами,
И вдругъ на голубя, спорхнувшего съ гнѣзда,
Онъ падаетъ съ высотъ небесныхъ, какъ звѣзда.

О, милый сердцу край! Когда жъ дозволятъ боги
Узрѣть мнѣ отчихъ хатъ знакомые пороги?
Удастся ли опять въ Литвѣ моей пожить
И въ конницѣ псарей попрежнему служить,
Не зная битвъ иныхъ, окромѣ лишь охоты,
И вмѣсто всякихъ книгъ слѣдя бурмиистра счеты?

Ты вновь приснился мнѣ, полей моихъ просторъ:
Вотъ солнце медленно выходитъ изъ-за горъ,
И въ рощу, сквозь вѣтвей, бѣгутъ лучи денницы,
Какъ ленты изъ косы души моей — дѣвицы;
Заглядываютъ въ садъ, на желтое гумно,
И будятъ сонную красавицу давно:
На темной муравѣ лежитъ она; ланиты
Пылаютъ розами; уста полуоткрыты
И грудь высокая вздымается слегка,
И бѣлоснѣжная откинута рука...
Проснись! уже пора: чу, хлопнувши крылами,
Ужъ лебедь началъ пѣть надъ сонными водами
Свой гимнъ торжественный, привѣтствіе зарѣ,
И гусь загоготалъ съ гусыней на дворѣ;

Какъ эло, на прудѣ имъ утки отвѣчали;
По кровлямъ воробьи, скача, защебетали;
На пастбища бѣгутъ веселья стада
И звонкій рогъ трубитъ въ долинахъ иногда...

Охотники давно проснулись въ Соплицовѣ;
Движенье, суета; все въ сборѣ, наготовѣ
Пустьится полевать. Визжать и скачутъ псы,
Полны особенной и жизни, и красоты,
(Быть-можетъ, одному охотнику понятной)
На сворку просятся: то знакъ благопріятный
Выходитъ Пань-Судья, компанію прося —
И шумно двинулась за нимъ охота вся.
Вотъ поле сѣрое предъ ловчими открыто,
Гдѣ только-что вечеръ жнецы убрали жито;
Кочарь и борозды бѣгутъ, пестрѣя, въ даль,
Туда, гдѣ синяя небесъ видна эмаль,
Слегка дрожащая отъ утренняго пара.
Высокія межи, подобіе бульвара,
Повсюду поросли косматою травой:
Пахучимъ донникомъ, репьями, лебедой,
И все, и весь ландшафтъ широкій, необъятный,
Все вѣетъ свѣжестью, охотнику пріятной,
И бодро конь его, и песь его бѣжитъ...
Вдругъ тихо раздалось протяжное: «лежить!»
Которое съ сѣдла выводитъ доѣзжачій,
Поднявъ арапникъ вверхъ: все стихло — визгъ
собачій,

И всей охотничьей аравы топотня.
Тадеушъ удержалъ ретиваго коня,
Привсталъ на стремяхъ и ждетъ, что заяцъ вско-
чить;

Глядитъ впередъ себя, но тщетно онъ хлопочеть:
Не видитъ ничего охотникъ молодой,
Лишь только борозда бѣжитъ за бороздой
И въ безконечности теряется далеко...
Чтобъ видѣть русака, привычнѣй нужно око;
Тадеушъ отъ полей давно уже отвыкъ,
А заяцъ, съезжившись, за кочкою приникъ
Какъ-разъ противъ него, прижался и таится,
Почуялъ борзыхъ псовъ и выскочить боится...
Но вотъ ужъ у него арапникъ на хвосту:
Русакъ вскочилъ, пошелъ — « агу его, агу! »
Задорные ловцы всѣ разомъ закричали
И мигомъ, пыль поднявъ, въ клубахъ ея пропали...

Въ то время подъѣзжалъ къ охотѣ сбоку графъ,
Рысцой; какъ водится, на травлю опоздавъ.
Ни разу отроду онъ не вставалъ до свѣту.
Шотландскій мэкинтошъ гороховаго цвѣту
Полами длинными съ зефирами игралъ,
Межъ-тѣмъ, какъ всадникъ нашъ охоту узиралъ.
За нимъ — одѣтые по англійски лакеи,
Которые звались въ дому его « жокеи ».
Вдругъ замокъ передъ нимъ изъ рощи возстаетъ:
Графъ смотритъ и никакъ его не узнаётъ,

Затѣмъ, что поутру попалъ туда впервые:
 Исчезли старыхъ стѣнъ морщины вѣковыя,
 И нанесенная столѣтіями мгла,
 При утреннихъ лучахъ, съ гранитнаго чела
 Скатила; улетѣлъ куда-то мракъ всегдашній —
 И замокъ весь сіялъ, съ его красивой башней.
 Далекой травли гулъ, крикъ столькихъ голосовъ,
 По вѣтру донеслись къ нему изъ-за лѣсовъ:
 Ихъ шумъ дремавшія развалины встревожилъ —
 Казалось: замокъ вновь, народомъ полонъ, ожилъ.

Картиной пораженъ, графъ лошадь осадилъ,
 Затѣмъ, что всякую печальность любилъ,
 Оригинальныя, массивныя строенья,
 Съ печатью старины, преданій и забвенья,
 Напоминавшія далекіе года.
 Графъ былъ большой чудакъ: видали иногда,
 Какъ онъ, заѣхавши охотиться въ дубраву,
 Внезапно покидалъ охотничью араву
 И молча гдѣ-нибудь садился надъ ручьемъ.
 Порою безъ толку бродилъ одинъ съ ружьемъ:
 Дичь видитъ, а не бьетъ; богъ-вѣсть о чемъ
забота...

Твердили, что ему не достаетъ чего-то;
 Что не совсѣмъ его въ порядкѣ голова;
 Но всякъ его любилъ и знала вся Литва,
 Что тихо онъ живетъ, не судить и не рядить
 О ближнемъ; что его и прадѣдъ, и прапрадѣдъ

Такими жъ графами окончили свой вѣкъ;
Что, напоследокъ, онъ хорошій человекъ:
Хотя обремененъ огромными долгами,
Но къ бѣднымъ милостивъ и ласковъ со слугами;
Что гостю всякому во всякій часъ онъ радъ
И даже для жиловъ не гордъ и тароватъ.

Такъ точно и теперь съ охотой онъ простился,
Поѣхалъ въ сторону, предъ замкомъ очутился,
На стѣны посмотрѣлъ, подумалъ — и тогда жъ
Досталъ изъ-подъ сѣдла портфель и карандашъ
И ну чертить ландшафтъ; вдругъ видитъ: кто-то
сбоку

Подбрался и стоитъ оттоль неподалеку,
Весь въ созерцаніи, спокоенъ, недвижимъ,
Казалось, тѣмъ же былъ недугомъ одержимъ:
Въ разрушенныхъ стѣнахъ разглядывалъ каменя,
Какъ-будто въ нихъ искалъ предметъ для вдох-
новенья.

Замѣтивъ пришлеца и свой портфель убравъ,
Тихонько на конѣ къ нему подъѣхалъ графъ,
Вглядѣлся пристально, окликнувши три раза —
И только тутъ узналъ онъ Ключника Герваза.
То старый шляхтичъ былъ, давно какъ лунь сѣ-
дой,

Съ огромной лысиной, съ небритой бородой,
Съ физиономіей угрюмой и суровой,
Остатокъ жалостный отъ челяди дворовой

Горешки; въ оны дни отчаянный буянъ,
 Гуляка, балагуръ; когда жъ вельможный панъ
 Горешка въ битвѣ палъ — Гервазъ перемѣнился:
 Ходилъ насупившись, не спорилъ, не бранился,
 Утихъ и присмирѣлъ; и вотъ ужъ много лѣтъ
 На свадьбахъ, на пирахъ, простылъ его и слѣдъ;
 Ни шутки отъ него не слышно, ни усмѣшки
 Не видно на устахъ. Последняго Горешки
 Носилъ ливрею онъ изъ синяго сукна,
 Гдѣ были на бортахъ остатки галуна
 И шитый графскій гербъ — коза въ зеленомъ полѣ,
 Отъ этого Козой зовутъ его дотолѣ;
 Мопанкомъ иногда зовутъ и, наконецъ,
 Что лысина въ рубцахъ, зовутъ его Рубецъ.
 Насчетъ его гербовъ... но видно онъ гербами
 Своими пренебрегъ: весь вѣкъ ходилъ съ ключами
 И Ключникомъ себя смиренно называлъ,
 Хотъ замокъ съ давнихъ поръ въ развалинахъ
стоялъ,
 Безъ оконъ и дверей — въ томъ не было потери —
 Но Ключникъ отыскалъ какія-то двѣ двери
 И въ замкѣ ихъ воздвигъ на собственный свой счетъ;
 Съ-тѣхъ-поръ въ одной изъ залъ спокойно онъ
живеть,
 По комнатамъ пустымъ одинъ-себѣ гуляетъ
 И двери всякій день преважно отпираетъ,
 И этимъ сытъ. Чудакъ у графа жить бы могъ,
 Нашелся бъ для него и хлѣба тамъ кусокъ,

По Ключникъ, безъ своихъ горешковскихъ развалинъ,
Безъ замка своего, былъ боленъ и печаленъ.

Лишь-только вдалекѣ онъ графа увидалъ,
Горешки кровнаго — проворно шапку снялъ
И, низменный поклонъ отвѣсивши глубоко,
Вдругъ лысину открылъ, свѣтившую далеко,
Браздами взрытую и вдоль и поперегъ;
Потомъ приблизился, опять до панскихъ ногъ
Припалъ, какъ слѣдуетъ, и поклонился низко,
И робко началъ такъ: «Мопанку мой, паписко!
Прости такую рѣчь слугѣ ты своему!
«Мопанку» говорилъ (да будетъ миръ ему!)
Послѣдній стольникъ нашъ, Горешка. Ясный
пане!

Мопанку! правду ли болтають поселяне,
Что бросилъ ты процессъ и старый замокъ свой
Соплицамъ отдаешь? Скажи: то слухъ пустой,
Мопанку, или все, что лають, справедливо?»
А самъ поглядывалъ на замокъ боязливо.

— По мнѣ тутъ ничего особеннаго нѣтъ,
Сказалъ небрежно графъ: процессу много лѣтъ,
Напрасно тратимся! и дорого, скучно,
Пора покончить споръ, простить великодушно
Другъ друга и задать на примиреньи пиръ!»
— Покончить? крикнулъ тотъ: — простить? съ
Соплицей миръ?

(И это говоря, онъ страшно искривился
 И собственнымъ словамъ не вѣрилъ и дивился)
 О, нѣтъ! ты шутишь, панъ! покончить, уступить!
 Не вѣрю ни за что! Во вѣкъ тому не быть!
 Пустыя выдумки, напраслина, насмѣшки!
 Мопанку! замокъ нашъ, наслѣдіе Горешки,
 Соплицамъ уступить? Съ Соплицей миръ? Ни-ни!
 Пожалуй, слѣзь съ коня, будь милостивъ, взгляни
 На замокъ... ну, а тамъ пусть судить Богъ и
 время!»

И Ключникъ придержалъ ему рукою стремя.

Вошли. «Вотъ здѣсь, въ сѣняхъ, старинные паны
 (Такъ началъ Ключникъ рѣчь), дворомъ окружены,
 Сидѣли на скамьяхъ, по трапезѣ вечерней.
 Панъ Стольникъ разрѣшалъ отсюда споры черни,
 Повѣтскихъ поселянъ; когда же въ духѣ былъ,
 Гостямъ исторіи разсказывать любилъ,
 Иль самъ выслушивалъ ихъ шутки и бесѣды.
 Порой на молодѣжь поглядывали дѣды.
 На игры въ бары, въ мячъ; кто крѣпче и сильнѣй,
 Тотъ панскихъ объѣзжалъ здѣсь по двору коней.»

Прошли еще покой. «А какъ о томъ разсудить
 Мой панъ (сказалъ Гервазъ) и камней тутъ не
 будетъ,
 Что винныхъ бочекъ здѣсь разбито въ оны дни:
 Рядами по стѣнамъ тутъ ставились они,

На крѣпкихъ поясахъ изъ погреба добыты
 Честною шляхтою, на праздникъ знаменитый,
 Не то на сельскій сеймъ, собравшейся сюда;
 На хорахъ музыка играла иногда,
 Органы до утра весь замокъ оглашали;
 Когда жъ заздравные виваты возглашали—
 Трубили трубы здѣсь, какъ-будто въ судный день,
 И пѣли пѣвчіе съ окрестныхъ деревень.
 Виваты рядомъ шли: сначала пили гости
 Здоровье короля, его крулевской мости,
 Потомъ за здравіе Примаса, а потомъ
 Шель тостъ уже за весь за королевскій домъ;
 А тамъ за здравіе всей шляхты именитой,
 А тамъ ужъ, наконецъ, всей Рѣчи Посполитой,
 Потомъ «*Kochaјmu się!*» (*) тутъ свѣжихъ
бочки три...

Послѣдній тостъ гремѣлъ до утренней зари,
 Межъ-тѣмъ, по строгому наказу воеводы,
 Гостямъ готовились и цуги и подводы. »

Прошли въ молчаніи еще покоя два.
 По сводамъ, кое-гдѣ, вилась уже трава.
 Гервазъ не говорилъ, но, будто сномъ объятый,
 Оглядывалъ кругомъ знакомыя палаты,
 Насунивъ безъ того угрюмое чело,
 Казалось, выражалъ молчаньемъ: « все прошло! »

(*) Возлюбимъ другъ друга! — заключительный тостъ всѣхъ польскихъ пирушекъ.

Здѣсь жалостно киваль, а тамъ махаль рукою...

Потомъ они пришли къ обширному покою,
Который прежде весь былъ убранъ въ зерка-
лахъ,

А нынѣ рамы лишь видѣлись на стѣнахъ,
Безъ стеколъ; выбиты глядѣли всѣ окошки;
Насупротивъ, въ травѣ протоптанной, дорожки,
Нависло ветхое, убогое крыльцо;

Ступивши на него, старикъ закрыль лицо
И долго простояль; когда же отняль руки —
Въ очахъ, на всемъ челѣ, такъ много было
муки,

Что графъ, хоть и не зналь покуда ничего —
Глядѣль съ сочувствіемъ и грустью на него.

Молчанье перервавъ, Гервазъ подняль десницу:
«Нѣтъ, молвилъ, никогда Горешковъ и Соплицу
Нельзя соединить! Мопанку, и въ тебѣ
Течеть Горешки кровь: не уступай борьбѣ!
Ты стольнику родня по матери Ловчинѣ;
Узнай же про него исторію ты нынѣ,
Внимательно слѣди разсказъ мой до конца!
Все это было здѣсь, у этого крыльца!»

«Покойный стольникъ мой былъ первый панъ въ
повѣтъ,

Богачъ, имѣль онъ дочь всего одну на свѣтѣ,
Красавицу, тогда шестнадцати годовъ.
Отбою не было у насъ отъ жениховъ.

Межъ шляхты былъ одинъ, не изъ большаго
 рода,
 Соплица, прозванный изъ шутокъ Воевода,
 Весь округъ у себя держалъ на сторонѣ,
 Про все, что захотѣлъ, приказывалъ роднѣ,
 И сотней ихъ шаровъ командовалъ заранѣ,
 Какъ-будто у него лежатъ они въ карманѣ;
 Хоть самъ имѣлъ земли съ четыре полосы,
 Да саблю у боку, да длинные усы —
 И только. Стольникъ-панъ до этого народу
 Былъ ласковъ, принималъ почасту Воеводу
 И въ замкѣ угощалъ. Соплица мой (туда жъ
 Залѣзетъ въ голову такая дрянь и блажь!)
 Мопанку, выдумалъ, какъ-будто бы на ровнѣ,
 Посватать-попытать на нашей стольниковнѣ!
 Непрошенный сюда къ Горешкамъ зачастилъ,
 Какъ дома у себя, у насъ и ѣлъ, и пилъ,
 Токаю одного пошло не вѣсть что дюжинъ...
 Но вдругъ ему гарбузь (*) мы подали на ужинъ.
 А панна видно то жъ, немного, звать, того...
 Однако никому объ этомъ ничего.»

«Довольно лѣтъ тому, дѣла времянь Костюшки.
 Панъ шляхту собиралъ; сходилъсь другъ ко
 дружкѣ,
 Конфедерацію почуявши вдали;
 Вдругъ, въ ночь, нагрянули на замокъ москали,

(*) То-есть тыкву — знакъ отказа.

Изъ пушки выпалить едва осталось время,
 Веѣ двери запереть и хворосту беремя
 Позади навалить; а въ зѣмкѣ — я да панъ,
 Да двое поварять; кухмистеръ, хоть и пьянъ,
 А тоже взялъ ружье; стволы во веѣ окошки!
 Глядимъ, а москали, карабкаясь, какъ кошки,
 Ужъ лѣзутъ на заборъ; мы залпъ имъ прямо
 въ лобъ:

Кто на плетнѣ повисъ, кто сверху на земь
 хлопъ,
 Разсѣялись — и тутъ пошелъ огонь батальный,
 Гремя безъ устали, какъ въ битвѣ генераль-
 ной.

Пятнадцать на полу лежало ружей тутъ:
 Пали изъ одного, другое подають,
 Ксеендзъ-пробошъ заряжалъ и стольничиха-
 пани,

Все было мастерски обдумано заранѣ. —
 Градъ пуль изъ-за плетня пустили москали
 И, нечего сказать, порядкомъ насъ дошли;
 Проклятый сопостать былъ вчетверо сильнѣе,
 Но, видно, сверху мы удачнѣй и вѣрнѣе
 Накалывать могли: врагъ трижды наширалъ,
 Но кто-нибудь всегда вверхъ ноги задиралъ,
 И по лугу кашкетъ его катился черный...
 До самаго утра кишѣлъ здѣсь бой упорный;
 Всего-то пять стрѣлковъ, а задали мы жаръ!
 Подъ утро москали бѣжали за амбаръ

И тамъ столпились все — пришло имъ больно
худо —

Панъ вышелъ на крыльцо и ну палить оттуда:

Чуть голову какой высовывалъ холопъ —

Панъ-стольникъ за ружье: бабахъ! — и прямо
въ лобъ.

Мы также рядомъ съ нимъ огонь открыли меткій,

И подлинно, отъ насъ укрывался рѣдкій

Пѣхура за амбаръ. Тутъ битвѣ бѣ и шабашъ:

На штурмъ хотѣли мы; панъ выхватилъ палашъ:

«За мной, Гервазъ, за мной!» — Вдругъ выстрѣлъ
съ боку грянулъ —

Панъ стольникъ поблѣднѣлъ, шатнулся и отпря-
нулъ

Назадъ; я посмотрѣлъ: попала пуля въ грудь.

Хотѣлъ онъ говорить, лишь могъ рукой махнуть,

И пальцемъ показалъ на крайнюю свѣтлицу —

Узналъ я, угадалъ разбойника Соплицу

По росту и усамъ! и сердце мнѣ мое

Сказало... онъ стоялъ, держа въ рукахъ ружье,

Насупротивъ, и дымъ еще струился бѣлый;

Я вмигъ прицѣлился — онъ сталъ какъ померт-
вѣлый;

Я дважды выстрѣлилъ и дважды промахъ далъ,

Съ досады, съ горя ли... тутъ крикъ я услыхалъ:

Сбѣжались изъ дому ксендзъ-пробощъ, панна,

пани,

Потомъ и москали... но это какъ въ туманѣ

Я помню... Такъ погибъ, такой имѣлъ конецъ
Нашъ Стольникъ, шляхты братъ, селянамъ панъ-
отецъ!

Посиль онъ булаву, а не оставилъ сына,
Кто могъ бы отомстить... Но слуги господина
Живутъ еще: спискаль онъ лаской ихъ любовь;
И Ключникъ живъ еще! въ струящуюся кровь
Тогда же омочилъ я прадѣдовскій, длинный,
Завѣтный мой палашъ, мой Ножикъ-перочинный,
Какъ всѣ его зовутъ (чай, панъ слыхалъ о немъ?)
На сеймахъ и вездѣ, по ярмаркамъ кругомъ,
Давно извѣстенъ онъ) — я далъ себѣ присягу
Весь вѣкъ Соплицамъ мстить, пока въ могилу
лягу.

И вотъ ужъ сколько лѣтъ преслѣдую я ихъ:
Въ Варшавѣ посадилъ на Ножикъ мой тропихъ,
Четвертаго поймалъ въ Кореличахъ на рынкѣ,
Двоихъ подъ Краковомъ убилъ на поединкѣ,
Во Львовѣ одного; обшарилъ цѣлый свѣтъ;
А что ушей посѣкъ — о, имъ и счету нѣтъ!
Остался лишь одинъ и живъ, и цѣль на свѣтѣ,
Тому Соплицѣ братъ, уважаемый въ повѣтѣ,
Богачъ, тебѣ сосѣдъ, Соплица панъ-Судья...
И замокъ нашъ ему? нѣтъ, графъ, не вѣрю я,
Не вѣрю, чтобы смѣлъ сюда занести онъ ногу,
Кровь Стольника стереть съ высокаго порогу
Нечистымъ сапогомъ! Нѣтъ, этому не быть!
Пока мѣсть я могу хоть пальцемъ шевелить

И двигать свой палашъ, свой Ножицъ-перочинный —
Не будетъ паномъ едѣсь Соплица ни единый!»

— Да, подлинно, сказалъ, прослушавъ повѣсть,
графъ:

Преданье хоть куда! Ты въ-самомъ-дѣлѣ правъ:
Мы замокъ отстоимъ; я чтилъ его не даромъ,
Любилъ руины тѣ (онъ такъ добавилъ съ жаромъ),
Хоть и не зналъ, что здѣсь, межъ самыхъ этихъ
стѣнъ,

Случилось столько битвъ и драматичныхъ сценъ!
Гервазъ! когда права на замокъ мы докажемъ,
Ты будешь мой мургграфъ, ты будешь замка
стражемъ.

Досадно, не пришли сюда мы въ часъ иной,
Когда на стѣны тѣ ложится мракъ ночной:
Окутанный плащомъ, я сѣлъ бы на руинахъ,
А ты бы мнѣ вѣщаль о прежнихъ властелинахъ,
О панахъ этихъ мѣсть, дѣянья прошлыхъ лѣтъ...
Во всей Германіи такого замка нѣтъ,
Съ которымъ хоть одно не связано преданье:
Кровавый договоръ — любовниковъ свиданье —
Коварство недруга — любовь — измѣна — мечь...
Но я не зналъ досель, что въ Польшѣ тоже есть
Такіе случаи... Я кровь Горешковъ слышу
И буду защищать мою родную крышу
Съ оружіемъ въ рукахъ! Такъ, будетъ сабель звонъ! —
Сказалъ — и, медленно шагая, вышелъ вонъ.

За нимъ послѣдовалъ Гервазъ печальный сзади.
 Графъ прыгнулъ на коня и, при послѣдномъ взглядѣ
 На замокъ, проворчалъ тихонько: — право жаль,
 Здѣсь нѣтъ наслѣдницы: пошло бы это вдаль,
 Сошлица началъ бы упорствовать упрямо,
 Я тоже — и какъ—разъ могла бы выйти драма:
 Здѣсь — давняя вражда, вендетта, кровь за кровь,
 А здѣсь — поэзія, восторги и любовь! —

Такъ шепча про-себя, коню даетъ онъ шпоры
 И скачетъ по полямъ, узрѣвъ смычки и своры,
 Охотниковъ, коней, собакъ со всѣхъ сторонъ,
 Несется прямо къ нимъ (любилъ охоту онъ),
 Но вдругъ, по сторонамъ блуждать пуская взгляды,
 Цвѣтушій огородъ увидѣлъ сквозь ограды.

На правильныхъ грядкахъ, какъ въ рамѣ, за травой,
 Капуста лысою качала головой,
 Широкій сморщивъ листь, какъ бы насупя брови,
 Казалось, о судьбахъ задумалась моркови...
 За ней, вдаль, горохъ, бобовнику родня,
 Рядами круглыхъ глазъ мигалъ промежъ плетня
 И живою гирляндой черезъ сучья
 Развѣшивалъ свои темнозелены стручья;
 Здѣсь яркій попушой вытягивалъ свой станъ
 И въ воздухѣ ходилъ златой его салтанъ,
 А далѣ, наконецъ, изъ зелени кудрявой
 Выкатывалъ арбузъ свой корпусъ величавый

И дынь на ухо нашептывалъ порой...
 Тамъ темныхъ коноплей видѣлся ровный строй:
 Качался на грядяхъ они, какъ лѣсъ дремучій,
 Пугая гусеницъ изъ зелени пахучей;
 За ними маковъ шла цвѣтущая гряда,
 Какъ-будто мотыльковъ игривыя стада
 Усѣлись, трепеща, на стебляхъ чуть замѣтныхъ
 И блѣща искрами каменьевъ самоцвѣтныхъ...

Межъ тѣхъ пушистыхъ грядъ дѣвица шла, не
шла,
 А точно по волнамъ, по зелени плыла;
 Косышка на плечахъ; простое платье было;
 Рукой отъ солнышка тихонько заслонила
 Она свое лицо; глаза спустила внизъ;
 Двѣ ленты алыя за кóсами вились.
 Вотъ наклонилася, какъ-будто что-то ловить
 Рукою на грядяхъ; вдругъ взоры остановить
 И быстро побѣжить... Все это видѣлъ графъ;
 Дыханье затаивъ, на стремени привставъ,
 Коня остановилъ и чудное видѣнье
 Безмолвно созерцалъ; вдругъ слышитъ онъ двп-
женье
 И шелестъ позади: то былъ отецъ-плебанъ,
 Ксендзъ Рóбакъ: «огурцовъ, спросилъ онъ, хочешь
пань?
 Или такъ, о чемъ другомъ мечтаешь на свободѣ?
 Нѣтъ овсцу про васъ на этомъ огородѣ!»

И пальцемъ погрозивъ, пошелъ - себѣ опять.
 Слегка смущенный графъ, сталъ снова наблюдать,
 Со смѣхомъ и въ сердцахъ, но были пусты гряды,
 Лишь пара алыхъ лентъ мелькнула сквозь
 ограды,

Да чуть еще вдали сверкнуло черезъ окно
 Какъ снѣгъ бѣлѣвшее сорочки полотно,
 Да по лугу еще, гдѣ пробѣжали ножки,
 Едва замѣтныя виднѣлись двѣ дорожки,
 Тихонько подлѣ нихъ качались кусты
 И что-то межъ собой шептали ихъ листья;
 Да позабытая корзинка тамъ осталась
 И тихо на травѣ зеленой колыхалась..

—

III.

Ужинъ. — Сборъ на медвѣжью охоту. — Корчма.

Звонокъ: часъ ужина. Толпа шумитъ какъ море...
 Всѣхъ выше, впереди, садится подкоморій,
 Какъ слѣдуетъ ему по званью и лѣтамъ;
 Садясь, онъ кланялся привѣтливо гостямъ.
 Тадеушъ на концѣ; Судья посерединѣ.
 Ксендзь Рѣбакъ прочиталъ молитву полатынѣ.

Прислуга съ водкою подходит наконецъ
И ставитъ на столѣ литовскіи холодецъ;
Тутъ бигось подаютъ, курчента, раки, зразы.
Бдятъ. Межь блюдами кипятъ у нихъ разе-
казы.

Бдятъ. Бесѣдуютъ. Вдругъ ужинъ прервался,
Утихъ тарелокъ звонъ и смолкли голоса,
(Предъ тѣмъ хвалившіе наштетъ изъ мелкой
дичи):

Ввалился въ комнату измученный лѣсничій,
Забывъ, что ужинъ шель (хотя ужъ и къ концу);
Всѣ смотрягъ на него и видятъ по лицу,
Что нѣчто важное изъ усть его готово
Потокомъ побѣжать, но... вышло только слово:
«Медвѣдь, отцы мои!» — Какъ? Что? Какой
медвѣдь?

Всѣ повскакали съ мѣсть, не въ силахъ усидѣть,
Какъ-будто-бъ поднялъ ихъ волшебствомъ нѣкій
демонъ.

Вмигъ поняли, что звѣрь изъ дальнихъ пущъ, за
Нѣманъ,

Прорвѣлся, приманенъ на пасѣки въ луга;
Что надо всей гурьбой ударить на врага,
Облаву снарядить, готовится заранѣй.
Посыпалася тьма различныхъ приказаній,
Вопросовъ, мелкихъ фразъ, полупонятныхъ

словъ —

И всякій хотъ сейчасъ на звѣря былъ готовъ.

«Эй, сотника сюда! Пошлите на деревню!
(Кричалъ слугамъ Судья). Нѣтъ дома, такъ въ
харчевню:

Навѣрно тамъ сидитъ. Скажите отъ меня:
Кто явится съ ружьемъ, изъ барщины три дня
Я вычту у того!» — Эй, Томашъ! Эй, Григорій!
(Приказывалъ своей прислугѣ подкоморій)
— Мордашекъ мнѣ сюда. Да, слышишь, не
забудь

Ошейники на нихъ другіе пристягнуть!...
А что за мордаши! мы ихъ, для смѣху,
кличемъ

«Квартальнымъ» одного, другаго «городни-
чимъ»,

И кличка подлинно имъ по шерсти дана.
Не-правда-ль, господа, лихія имена? —

«Эй, Ванька! (становой скомандовалъ порусски)
Готовь оружіе, снаряды и закуски!
А паче у меня, смотри, не забудь
Кинжалъ персидскій мой на брусѣ потянуть;
А также осмотрѣть мою Сагаласовку:
Ту, знаешь, на крюкѣ, особую винтовку:
Не видно ль ржавчины въ стволѣ и у краевъ?
Да живо нарубить картечи, жеребьевъ!
Да оглядѣть кремень въ сѣдельномъ пистолетѣ!»
— Да сбѣгать по ксендза! Сказать, чтобъ на
разсвѣтѣ

Была бы у него (добавилъ панъ Судья),
 Въ часовнѣ Губерта (*) святая литія! »
 Утихли наконецъ и шумъ, и восклицанья;
 Всѣ думаютъ, среди глубокаго молчанья:
 Кому они вручатъ охоты булаву?
 И разомъ очи ихъ упали на главу,
 Всю убѣленную годами и заботой:
 Пусть Войскій (рѣшено) командуетъ охотой!
 Старикъ желаніе компаніи смекнулъ:
 Серебряный шнурокъ тихонько потянулъ
 И вытащилъ часы: «въ четвертомъ, въ половинѣ
 Всѣмъ, братья, въ сборѣ быть на Щуровой
 долинѣ!»

Потомъ лѣсническому далъ знакъ глазами онъ —
 И оба толковать о чемъ-то вышли вонъ.

Такъ хитрые вожди, приготавлиаясь къ бою,
 Заранѣ ведутъ бесѣду межъ собою,
 Въ тиши, подъ сѣнію широкаго шатра,
 А ратникъ спитъ-себѣ спокойно до утра,
 Безпечень и пока ни для кого ненужень;
 Нето на вертелѣ готовить скудный ужинъ.

Ровесники князей воинственной Литвы,
 Дремучіе лѣса! все тѣ же ль нынче вы?
 Все также ль дѣвственны, благоуханно-свѣжи
 Вы, рощи Свитези и пущи Бѣловѣжи?

(*) Св. Губертъ — покровитель охотниковъ.

Среди чужихъ полей, я вспомнилъ нынче васъ,
 Чья царственная тѣнь ложилася не разъ
 На думную главу великаго Мнидовы;
 Гдѣ часто Гедиминъ, среди своей дубровы,
 Удачно совершивъ благопріятный ловъ,
 Перуну приносилъ барановъ и воловъ,
 И, лежа у костра, внималъ, подь шумъ Вилейки,
 Заманчивымъ рѣчамъ маститаго Лиздейки (*),
 Любя его живыхъ разсказовъ благодать;
 Дремалъ и въ вѣщихъ снахъ онъ думалъ градъ
создать,

И — жертвуя потомъ Перуну изобильно,
 Среди завѣтныхъ пущъ, построилъ городъ Вильно,
 Столицу всей Литвы, и грозно встали тутъ,
 Въ защиту родины, и Ольгердъ, и Кейстугъ,
 Равно счастливые и славные въ ловитвѣ
 За дикими звѣрьми и съ недругами въ битвѣ.
 Въ тѣ рощи наѣзжалъ съ облавой иногда
 Лихой монархъ-ловець, въ преклонные года,
 Любимый нашъ король, наслѣдникъ Ягеллону,
 Послѣдній, кто носилъ витольдову корону.

Лѣса родимые! случится ли опять,
 Хотя подь старость лѣтъ, мнѣ взоромъ васъ обнять?
 Придется ль встрѣтиться съ родимой стороною,
 Гдѣ свѣтъ увидѣлъ я, гдѣ ползалъ я дитею

(*) Извѣстный того времени поэтъ и прорицатель, политовски: вайделета.

По мягкой муравѣ, среди косматыхъ пней,
 Гдѣ пѣль и гдѣ любилъ на утрѣ лучшихъ дней?
 Стоитъ ли нынѣ тамъ, надъ Росью серебристой,
 Могучій Баублицъ (*), широкій и вѣтвистый,
 Въ сѣни котораго, какъ-будто подъ шатромъ,
 Двѣнадцать человѣкъ садилось за столомъ?
 И липа старая, предъ домомъ Головинскихъ,
 Свидѣтель мирныхъ битвъ и подвиговъ воинскихъ,
 Гдѣ прежніе вожди сходились искони
 О замыслахъ своихъ бесѣдовать въ тѣни,
 И гдѣ, не такъ давно, при Августѣ, бывало,
 Сто бравыхъ молодцовъ мазурку танцовало...

Давно знакомые душѣ моей лѣса!
 Я вижу васъ опять: угрюмая краса
 И сумракъ чудный вашъ вновь живы предо мною:
 Изъ края чуждаго я къ вамъ несусь мечтою,
 Лѣса родимые, лѣса моей Литвы!
 Все также ли, какъ встарь, величественны вы,
 Невозмутимые? Все также ль горделиво
 Растете въ облака и, смертному на диво,
 Стоите, крѣпкіе, съ небесною грозой
 И съ бурями земли выдерживая бой?
 Все та же ль тишина подъ вашими вѣтвями?
 Любимы ль также вы пернатыми пѣвцами?

(*) Собственное имя историческаго дуба, въ повѣтъ Ропшинскомъ. Дубъ этотъ помнитъ языческія времена, когда его почитали какъ нѣкоторую святыню.

Поютъ ли тамъ они, какъ въ прежніе года?
 Иль безпощадная прокралася нужда
 Въ обитель тихую торжественнаго мира —
 И тамъ звенить теперь тяжелая сѣкпра
 По вѣтвямъ вѣковымъ, гоня пернатыхъ вонь?...

Былое предо мной мелькаетъ будто сонъ!
 Лѣса родимые, отеческія сѣни!
 О, сколько чудныхъ думъ и сладкихъ сновидѣній
 Вы мнѣ навѣяли! какъ часто отъ друзей
 Я въ вашу глушь бѣжалъ; подъ сумракомъ
вѣтвей

Задумывался я и было мнѣ отрадно,
 Какъ чуткимъ ухомъ я прислушивался жадно
 Къ невнятнымъ голосамъ лепечущихъ листовъ.
 Здѣсь повѣсть чудную, преданія вѣковъ,
 Мнѣ дубъ рассказывалъ, челомъ разрѣзавъ тучи,
 И три столѣтія на рамена могучи
 Поднявъ. Тамъ, издали замѣтная едва,
 Береза плакала, какъ скорбная вдова,
 Иль мать нѣжная, утратившая сына.
 Вакханка юная, румяная рябина,
 Стояла близъ нея, съ пылающимъ лицомъ.
 А далѣе росла раскидистымъ кустомъ,
 Вся въ перлы убрана, красавица лѣсная,
 Орѣшпна, своей вершиною кивая
 Черешнѣ молодой, которую внизу
 Ужь обвилъ буйный хмѣль и гибкую лозу

Забросилъ далѣе, какъ юноша отважный.
 Порою пробѣгалъ надъ нами гуль протяжный
 И вихоръ темныя вершины колебалъ:
 Казалось, тамъ прошелъ бурливый моря валъ —

И все стихало вновь. Лишь изрѣдка, высоко,
 Въ дубъ дятель клевомъ билъ и улеталъ далеко;
 Иль векша хитрая качалась на вѣтвяхъ,
 Поднявъ пушистый хвостъ, орѣхъ держа въ
 зубахъ;

Вдругъ, гостя чуждаго замѣтивъ зоркимъ окомъ,
 Стрѣляла въ глушь лѣсовъ — и въ сумракъ
 глубококомъ

Терялась... тихо все. Вотъ вѣтви затряслись,
 Чуть-слышныя шаги по рошѣ раздались —
 И, словно солнца лучъ, иль яркая денница,
 Мелькнула вдаль, подъ липами, дѣвица,
 Стыдливая дубравъ родимыхъ красота,
 Идя за ягодой, румяной какъ уста...
 Вонъ юноша близъ ней: предъ дѣвой оробѣлой
 Онъ вѣтви крѣпкія рукой сгибаетъ смѣлой;
 Чу! рогъ вдали трубить и слышенъ топъ коней;
 Собаки залились, почуявши звѣрей...
 Вмигъ, дѣва съ юношей, исполнены тревоги,
 Исчезли въ глубинѣ, какъ рошей темныхъ боги...

На псарнѣ у Судьи чѣмъ-свѣтъ бреханье псовъ,
 Тревога, суета, смѣшенье голосовъ;

Вотъ позывъ въ рогъ даетъ охотѣ доѣзжачій...
 Однакоже ни рогъ, ни звонкій лай собачій
 Встревожить не могли Тадеуша никакъ:
 Залѣзъ на сѣноваль, храпитъ онъ какъ байбакъ,
 Забытый братьею: съ утра охотой занятъ,
 Всякъ думаль, что панычъ и такъ захочетъ -
 встанетъ.

Вотъ сѣли на коней... а онъ себѣ лежитъ.
 Денницы ясный лучъ будить его бѣжитъ
 И, въ щель прорѣзавшись, сверкнула сквозь
 окошко

По сѣну темному огнистая дорожка,
 Скользнула по глазамъ, добралась до чела
 И кудри свѣтлыя какъ пламенемъ зажгла;
 А онъ попрежнему храпитъ во снѣ глубокомъ,
 Отъ яркаго луча отворотившись бокомъ.
 Вдругъ кто-то въ ставень стукъ — проснулся!
 какъ легко!

Какъ весело, свѣжо! и сонъ ужъ далеко!...
 Тадеушъ вспомянулъ вчерашнія проказы
 И глазки Зосины, что свѣтлые алмазы;
 Какъ онъ подсматривалъ изъ темнаго куста...
 Улыбка просится счастливицу на уста
 И вспыхнулъ на щекахъ румянецъ пурпу-
 ровый...

Взглянулъ на ставень онъ: что это? призракъ
 новый:

Два глаза ясные пригрезились ему,
 Съ тревогой, торонко глядящiе во тьму,
 Сквозь ставень, въ мѣстѣ томъ, гдѣ вырѣзано
сердце;

И ручка нѣжная, повиснувши на дверца,
 Просунулась къ нему, лишь пальчики
порой

Горѣли по краямъ рубиновой зарей.

Тадеушъ третъ глаза, вскочилъ... но призракъ
ясный

Исчезъ, куда? богъ-вѣсть... къ окошку: трудъ
напрасный!

Тадеушъ внизъ бѣжитъ, заглядываетъ въ садъ:
 Лишь былки лебеды, качаяся, дрожатъ,
 Кто знаетъ: тронуты-ль ногою шаловливой,
 Иль, можетъ, пробѣжалъ по нимъ зефиръ игри-
вый.

Тадеушъ, опершись рукою о плетень,
 Стоялъ, едва дыша... на небѣ яркiй день,
 И по двору давно расхаживаютъ куры;
 Гремя, тяжелыя куда-то ѣдутъ фуры:
 Я чай, съ провизiей для псовъ и егерей...
 Тадеушъ бросился изъ сада поскорѣй,
 Схватилъ ружье, кинжалъ; сшибъ съ ногъ въ
сѣняхъ старуху;

Беретъ себѣ коня и мчится, чтó есть духу,

Къ корчмамъ, которыя видѣлися вдали:
 Одна изъ нихъ, едва замѣтна отъ земли,
 Стояла, прислонясь къ горешковской границѣ:
 Другая, новая, была корчмой Соплицы,
 Ничуть несхожія: затѣмъ и тамъ, и тутъ
 Неодинаковый кутить сходился людъ:
 Въ одной господствовалъ Горешки Ключникъ
 грозный;
 Въ другой витійствовалъ всегда Брехальскій,
 Возный (*).

Последняя была какъ всѣ корчмы на видъ.
 Другая жъ, старая, прохожаго дивить
 Необычайною своей архитектурой,
 Нигдѣ невиданной, печальной и повурой.
 Ея отечество, какъ слышно, древній Тиръ,
 Отколѣ образцы жида на цѣлый міръ
 Когда-то разнесли, все далѣе и далѣ,
 А тамъ уже и мы ее въ наслѣдство взяли.

Какъ Ноя праотца вмѣстительный ковчегъ,
 Корчма напереди: тамъ видишь тварей всѣхъ:
 Собаки, лошади, коровы, гуси, куры...
 Но сзади образецъ иной архитектуры:

(*) Возный, иначе генерал-выборный изъ мелкой шляхты. Разносилъ позы въ судъ; объявлялъ вводъ во владѣніе и т. п. Находился всегда при судѣ и даже ему прислуживалъ.

Особенный чертогъ, что соломоновъ храмъ;
 Колонки хрупкія бѣлѣютъ по угламъ,
 Немного на боку, точь въ-точь... какъ башни въ
 Пизѣ;

Рѣзная кашитель на окнахъ и карнизѣ,
 Простая, грубая, но дѣло тутъ не въ томъ:
 Рѣзцомъ ли рѣзана, долблена ль долотомъ,
 Была бы лишь рѣзьба. Повѣтъ весьма плохая,
 Въ дырахъ (подобіе живое малахая
 Жидовскаго) на ней двѣ тонкія трубы,
 Какъ шеи аистовъ. Внизу, кругомъ, столбы:
 Идетъ зигзагами, съ навѣсомъ, галлерей,
 А вмѣстѣ вся корчма походить на еврея,
 Когда онъ молится, кивая бородой
 И на лобъ нацѣпивъ кудрявый цыцесъ свой.

Внутри являются двѣ разныхъ половины:
 Въ одной все женщины, въ другой — одни
 мушны.

Мужеской компаніи въ корчмѣ отведена
 Пошире комната и вся запружена
 Столами, стульями, старинными скамьями,
 Что втиснулись туда обильными семьями;
 Въ срединѣ комнаты особый, круглый столъ,
 Стоялъ, какъ панъ-отецъ и будто рѣчи велъ.

Довольно въ этотъ день натискалось народу
 Въ корчму, различнаго и званія, и роду.

Отслушавъ поутру въ часовнѣ литію,
 Селяне порцію обычную свою
 Пришли потребовать — и вотъ сверкнула чарка,
 И вокругъ забѣгала проворная шинкарка.
 Въ срединѣ — арендарь, жидъ Янкель, въ сюр-
 тукѣ

Почти до самыхъ пять, въ ермолкѣ и шлыкѣ;
 Рука за поясомъ, межъ-тѣмъ какъ онъ другою
 Водилъ по бородѣ, кивая головою
 Входящимъ шляхтичамъ; то ляды имъ точилъ,
 Но не прислуживалъ, а такъ-себѣ ходилъ
 И только раздавалъ прислугѣ приказанья,
 Стараясь упредить гостей своихъ желанья.
 Со всѣми Янкель жилъ въ пріязни и въ ладу,
 Всѣ знали Янкеля; всѣ къ Янкелю-жиду
 Ходили бражничать, хотя не очень пышно;
 Но жалобъ никогда на Янкеля не слышно:
 Онъ самъ окрестное шляхетство уважалъ,
 Вино исправное, безъ примѣси, держалъ,
 Въ расчетахъ честенъ былъ и не терпѣлъ обмана;
 Гостей угащивалъ не слишкомъ, а въ-полпьяна;
 Забавы разныя и музыку любилъ,
 Поэтому народъ къ нему валма валилъ,
 Съ утра до вечера, всѣмъ міромъ, всѣмъ
 селеньемъ;

Особенно жъ ходилъ въ корчму по воскресеньямъ,
 Когда у Янкеля гремѣла всякій разъ
 Базетля и гудокъ и шель жестокой плясъ.

Жидъ самъ когда-то былъ извѣстнымъ музы-
кантомъ

И слылъ по всей Литвѣ искусствомъ и талан-
томъ,

Бродя съ цымбалами, послушать ихъ прося —
И скоро про него узнала Польша вся.

Жидъ Янкель былъ поэтъ и чувствовалъ онъ
живо

Очарованіе народнаго мотива;

Въ Литву варшавскія мазурки приносилъ

И первый къ намъ занесъ (какъ слухъ о томъ
ходилъ)

Ту пѣсню славную, что послѣ для Авзоновъ
Съиграли польскіе тромпеты легионовъ.

Даръ музыки въ Литвѣ какъ-разъ обогатить:

Такъ, скоро капиталъ себѣ составилъ жидъ

И къ шляхтѣ пересталъ заглядывать на балы;

Повѣсилъ на стѣнѣ умолкшіе цимбалы

И болѣ не игралъ на нихъ ужъ никому,

Самъ даже для себя; завелъ себѣ корчму,

Забился подъ нее, какъ птахъ какой подъ кровлю,

И велъ тихохонько корчемную торговлю.

Всѣ чтили Янкеля; нерѣдко ярый споръ

Мирилъ онъ въ двухъ корчмахъ, вмѣшавшись въ
разговоръ

То межъ сторонниковъ Горешки, то Соплицы;

И даже главныя предъ нимъ смирились лица:

Языкъ свой унималъ Брехальскій Бальтазаръ,
И въ Ключникѣ стихалъ упрямый гнѣвъ и жаръ.

Въ ту пору не было Герваза: на охоту
Спѣшилъ за графомъ онъ; объ немъ свою заботу
И попеченія онъ вѣчно прилагалъ
И въ битву одного никакъ не отпускалъ.

На мѣстѣ Ключника, противу двери, прямо,
Въ покутѣ попросту, забившись въ уголь
самой,

Сидѣлъ отецъ Плебанъ; самъ Янкель посадилъ
Ксендза на мѣстѣ томъ, и часто подходилъ
Къ нему, лишь замѣчалъ его пустую чарку,
Усердно кланялся и подзывалъ шинкарку,
Чтобъ лицу принесла. Ходилъ рассказъ о томъ,
Что Янкель съ Квестаремъ давно уже знакомъ,
Еще съ чужихъ краевъ, что съ нимъ онъ дружбу
водитъ,
Что Квестарь къ Янкелю, зачѣмъ богъ-знаетъ, хо-
дитъ;

Что часто до свѣту о чемъ-то споръ ведутъ,
И розно толковалъ объ этомъ сельскій людъ.

Едва ксендзъ Рѳбакъ съѣлъ — къ нему склонились
взоры

Всей шляхты; но не вдругъ повель онъ разговоры,
Порою табакомъ компанію прося —
И точно изъ мортирь чихала шляхта вся.

«Reverendissime! (сказалъ, чихнувъ, Сколуба)
 Вотъ подлинно табакъ! Хватило ажъ до чуба!
 Съ-тѣхъ-поръ, какъ двигаю по бѣлу свѣту
 нось,

Такого табаку шохнуть не довелось
 Ни разу! (тутъ чихнулъ) Я чай, изъ Ковна ро-
 домъ,

Что славится давно и табакомъ, и медомъ?»
 — Во здравье браташ и всѣхъ честныхъ людей!
 (Ксецъзъ мѣвилъ) А табакъ, Сколуба добродѣй:
 Приѣхалъ онъ сюда изъ мѣста Ченстохова,
 И можно утверждать, что нѣтъ нигдѣ такова!»
 — Изъ Ченстохова онъ? (замѣтилъ Вильбикъ
 тутъ)

Нюхнулъ, потомъ чихалъ не меньше трехъ ми-
 нуть:
 «Быль въ Ченстоховѣ я... а правда ли, что въ
 мартѣ

Туда пожалуетъ великій Бонапарте —
 И всѣ костѣлы прочь? Объ этомъ, видишь, есть
 Въ «Курьерѣ Виленскомъ?» — Вольно «Курьеру»
 плестъ!

(Ксецъзъ Рѣбакъ возразилъ) Не всякому курьеру,
 Панъ Вильбикъ добродѣй, давай ты нынче вѣру:
 Курьеры часто лгутъ... а панъ Наполеонъ
 Католикъ, какъ и мы: у насъ одинъ законъ.
 Но брали серебро и мѣдь изъ Ченстохова
 На войско — это такъ, объ этомъ я ни слова!

Господня воля тутъ. Святая Дѣва мать (*)
 Не разъ, во дни войны, кормила нашу рать:
 Такъ нынѣ, чрезъ нее жъ народныя дружины
 Ростутъ на Нѣманѣ, поляки да литвины:
 Кому же, какъ не вамъ послать имъ вдовій
 грошъ?

Подушныя въ казну небось вѣдь отдаешь?»

— Да, (Вильбикъ проворчалъ) Не дашь, возьмутъ
 и сплой! —

«Э! вамъ сполагора! вотъ намъ, пріятель милой
 (Вступился за себя какой-то хлопецъ (**)) тутъ);
 Вотъ съ насъ такъ подлинно три шкуры въ годъ
 дерутъ!

Достались, говоритъ пословица, на лыка!»

— Э! племя хамово! вы шутка не велика!

(Сколуба вставилъ рѣчь) Васъ, сидоровыхъ козъ,
 Вѣкъ драли, какъ теперь; а намъ за что приш-
 лось,

Вельможнымъ господамъ, намъ, шляхтѣ благо-
 родной,

Терпѣть? Взяшь, выдали законъ какой-то модный:

Бумагу изводить, доказывать права!

Да, стану я тебѣ копаться, чорта съ два!

(*) Чудотворный образъ Богородицы въ Ченстоховѣ, на Ясной Горѣ, богатый вкладами жителей. Къ ней обращается поэтъ въ началѣ.

(**) То-есть простой крестьянинъ. Остальные разговаривающіе — шляхта.

Бумажный дворянинъ!» — Вамъ что! (сказаль
Юрага)

Вашъ дѣдъ холопомъ былъ, какой-то побродяга,
А я вотъ изъ князей, Ягеллю нашъ родня:
И спрашивать теперь патенты у меня!! —
«Ты князь, а обо мнѣ (сказаль опять Сколуба)
Пусть въ лѣсъ идетъ москаль и спросить тамъ
у дуба,

Кто далъ ему патентъ ветлу перерости,
Матѣрымъ дубомъ быть, вездѣ въ такой чести?»
— А мы ведемъ свой родъ (сказаль Бирбашъ—
Канарскій)

Нашъ пра-пра-прадѣдъ былъ какой-то графъ та-
тарскій,
Въ гербѣ — корабль и крестъ! — «У насъ корабль
и щитъ!»

(Мицкевичъ возразилъ) Стрыйковскій говоритъ:
Корабль — гербъ княжескій!» Поднялся шумъ и
споры,

Чтобъ къ дѣлу обратить пустые разговоры,
Ксендзь Рѳакъ табаку бесѣдѣ всей поднесъ —
Носы понюхали и громко каждый носъ
чихнулъ. Молчаніе. «Извѣстно панству буди,
Большіе съ табаку того чихали люди.»
(Такъ началъ ксендзь опять) «Домбровскій генераль,
Когда у пруссаковъ онъ Данцигъ отбираль,
Нюхнулъ, повѣрите ль, заразъ разá четыре!»
— Домбровскій! (крикнули) О, это первый въ мірѣ

Великій богатырь! — Боясь, чтобъ какъ-нибудь
(Ксендзъ Робакъ продолжалъ) предъ битвой не
заснуть —
Спросилъ онъ табаку, сказавши: слушай, Робакъ!
Ксенжина Бервардинъ! Я вижу, ты не робокъ:
Быть-можетъ, черезъ годъ я буду на Литвѣ:
Такого табаку дадимъ нюхнуть Москвѣ,
Не прочихаются, хоть сколько бѣ ни чихали!
Скажи моимъ поклонъ, чтобъ помнили да ждали!»

Тутъ шумъ по всей корчмѣ и гвалтъ пошелъ
кругомъ:
«Поклонъ Домбровскаго! рубиться со врагомъ!
«Ура, Домбровскій нашъ! табакъ изъ Ченстохова!»
Давай въ объятіяхъ душишь одинъ другога,
Забывши разницу и силу давнихъ правъ,
Ягелю съ кораблемъ, съ крестомъ татарскій
графъ,
Все перепуталось, все стало вдругъ Литвою —
И всякій былъ готовъ хоть въ омутъ головою.
Потомъ заплылъ всѣ. Ксендзъ слушалъ въ уголку —
И вдругъ въ мелодію подсыпалъ табаку:
Носы понюхали и снова зачихали;
А ксендзъ тѣмъ временемъ повелъ бесѣду далѣ;
Всѣ молча на него уставили глаза,
Слегка разинувъ ротъ — и слушали ксендза.
«Табакъ хвалили мой, панове добродѣи!
(Онъ молвилъ) А тецерь, смотрите поскорѣе»:

Тутъ къ нимъ онъ повернулъ отъ табакерки дно:

«Здѣсь нарисовано сраженіе одно:

Вотъ это — армія; солдаты, кони — съ муху;

А этотъ, словно жукъ, несется что есть духу:

Смотрите — руку онъ къ лицу себѣ поднесъ,

Какъ-будто табаку набить желаетъ въ носъ,

Узнайте, кто это?» Всѣ вглядываться стали,

Судя, какъ всякій зналъ, о крошкѣ-генералѣ.

«То кесарь кесарей, то самъ Наполеонъ,

Ксендзь Робакъ объяснилъ: — да, братья, это

онъ!»

«То кесарь! на, поди! А посмотрите, братья,

(Подгайскій возразилъ): совсѣмъ простое платье,

Сюртукъ! У москалей, такъ что ни генералъ —

Весь свѣтится въ звѣздахъ, все небо обобралъ!»

— Великіе вожди не схожи другъ на дружку,

(Вступился Рымша тутъ): я съ молоду Костюшку

Видалъ: великій вождь носилъ кафтанъ простой,

Чамарку сѣрую! — «Чамарку? ты постой,

Чамарка, молвилъ Занъ: иначе тарататка?»

— Нѣтъ, та съ нашивками, а это просто гладко!»

(Мицкевичъ объяснилъ). Тутъ споры безъ конца

Насчетъ различнаго чамарокъ образца.

Замѣтивъ это ксендзь, за табакерку снова —

Чиханье — и внимать компанія готова:

«Когда Наполеонъ въ сраженіи нюхнетъ,

То значить, хорошо сраженіе идетъ.

Вотъ подь Іеною: французы такъ стояли,
 А нѣмцы противъ нихъ отсюда напирали.
 Онъ все на бой глядѣль. Французы какъ мах-
 нуть —

Такъ улицей предь нимъ враговъ и покладуть.
 Онъ все глядитъ себѣ, не смигвая глазомъ,
 Вдругъ лихо табаку пошохаль разъ за разомъ!
 Потомъ еще на бой глазкомъ однимъ взглянулъ —
 Чихъ-чихъ! захохоталь и пальцы отряхнулъ!
 Глядятъ: а нѣмчура по холмамъ и долинамъ
 Улизывать своимъ маршъ маршемъ журавлинымъ!...
 Такъ вотъ, обратія, кому придетъ изъ васъ
 Служить у кесаря — попомни то подчасъ!»

«Эхъ, отче! (молвилъ Занъ) не такъ ли насъ тре-
 вожать?»

Чтó праздниковъ въ году, французовъ намъ воро-
 жать!

А ближе поглядишь — все басни, все то вздоръ!

А насъ москаль какъ билъ, такъ бьетъ до этихъ
 поръ;

На все тебѣ запретъ: пить, ѣсть, и въѣздъ, и
 выѣздъ!...

Пока взойдетъ заря, роса намъ очи выѣсть!»

— Не слѣдъ вамъ, шляхтицамъ, по бабьему роп-
 тать!

(Замѣтилъ ксендзь на то) и поживовски ждать,

Да руки, какъ жида, закладывать за поясъ,
Глазѣя у окна и мало беспокоясь,
Придетъ ли гость, иль нѣтъ. Теперь Наполеонъ
Пруссѣкамъ носъ утеръ и швабамъ задалъ звонъ,
Вотъ скоро и Москву придетъ отъ сна разбудить...
Что жъ? вы тутъ на коней, какъ бѣтятся не съ кѣмъ
будеть?

«Эхъ, скажетъ, молодцы! покосичилъ я безъ васъ!
А вы ступайте спать, вотъ весь вамъ, братцы,
сказъ!»

Когда жъ, какъ слѣдуетъ, принять кого хотите,
Вы комнату свою заранѣ подметите,
За двери всякій соръ! Потомъ во все углы
Разставьте поживѣй приборы и столы,
И, гостя чувствуя, усердно угощайте! —

Затѣмъ, взглянувъ въ окно, сказалъ: «пока про-
щайте!

Нѣтъ времени теперь, а послѣ я приду
И съ вами разговоръ обширнѣй поведу!»

— Когда по близости случитесь Негримова,
Прошу не обойти: для гостя для такого
Къ услугамъ цѣлый домъ, лишь сдѣлалъ бы честь!
(Хорувжій приглашалъ) Къ тому жъ присловье есть:
Счастливый человекъ, какъ квестаръ въ Негри-
мовѣ!

«И къ намъ прошу, отецъ, какъ будете въ Зубковѣ,

(Зубковскій говорилъ) веселье — сторона!
 Найдется для ксендза полштуки полотна,
 Коровка и баранъ. Попомни только слово:
 Счастливый человекъ, кто трафилъ до Зубкова! »
 — И къ намъ! (Сколуба то жъ) и къ намъ! (до-
 бавилъ Зань)
 Такъ всё наперерывъ, такъ всеми былъ онъ званъ,
 И каждый обѣщаль подарокъ небогатый,
 По мѣрѣ силъ своихъ... но ксендзъ ужъ былъ за
 хатой.

Еще сидя въ корчмѣ, увидѣлъ онъ вдали
 Тадеуша, верхомъ летящаго въ пыли,
 Безъ шапки, въ поныхахъ, туда, гдѣ лѣсъ дремучій,
 И хмурился, и грозя, нависнулъ черной тучей,
 Всегда заманчивый для смѣлыхъ егерей:
 Туда направился ксендзъ Робакъ поторопый.

—

IV.

О х о т а.

Кто свѣдалъ глубину литовскихъ темныхъ пущей?
 Проникнулъ въ сердце ихъ, до твари тамъ живущей?
 Рыбакъ, въ своей ладѣ, снуеть у береговъ,
 Не смѣя средь морей затѣять дерзкій ловъ:

Охотникъ по лѣсамъ съ опушки только кружить
 И тайнъ глубокихъ ихъ вовѣкъ не обнаружитъ.
 Лишь басня темная бѣжитъ подь-часъ въ народъ,
 Что есть въ срединѣ пущь таинственный оплотъ
 Изъ вала старыхъ шней, изъ кражей и камень-
 евъ,
 Изъ груди мховъ съдыхъ, разросшихся корень-
 евъ;

А далѣе идутъ трясины и ручьи,
 Гдѣ искони, въ дуплахъ, кишатъ шмелей рои,
 По зыбкимъ тростникамъ шипятъ и выются гады.
 Когда жъ настойчиво пробьешь сіи преграды
 И взглянешь издали во глубь лѣсныхъ пучинъ:
 Тамъ, въ чащѣ, что ни шагъ, нарыта тьма
 сурчинъ

И волчьихъ, и другихъ: какъ мракъ чернѣютъ
 норы,

А около идутъ болоты и озера,
 Заросшія травой окошки, бочаги,
 Чтобъ далѣе не шли упрямые враги.
 Потокъ зловонія, вокругъ болотъ смердящій,
 Мертвить и губить лѣсъ, вблизи онъ ихъ сто-
 ящій:

Деревья, сгорбившись, присѣли до земли
 И вѣтви темными сѣтями заплели
 Непроницаемо и, мхомъ колтуноваты,
 Въ грибахъ и въ бѣлонахъ, согнувшись, сномъ
 объяты,

Какъ вѣдьмы старыя, когда, усѣвшись въ рядъ,
Онѣ себѣ въ котлѣ на ужинъ трупъ варять.

За эти бочаги не смѣй взглянуть и окомъ:
Глухая пуща спитъ въ молчаніи глубокомъ
И неподвижная, синѣющая мгла
На вѣки вѣчныя тамъ тяжело залегла.
За нею, наконецъ, какъ по преданью слышно,
Равнина злачная раскинулася пышно,
Благоуханная, цвѣтущая страна,
Гдѣ скрыты всѣхъ деревъ и зелій сѣмена, —
И тамъ живутъ звѣрей сѣдые патріархи,
Самодержавные лѣсовъ своихъ монархи:
Туръ древній, дикій зубръ и царственный мед-
вѣдь.

Кругомъ, на деревьяхъ, приказано сидѣть
То рыси дерзостной, то алчной росомахѣ
И шляхту мелкую держать въ обычномъ страхѣ.
А далѣе живутъ, разгуливая врозь,
Вассалы вѣрные: кабанъ, олень и лось.
Вверху, въ сѣни вѣтвей, уставя очи быстры,
Орлы и соколы, какъ бодрые министры,
Оглядываютъ даль и озираютъ вкругъ,
Всегда готовые монархамъ для услугъ.
Такъ, скрытые въ чащѣ, невидимые свѣтомъ,
Владыки царствуютъ зимой, весной и лѣтомъ;
Изъ пущь не выходя, не жертвуя собой,
И только молодѣжь къ опушкѣ шлютъ на бой,

Далёко отъ своихъ заповѣдныхъ жилищей,
 Границы наблюдать и пробавляться пищей.
 Монарховъ не разить ни пуля, ни стрѣла;
 Когда жъ почувствуютъ, что смерть уже пришла
 Неотразимая: заматерѣвши, сами,
 Идутъ почить въ глуши, укрытые лѣсами.
 Медвѣдь — какъ зубы съѣсть, рога собѣть
 олень

И, ноги чуть влача, шатается какъ тѣнь;
 Когда у кречета внезапно кровь окрѣпнеть;
 Какъ воронъ станетъ сѣдь, и соколъ вдругъ ослѣп-
 неть:

Идутъ на кладбище, гдѣ боръ еще густѣй —
 И оттого-то мы не видимъ ихъ костей.
 И даже малый звѣрь, почувявъ пламень раны,
 Бѣжитъ почить домой, въ отеческія страны...
 Ни что не возмутитъ завѣтныхъ пущъ красу:
 Правленье тихое и мирное въ лѣсу;
 Исполненъ простоты наследственный обычай:
 Какъ дѣды не гнались за чуждою добычей,
 Не зарились въ раю на роскошь братнихъ блюдъ:
 Такъ нынѣ внуки ихъ въ согласіи живутъ;
 И даже человекъ, проникши безоружный,
 Въ средину тварей тѣхъ — привѣтъ нашель бы
 дружный:

Глядѣли бѣ, выразивъ тревогу и испугъ,
 Какъ въ оный день шестой, когда узрѣли вдругъ
 Ихъ прародители созданныа Адама...

Но рѣдко и ловець, настойчиво-упрямо
 Владѣющій собой, достигнетъ этихъ мѣсть.
 Лишь только иногда, охотяся оркестъ,
 Бросаетъ гончихъ онъ въ трущобу мглы дремучей,
 Но псы назадъ бѣгутъ, къ нему ласкаясь кучей,
 Поднявъ протяжный стонъ и жалкій вой и гамъ,
 Спѣшать, дрожа какъ листъ, прилечь къ его
 ногамъ.

Тѣ заповѣдныя, таинственныя пущи,
 Гдѣ лѣсъ всегда растетъ непроходимѣй, гуще,
 Гдѣ звѣри старые безвыходно живутъ,
Крепями въ языкѣ охотниковъ сливуть.

Медвѣдь! сидѣлъ бы ты въ крепяхъ своихъ глубо-
 кихъ,

Никто бы на тебя изъ ловчихъ быстроокихъ
 Вовѣки не напалъ, не зналъ твои слѣды
 И жилъ бы ты себѣ безъ горя и бѣды!
 Но знать, медвянаго благоуханье сота,
 Пль къ стаду буйволовъ обычная охота
 Взманили вонъ тебя, на край, гдѣ рѣже лѣсъ —
 И тутъ-то на тебя панъ Войскій и налѣзъ!
 Теперь тебя слѣдятъ; проникнули въ дубраву
 И хитрую вокругъ раскинули облаву.

Тадеушъ, прискакавъ, узналъ, что ужъ
 давно

Охоту начинать ловцами рѣшено.

Все тихо. Напряглось внимательное ухо
 Охотника: стоять и слушаютъ — все глухо!
 Лишь музыка лѣсовъ играетъ иногда.
 Вотъ гончихъ брошена завзятая орда,
 Пошли себѣ нырять и шмыгать безъ умолку;
 А бодрые стрѣлки, уставя въ лѣсъ двустволку,
 Глядятъ на Войскаго: склонился до земли
 И гончихъ слушаетъ: вотъ къ звѣрю натекли!
 Хотя еще молчатъ, но для него ужъ ясно.
 Другіе слушаютъ, прицали, все напрасно:
 Не слышутъ ничего! Вдругъ отозвался песь,
 Другой, тамъ два еще, тамъ пять отозвалось,
 Вотъ довалились все, вотъ звѣря узираютъ —
 И громко залились, какъ музыка играютъ,
 Перекликаются... вотъ стихли все на мигъ;
 Потомъ отрывистый ударилъ въ уши крикъ:
 Насѣли! Рывкнулъ звѣрь, обороняться началъ
 И когти вострые на гончихъ обозначилъ...

Стрѣлки безмолвные недвижимо стоятъ,
 Подавшись напередъ и въ лѣсъ вперяя взглядъ;
 Не выдержали вдругъ, и бросились въ дубраву,
 Чтобъ раньше выстрѣломъ стяжать и честь и
 славу;
 Хоть Войскій передъ тѣмъ ихъ всехъ остерегалъ,
 Молилъ, упрашивалъ, а послѣ общалъ
 Тому, кто двинется, смычокъ надѣтъ на шею,
 Ясновельможному, равно какъ и лакею.

Напрасны все мольбы, угрозы и смычки:
 Широко по лѣсу разсыпались стрѣлки,
 Три выстрѣла гремятъ, потомъ — огонь батальный,
 Затѣмъ медвѣдя рыкъ и чей-то визгъ печальный...
 Спѣшить на выстрѣлы охотниковъ гурьба.
 Лай псовъ, медвѣдя ревъ, трескучая труба —
 Все перепуталось; все думали: ловитвѣ
 Конецъ, и ужъ успѣхъ предсказывали битвѣ,
 Лишь Войскій говорилъ, что сбѣлися... и вотъ
 Звѣрь точно повалилъ отъ ловчихъ на-уходъ,
 Взялъ въ сторону, собакъ отбросивши по-своему,
 Полѣзъ, гдѣ графъ стоялъ съ Тадеушомъ и Войскій.

Тутъ лѣсъ порѣже былъ; изъ чащи и кустовъ,
 Рыча, нагрянулъ звѣрь, какъ громъ изъ облаковъ,
 Всталъ на ноги, валить; а сзади, слѣдомъ, стая
 То прочь откинется, то разомъ налетая,
 Хватаетъ и деретъ; звѣрь ломитъ черезъ пни
 Въ ту сторону, гдѣ графъ съ Тадеушомъ одни,
 Отбившись ото всехъ, стоять и выжидаютъ...
 И вотъ предъ ними онъ! Глаза какъ жаръ блистаютъ,
 Разинуть страшный зѣвъ, уставились клыки,
 Реветъ: не дрогнули отважные стрѣлки,
 Нацѣлились въ него, прищурясь лѣвымъ глазомъ,
 Еще единый мигъ — и выстрѣлили разомъ!
 Но промахъ! звѣрь валить; предъ ними тутъ какъ
тутъ!

Прочь ружья! молодцы рогагину берутъ,

Заспорили... а онъ не ждётъ и прямо ломить
 На нихъ, того и жди, что лапой ошеломить,
 Иль черепъ, что колпакъ, подниметь съ головы...
 Бѣгутъ... а ноги ихъ межъ кочекъ и травы
 Скользятъ, сгибаются... медвѣдь ужъ недалёко...
 Вотъ, кажется, настѣль... еще мгновенье ока —
 И когти страшныя на части разорвутъ
 Сробѣваго стрѣлка, все кончено... Но тутъ
 Откуда ни возмись, ксендзъ съ ключникомъ Гер-
 вазомъ,
 Ассессоръ, становой — всѣ выстрѣлили разомъ:
 Медвѣдь откинулся, вернулся колесомъ,
 Протяжно заревѣлъ и въ землю ткнулся лбомъ.
 Тогда вцѣпились псы, припомнивъ свой обычай,
 «Квартальный» въ лѣвый бокъ, а въ правый —
 «городничій».

Тутъ Войскій ухватилъ широкою рукою
 Свой буйволоный рогъ, изогнутый змѣей,
 Прижалъ его къ устамъ, надулся, подъ лобъ очи
 Немного закатилъ, сталъ дуть, что было мочи —
 И грянулъ звонкій рогъ раскатомъ къ небесамъ
 И музыка пошла по рощамъ и лѣсамъ.
 Утихли всѣ кругомъ, заслыша гулъ призывный
 И наслаждаяся гармоніею дивной.
 Старикъ давно въ лѣсахъ своимъ искусствомъ
 слылъ,
 Теперь, въ послѣдній разъ, имъ ловчихъ оживилъ,

Наполнилъ звуками широкую дубраву,
 Какъ-будто бы въ нее пустилъ борзыхъ араву,
 За гончими вослѣдъ — и травлю началъ вдругъ.
 Имѣлъ особое значенье каждый звукъ:
 Сначала пѣзвъ въ рогъ, потомъ слышнѣе тоны,
 Завыли голосовъ собачьихъ миллионы:
 Ведутъ по красному... вотъ стихли, а потомъ
 Звукъ рѣзкій — выстрѣла раздаваемаго громъ.

Умолкъ, но все трубитъ — охотникамъ казалось,
 А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
 Опять задулъ артистъ. Казалось, будто рогъ
 Мѣняетъ образы: то длиненъ и широкъ,
 Реветь медвѣдемъ онъ, то вдругъ завоетъ волкомъ,
 То пробирается въ дубравѣ тихомолкомъ,
 Какъ хитрая лиса; вдругъ взвыль какъ ураганъ
 И рывкнулъ вдалькѣ, какъ раненый кабанъ.

Умолкъ, но все трубитъ — охотникамъ казалось,
 А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
 За звукомъ улеталъ, переливаясь, звукъ,
 Дубъ дубу повторялъ, клень кленамъ, буку букъ.
 Вдругъ Войскій къ небесамъ уставилъ рогъ мо-
 гучій
 И гимнъ торжественный триумфомъ грянулъ въ
 тучи,
 Воинственный финаль, громopodobный гласъ —
 И музыка въ лѣса далеко понеслась.

Умолкъ, но все трубитъ — охотникамъ казалось,
А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
Что лѣсу, то роговъ, играютъ и поютъ,
И пѣсню дивную другимъ передаютъ,
И долго шла игра отъ края и до края,
Переливаясь, слабѣя, замирая,
Покуда гдѣ-то тамъ погасла въ небесахъ...

Настала тишина въ дубравахъ и лѣсахъ.
Художникъ, бросивъ рогъ и опустивши руки,
Ловилъ послѣдніе, стихающіе звуки
И, вдохновенія вкушая торжество,
Стоялъ, пылая весь; межъ-тѣмъ вокругъ него
Сошлись охотники въ восторгѣ удивленья,
И долго слышался ихъ крикъ и поздравленья...
Лишь смолкъ послѣдній звукъ послѣдняго ура,
Всѣ глянули назадъ, гдѣ точно какъ гора
Лежалъ косматый звѣрь, когтями землю роя,
А злые мордаши терзали грудь героя.
Но Войскій оттащить велѣлъ свирѣпыхъ псовъ —
И снова загремѣлъ вивать среди лѣсовъ.

«А! (крикнулъ становой) вотъ это значить ловко:
Что, братцы, какова моя Сагаласовка!
Ассессоръ говоритъ, что вверхъ она беретъ;
Нѣтъ, я теперь сошлюсь на весь честной народъ,
На всѣхъ охотниковъ: чего еще хотите?
Какѡва выстрѣла? Подите, посмотрите,

Что за сокровище!... бѣгу сквозь лѣсъ густой!
 А Войскій сзади мнѣ: куда? Постой! постой!
 Чего ужь тутъ стоять, какъ звѣрь уходитъ въ поле!
 Бѣгу... едва дышу... усталь... нѣтъ силы болѣ...
 Смотрю, а онъ ужь тутъ! я взялъ, навель и
хлопъ!

Покончилъ разомъ все, должно-быть, прямо въ
лобъ.»

— Да, точно! (возразилъ ассессоръ) только сбоку
 Я прежде выстрѣлилъ: я тутъ неподалѣку
 Стоялъ за деревомъ и не замѣтилъ васъ.
 Звѣрь вышелъ на меня — я въ лобъ ему какъ
разъ.—

«Нѣтъ! (крикнулъ становой, вертя своей винтовкой)
 Нѣтъ, тутъ вѣдь не процессъ! ишь вздумалъ,
парень ловкой!»

Шумъ, крикъ... межъ-тѣмъ Гервазь медвѣдю
пасть разжалъ

И, всунувъ глубоко широкій свой кинжалъ,
 Разсѣкъ звѣриный зѣвъ, картечь оттуда вынулъ
 И живо по стволамъ охотниковъ прикинулъ.
 «Эхъ, молвилъ, господа, сыиграли вы въ ничью:
 Картечь по моему приходится ружью.
 Смотрите: въ самый разъ, и нѣту здѣсь обмана!
 Но выстрѣлъ былъ не мой, а квестаря-плебана;
 Мнѣ было въ этотъ часъ совсѣмъ не до того,
 Страхъ вспомнить! звѣрь насѣлъ на пана моего,

На пана моего, послѣдняго Горешку!
 (Хоть съ женской стороны) Я сталь на ту же
 стежку;

«Владычица моя! Господь Ісусъ Христось!»
 Взмолился я: и что жъ? Богъ милостивъ, при-
 несъ

На выручку ксендза, лихова бернардина;
 Онъ всѣхъ насъ пристыдилъ, и точно: хватъ
 ксенжина!

Когда я трясся весь, собачки не нашель,
 Онъ хватъ мое ружье, прицѣлился, навель —
 И баць! какъ пить поднесъ! въ башку промежъ
 зубами!

Мопанку, сто шаговъ! и между головами
 Двоихъ охотниковъ!... который годъ живу,
 Какихъ видалъ стрѣлковъ, обрыскалъ всю
 Литву,

А только одного охотника такова
 Я встрѣтилъ; истинно; да вотъ — ксендза другова.
 Тотъ, Яцекъ (*) именемъ, а попросту Усачъ,
 На всѣ затѣи былъ отъявленный лихачъ;

(*) Яцекъ Соплица, убившій стольника Горешку. Онъ скрывается подъ видомъ ксендза Робака. Тадеушъ его сынъ, а Зося, воспитанница въ домѣ судьи, внука стольника Горешки, отъ дочери его Евы, въ рукѣ которой было откзано Яцку. Яцекъ женился послѣ на какой-то шляхтянкѣ и съ нею прижилъ Тадеуша. А Ева вышла за сенатора. Слѣдствіемъ этого брака была Софья, или Зося, какъ чаще ее зовутъ въ поэмѣ.

Не мало каблучковъ у женскихъ сбиль ботинковъ,
 Не мало на вѣку настроилъ поединковъ...

Теперь, я чай, въ аду по самые усы
 Сидить на угольяхъ и точно злые псы
 Хлопочутъ вкругъ него и вельзевулъ, и черти...
 Спасибо, право, ксендзъ! Двоихъ ты спасъ отъ
 смерти,

А можетъ и троихъ: я хвастать не хочу,
 Но еслибы медвѣдь снялъ черепъ панычу,
 Последнему въ роду — и я бы къ звѣрю въ

глотку

Полѣзъ!... пойдѣмъ же, ксендзъ, изъ торбы вы-
 немъ водку

Лихую, гданскую, присядѣмъ и вдвоемъ
 Здоровье графское и ваше разопьѣмъ!»

Но не было ксендза, напрасно проискали
 Охотники его; лишь только разъузнали,
 Что, послѣ выстрѣла, окинулъ взоромъ онъ
 Окрестность, видитъ: графъ съ Тадеушомъ спа-
 сень,

Взглянулъ на небеса, тихонько помолился,
 Надвинулъ свой каптуръ и въ чащѣ темной скрылся.

V.

Ужинъ въ замкѣ.

На ужинъ въ замокъ всѣхъ Соплица пригласилъ.
Готово — и народъ толпою повалилъ,
Шумя, какъ вѣтрами волнуемое море;
Всѣхъ выше, впереди, садится Подкоморій,
Какъ слѣдуетъ ему по званью и лѣтамъ;
Садясь, онъ кланялся привѣтливо гостямъ.
На мѣсто Квестаря хозяинъ сѣлъ въ срединѣ,
Прочтя короткую молитву по-латынѣ;
Потомъ благословилъ трапѣзующій столъ —
И ужинъ чередой, какъ водится, пошелъ.
Сначала холодецъ, тамъ раки и шпараги,
Между бутылками токая и малаги.

Но тихо всѣ жуютъ. Молчаніе кругомъ;
Лишь вилки брякаютъ. Навѣрно въ замкѣ томъ
(Котораго въ огняхъ сіявшія палаты
Слыхали нѣкогда столь громкіе виваты
И рѣчи бурныя, кипѣвшія рѣкой),
Ниразу не было компаніи такой,
Какъ-будто нѣкій духъ заворожилъ всю братью
И всѣ уста сковалъ безмолвія печатью.
Причина, почему затихла молодѣжь,
Скрывалась въ выстрѣлѣ; всякъ думалъ: «ка-
ково жь!

Не дался никому медвѣдъ изъ брата нашей,
И вдругъ какой-то ксендзъ, какой-то шлыкъ мона-
шій,

Побѣду выхватилъ изъ-подъ носу у всѣхъ!
Не срамъ ли, господа? вѣдь это курамъ смѣхъ!
Позоръ отъявленный! ложися въ гробъ заранѣ!
Вотъ будетъ похвалыбы и въ Лидѣ, и въ Ошмянѣ,
Панове братія! и неужели имъ
Мы пальму первенства въ охотѣ отдадимъ?»

Но пуще Войскому молчанье то маркотно:
Провель онъ молодость бурливо, беззаботно,
На сеймахъ, гульбищахъ, у шляхты на пирахъ,
Въ охотничьемъ кругу, на шумныхъ вечерахъ,
Гдѣ старопольскіе побрякивали кубки,
Затѣмъ онъ былъ врагомъ молчанія и — трубки,
Которую, вишь, чортъ отъ нѣмцевъ къ намъ
занесъ,
Чтобъ Польшѣ всей молчать, куря табакъ въ засосъ
(Такъ Войскій объяснялъ). Онъ спалъ, иль думалъ
думу,

Когда вокругъ него довольно было шуму,
А если замолчать — проснется и бѣда!
Такъ мельникъ тихо спитъ, урчи кругомъ вода;
Пусть ходитъ шестерня и мельница пусть мелеть:
Она ему постель знакомымъ шумомъ стелеть,
Но стали жернова — проснулся вдругъ и онъ,
Глядитъ, оторопѣвъ... и гдѣ ты, сладкій сонъ?

Такъ Войскій, пробужденъ трапёзой молчаливой,
 Всталъ, Подкоморію откланялся учтиво,
 Потомъ къ хозяйскому коснулся кунтушу;
 Кивнули головой, что значило: « прошу » —
 И Войскій началъ такъ: « Панове! нѣтъ причины
 Намъ молча ужинать; вѣдь мы не капуцины!
 Молчать, припрятывать за трапезою рѣчь,
 Все то же, что зарядъ въ ружьѣ своемъ
 беречь:

Зарядъ заржавѣетъ и послѣ не годится.
 Не слѣдъ охотнику, какъ дѣвицѣ, стыдиться!
 За то болтливую люблю я старину,
 Охочую всегда къ бесѣдѣ и къ вину.
 Въ дни наши, кончивъ ловъ, компанія бывало,
 Безъ умолку всю ночь пила и толковала,
 Что въ голову придетъ, какой бы ни былъ
 ловъ;

Огонь — не разговоръ; шумящій ливень словъ,
 Волна, охотничье ласкающая ухо...
 Теперь — безмолвіе! Услышишь, если муха
 По замку пролетитъ! Э, вижу я сейчасъ,
 Откуда буря вся на небѣ собралась:
 Изъ-подъ монашьяго нависнула каптура!
 И вотъ съ чего теперь глядите все понуро:
 Стыдитесь промаховъ... да кто жъ ихъ не давалъ!
 Я много на вѣку охотниковъ знавалъ,
 Какихъ! не вамъ чета — а тоже пуделяли;
 И самъ я пуделялъ, да не было печали.

Покойникъ пань Рейтань, на что ужь былъ стрѣ-
локъ,

И тотъ безъ промаховъ охотиться не могъ.
Пословица живетъ: на всякую старуху
Хотя единый разъ пошлетъ Господь проруху.
А то, что съ поля графъ ударился бѣжать
Съ Тадеушемъ — никто не станетъ осуждать:
Когда бъ безъ выстрѣла пустились вы отъ звѣря,
То, значить, струсили, сробѣли, а теперя
Вы оба дали залпъ и бой лицомъ къ лицу
Безъ страха приняли, какъ слѣдуетъ бойцу —
И вамъ почетная осталась ретирада:
Вы вправѣ отступить; но вотъ что помнить надо:
Всѣхъ одинаково хочу я остеречь —
Зарядъ не выпускать изъ дула, а беречь
До самаго конца, покуда звѣрь нагрянетъ.
А издали зарядъ не бьетъ, а только ранитъ.
Да вотъ еще о чемъ хочу предупредить:
Другъ-друга не сбивать, впередъ не заходить,
И разомъ по одной не тѣшиться дичинѣ!»

Ассессоръ проворчалъ вполголоса: «дѣвчинѣ!»
Всѣ въ хохоть: угодилъ Ассессоръ, знать, на
всѣхъ,

И долго за столомъ не унимался смѣхъ.
«Да! (Войскій продолжалъ) оказіи нерѣдки:
Бываетъ, что въ такой капканъ влетите,
дѣтки»...

— Къ кокеткѣ! проворчалъ Ассессоръ подъ шумокъ
И грозно выстрѣлилъ глазами въ потолокъ.

Вновь на смѣхъ подняли ассессорскую шутку,
А Войскій новую готовилъ прибаутку;
Венгерскимъ до краевъ наполнилъ свой бокаль,
Отпилъ, прокашлялся и снова продолжалъ:

«Неспорно, ксендзъ Плебанъ стрѣляетъ очень-
метко:

Такіе лихачи-стрѣлки бываютъ рѣдко,
И Ключникъ говоритъ, что зналъ лишь одного,
Кто могъ такъ выстрѣлить, и больше никого.
Я жъ на своемъ вѣку знавалъ еще другаго
Подобнаго стрѣлка, хорунжаго простаго:
Онъ также выстрѣломъ двоихъ отъ смерти спасъ.
Объ этомъ случаѣ пойдетъ теперь разсказъ.

«Разъ въ Налибоцкія ударились мы роши —
И тутъ-то къ намъ кабанъ какъ куръ попался
вó щи.

Тадеушъ панъ Рейтанъ, и ужась, и гроза
Окрестной дичи всей...»

«За здравіе ксендза!»

Воскликнулъ панъ Судья: «теперь черёдъ за вами,
Панъ Войскій!» — И наливъ тутъ въ уровень съ
краями

Бокаль венгерскаго, сосѣду подаетъ.

Бокалы чокнулись; панъ Войскій залпомъ пьетъ.

«А жаль, сказалъ Судья: — подарка никакова

Не приметъ ксендзъ Плебанъ; за то, честное

слово:

За порохъ, за труды, на кляшторъ я внесу

Стипендію: такъ звѣрь, застрѣленный въ лѣсу

Сегодня, черезъ годъ свою оплатитъ шкуру;

Но шкуры не отдамъ; готовъ, пожалуй, фуру

Доставитъ соболей, а шкуру — погоди!

О шкурѣ, братія, рѣчь будетъ впереди.

Честъ выстрѣла — ксендзу. Теперь, по уговорѣ,

Награду первую яснѣйшій Подкоморій

Присудитъ пусть тому, кто болѣ заслужилъ!»

Пошелъ межъ шляхтой споръ, и всякій выводилъ

Свои отличія, ихъ взвѣсивъ и размѣря:

Одинъ, что на собакъ поставилъ первый звѣря;

Тотъ — въ рукопашную свалился первый съ нимъ;

Ассессоръ въ ярый споръ вступилъ со Становымъ:

Одинъ о цѣнности толкуя Сангушковки,

Другой о добротѣ своей Сагаласовки;

И нескончаемо трактатъ объ этомъ шель...

Но Подкоморій рѣчь къ собранію повелъ —

И все утихнули: «Сосѣди и собратья!

Заслуги всехъ равны, и все вы безъ изъятія

Достойны вышую награду получить;

Но, братія, судьбѣ угодно отличить
Особымъ знаменемъ двоихъ изъ васъ сегодня:
Тадеушъ и панъ графъ — на нихъ рука Господня..
Тадеушъ, поручусь, откажется отъ правъ:
Такъ, *spolia opima* получить нынѣ графъ;
Пусть шкуру по стѣнѣ развѣситъ кабинета —
По ней воспоминать онъ будетъ прежни лѣта,
Горѣтъ воинственнымъ охотника огнемъ,
И пылкій духъ отцевъ не ослабѣетъ въ немъ!»

Умолкъ и думаль: графъ доволенъ будетъ рѣчью;
Но графъ былъ холоденъ къ такому красно-
рѣчью,

И, взоръ на потолокъ нечаянно поднявъ,
Увидѣлъ тамъ слѣды охотничьихъ забавъ,
Наслѣдіе вѣковъ, добычу поколѣній:
Кудрявые рога сохатыхъ и еленей,
Сплетааясь межъ собой, нависли точно лѣсъ;
А далѣ, подъ шатромъ истлѣвшихъ занавѣсъ,
Портреты прадедовъ, ихъ облики угрюмы...
Все въ графѣ старыя разшевелило думы,
Давно умолкшую и ненависть, и злость...
Владѣлецъ этихъ стѣнъ, межъ ними точно
гость!

Горешки Стольника единственный наслѣдникъ —
На пирѣ у враговъ и другъ, и собесѣдникъ!...
Волненіе и гнѣвъ съ трудомъ въ себѣ сдержавъ,
Съ усмѣшкой горькою Судьбѣ отвѣтилъ графъ:

«Благодарю я васъ за даръ и за обычай;
 Но тѣсный уголъ мой столь пышною добычей
 Покуда украшать я вовсе не хочу,
 А лучше съ замкомъ тѣмъ все вмѣстѣ получу!»

Смекнувъ, куда пошло, чтобъ избѣжать исторій,
 Скорѣе поспѣшилъ вступиться Подкоморій:
 «Достоинъ похвалы, сосѣдъ мой молодой:
 За выгоды свои стоишь и за ѣдой;
 Не такъ, какъ молодежь въ теперешніе годы
 Живетъ, не думая щадить свои доходы,
 Отъ всякихъ лишнихъ тратъ себя предостеречь...
 Насчетъ недвижимыхъ теперь имѣній рѣчь:
 Меня давно уже вопросъ сей занимаетъ;
 Признаться, эта часть у насъ еще хромаетъ,
 Но мѣры приняты...» Тутъ началъ выводить
 Порядкомъ цѣлый планъ, пошелъ судить,
 рядить,

Администраціи высказывая тайны,
 Занесся высокó; вдругъ шумъ необычайный
 Послышался въ углу; всѣ головы туда
 Оборотилися. Такъ вѣтеръ иногда
 Колосья тонкіе нагнетъ по произволу,
 И зыблются они, склоняясь тихо долу.

Въ углу, гдѣ Стольника покойнаго портретъ
 Висѣлъ, подъ копотью и прахомъ многихъ
 лѣтъ,

Открылась, скрышнувъ, дверь, и въ это же мгновенье

Фигура длинная, какъ нѣкое видѣнье,
Явилась въ комнату: то Ключникъ былъ Гервазъ;
Узнали все его по блеску гнѣвныхъ глазъ,
По росту и усамъ, еще того скорѣе
По форменной его горешковской ливреѣ.
Ступаль, не шевелясь, какъ точно неживой,
Не думая кивнуть собранью головой,
И даже не смотря и шапки не ломая.
Въ рукахъ его ключи; одинъ изъ нихъ, блистая,
Предлинный, спѣреди воинственно торчалъ,
Какъ-будто бы кинжалъ, или мечъ обозначалъ.

Фигура движется и стала противъ шкафа,
Гдѣ старые часы, съ гербомъ Горешки графа,
Мигали за стекломъ, давно ужъ, на бѣду,
Со всей природою и съ солнцемъ не въ ладу.
Гервазъ не поправлялъ, и что ему за дѣло!
Лишь только бѣ шли часы да музыка гудѣла —
Курантовъ лондонскихъ трескучая игра.
Въ то время заводить какъ разъ пришла пора.
Рѣчь Подкоморія плавнѣе все и шире
Потоками лилась — тутъ Ключникъ дернулъ гири,
И зубья ржавые скрипнули въ колесѣ:
Разкащикъ замолчалъ, и оглянулись все.
«Эхъ, братъ, оставь пока, и какъ тебѣ не тошно!»
Замѣтилъ панъ Судья, но Ключникъ, какъ нарочно,

Дёргъ шнуръ еще сильнѣй: кукушка наверху,
 Припрыгнувъ, понесла такую челуху,
 Пищала, каркала, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже
 И, кончивъ арію, бралась за пѣсню ту же.
 Всѣ гости хохотать, но Подкоморій вдругъ:
 «Эй, Ключникъ, берегись: я врагъ подобныхъ
 штукъ!»

Кто самъ хорошъ со мной, того я не затрону,
 Но выпугну какъ-разъ докучную ворону!»

Ни мало не смущенъ, стоитъ себѣ Гервазъ,
 Рукою на часы свои облокотясь,
 И такъ отвѣтствуетъ: «Слыхаль я эти шутки!
 Нѣтъ, выпугнуть меня, шалишь, мопанку, дудки!
 Каковъ ни есть теперь на свѣтѣ воробей,
 А дома у себя не трусь и не робѣй:
 Найдется про него и корму, и соломы!
 А какъ ворона вотъ да не въ свои хоромы
 Затешется: тогда изъ этихъ изъ хоромъ
 Какъ-разъ ее метлой попросятъ не-добромъ!»

— Вонъ! за двери его! Эй, Томашъ! Эй, Григорій! —
 Затопавъ, закричалъ сердито Подкоморій.

«Вотъ видите, панъ графъ, куда уже пошло,
 (Озвѣлся Ключникъ тутъ): Имъ мало, что на зло
 Залѣзли въ замокъ нашъ, въ домъ Стольника Го-
 решки;

Имъ мало, что теперь мы терпимъ ихъ насмѣшки,

Что панъ пожаловаль на ужинъ ко врагу:
 Давай еще кричать на панскаго сдугу,
 Смѣяться мнѣ въ глаза, чиновнику Гервазу,
 И даже выгонять изъ дѣла, какъ заразу! »
 Тутъ Возный возгласилъ: « Вниманье, господа!
 Всѣ, кто приглашены въ собраніе сюда!
 Я, Возный, Бальтазаръ, фамилія Брехальскій,
 Иначе генераль когда-то трибунальскій:
 По силѣ данныхъ мнѣ потенціи и правъ,
 Обязанъ находжусь, свидѣтелей собравъ,
 Дознаніе чинить по поводу Соцлицы:
 Сирѣчь инкурсіи, набѣгъ на границы;
 А то, что панъ Судья владѣтель оныхъ мѣсть,
 Тому свидѣтельство, что онъ въ семь замкѣ —
 ѣсть! »

— Вотъ я тебѣ, брехачъ, заткну твое брехало! —
 И, взявъ свои ключи, не думая нимало,
 Гервазъ пускаетъ ихъ въ него какъ изъ пращи.

Всѣ повскакали съ мѣсть: « держи его! тащи! »
 И шляхта ринулась шумящею волною,
 Межь лавкой, стульями, столами и стѣною;
 Но графъ, имъ креслами дорогу заградивъ
 И слабый шанецъ свой въ томъ мѣстѣ утвердивъ:
 « Стой! здѣсь безчинствовать (сказаль) я не позволю!
 Напрасно, панъ Судья, даешь ты хлопцамъ
 волю,

И гдѣ жь? въ чужомъ дому, чужихъ позорить
слугъ.

И цѣлую ведешь араву противъ двухъ!
 Какъ это доблестно! какъ это благородно!
 Хозяинъ на лицо, и тотъ, кому угодно,
Милъ можетъ высказать претензію свою;
 А трогать слугъ моихъ я въ замкѣ не даю!»

— Безъ вашей милости рѣшимъ мы это вскорѣ,
 Сказаль, изъ-подъ бровей взглянувши, Подкоморій:
 Раненько здѣсь себя хозяиномъ зовешь!
 Когда меня, всѣхъ насъ не ставишь ни во грошъ,
 Когда тебѣ ничто ни сѣдина, ни лѣта,
 Уважь хоть первое ты званіе повѣта,
 Послушайся меня непрекословно, сядь!—

«Ни лѣтъ, ни званія нельзя мнѣ уважать,
 Когда отъ нихъ терплю себѣ я оскорбленья
 (Отвѣтилъ графъ ему): Здѣсь домъ мой и владѣнья,
 Наслѣдіе отцовъ; довольно и того,
 Что съ вами, среди помѣстья моего,
 Пришелъ я бражничать, терплю все это пьянство,
 Кутежь, и наконецъ позоръ и грубіянство,
 Ужо, какъ выспитесь, отчетъ спрошу у васъ.
 Такъ — до свиданія! За мною, мой Гервазь!»

Никакъ не ожидалъ подобнаго отвѣта
 Старикъ, отецъ семьи и первый чинъ повѣта.

Въ то время наполнялъ венгерскимъ кубокъ онъ,
 Вдругъ рѣчью грубою, какъ громомъ, пораженъ,
 Совсѣмъ остолбенѣлъ, въ немъ нравъ проснулся

пылкой:

Старикъ, какъ былъ тогда съ поднятой вверхъ бу-
 тылкой,

Такъ замеръ, грозные глаза остановивъ
 На графъ и уста широко створивъ,
 И налитой бокаль сжимая, что есть мочи,
 Покаместъ лопнулъ онъ — вино плеснуло въ очи,

На скатерть черепки посыпались звеня;

Казалось, брызгами подбавило огня

Лицу и головѣ: зардѣлся лобъ широкой

И яркой молніей заискрилося око.

Хотѣлъ онъ говорить, но долго все жеваль,

Вдругъ прыснули слова: «Ахъ, неучъ! Ахъ,

нахаль!

Эй, Томашъ, саблю мнѣ! Вотъ я тебя, графёнокъ,

Иначе вышколою; невѣжа, поросёнокъ!

Ни въ грошъ ему чины! не можетъ слышать, слабъ!

Какая цѣженка! заморскихъ пѣстунъ бабъ!

Откуда выскочилъ? Эй, Томашъ, вишеди дьябли!

Дай саблю, говорю, и примемъ ихъ мы въ сабли!»

Тутъ къ Подкоморію придвинулись друзья,

Готовы защищать; но за руку Судья

Сосѣда ухватялъ: «Ясновельможный пане!

Оставьте это намъ! Здѣсь дѣло все въ буянѣ,

Въ мальчишкѣ: пусть же съ нимъ и кончить моло-
дѣжь!

Тадеушъ, рѣчи ты съ нахаломъ поведешь!
За оскорбленіе и гвалтъ противъ сосѣдей
По-своему плясать заставишь ты медвѣдей!»
Тадеушъ выступилъ: «а, вашець (*) панъ буянь!
Посмотримъ завтра мы, кто пьянь и кто не пьянь!
Ты вздумалъ оскорбить здѣсь первый чинъ въ по-
вѣтѣ:

Ужо поговоримъ объ этомъ на разсвѣтѣ!
Теперь же уходи, покаместъ живъ и цѣль!»

То былъ совѣтъ благой: едва сказать успѣлъ
Тадеушъ рѣчь свою, какъ прыснули бутылки
Въ Герваза-Ключника, потомъ ножи и вилки.
Графъ началъ отступать, оторопѣлъ Гервазь...
Колелется... толпа нахлынула, ярясь,
И наступленіе отсюду началось.
По счастью, въ этотъ мигъ, въ дверяхъ явилась

Зося

И, ручки пѣжныя и очи вверхъ поднявъ,
Молила ими всѣхъ: тогда Гервазь и графъ
(Межъ-тѣмъ, какъ сдержанъ былъ напоръ толпы
бурливой)

(*) Вашець, сокращенное изъ «ваша милость», употребляется въ безцеремонныхъ отношеніяхъ. У поляковъ вмѣсто «вы» существуетъ множество отгѣнковъ учтивости, выражаемыхъ словами: вашець, васьць, вацьманъ, васанъ, мопанку, паниско, и т. д.

Направились къ сѣнямъ, ловя моментъ счастливый.
Глядь: Ключникъ вдругъ исчезъ, юркнувъ подъ
длинный столъ,
Какую-то скамью за нимъ, въ углу, нашель
И, вверхъ ее поднявъ могучею десницею,
Какъ мельница крыломъ махнулъ — и вереницей
Назадъ отхлынула шумящая толпа;
Иные сыпались на землю какъ крупа,
Опять поправились, вставая и грозяся,
Но осажденные, скамейкой заслоняся,
Ужь были далекó; вотъ стали на порогъ,
Минута — и Гервазь уйти бы съ графомъ могъ,
Но Ключникъ все еще на мигъ остановился,
Держа скамью въ рукахъ; приѣлъ, изноровился:
Нельзя ли счастья въ сраженьѣ попытать,
Ударить на враговъ, ломить и наступать?
Уже занесъ скамью, чтобы пробить дорогу,
Но, Войскаго узрѣвъ, почувствовалъ тревогу...

А Войскій, между-тѣмъ, спокойно въ сторонѣ
Сидѣлъ, безъ всякаго участія въ войнѣ.
Сначала транезы, въ тотъ мигъ, какъ были въ
спорѣ,
Соплица пань-Судья, Гервазь и Подкоморій,
Пань Войскій вслушался, казалось, въ этотъ споръ,
Понюхалъ табаку, очки свои протеръ,
Затѣмъ опять утихъ, не внемля крикамъ, шуму,
И погружаяся, повидимому, въ думу.

На обогранные доспѣхи сопостата.
 Вкругъ мертвыя тѣла: иидѣйки, поросята,
 Съ ножами, вилами, натыканными въ бокъ...

И вотъ опять заснулъ разбуженный чертогъ,
 И мракъ надъ нимъ повисъ, какъ темная завѣса;
 Лишь мѣсяць, выкравшись тихонько изъ-за лѣса,
 Скользилъ по комнатамъ обманчивымъ лучомъ,
 Какъ-будто нѣкій тать въ затишьѣ гробовомъ,
 Иль грѣшная душа, летящая на Дзяды. (*)
 Вотъ крысы заскребли, полакомиться рады...
 Вдругъ выстрѣлить бутыль, духамъ заздравный
тость,
 И крысы прячутся, поджавъ проворно хвостъ...

На хорахъ, въ залѣ той, что прѣзвана зеркальной,
 (Хотя и безъ зеркаль), разгуливалъ печальный
 Наслѣдникъ Стольника, отъ жару снявъ сюртукъ,
 Однакоже его не выпускалъ изъ рукъ
 И, имъ вопиственно и ловко драпируясь,
 Какъ рыцарскимъ плащомъ, и такъ себѣ рисуясь,

(*) Особенный народный праздникъ, остатокъ древнихъ языческихъ обрядовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ справлялся народомъ въ пустынныхъ часовняхъ, а можетъ-быть справляется тайно и теперь. Особые жрецы, называемые гуслярами (guslarz), вызываютъ души. Мицкевичъ, какъ извѣстно, составилъ изъ этого родъ драмы, подъ названіемъ «Дзяды» — то-есть, *день вызыванія праотцевъ*.

Онъ вышелъ на балконъ, на ветхое крыльцо,
 Чтобъ вѣтръ ему пахнулъ въ горящее лицо.
 А тамъ ужъ былъ Гервазъ — и начали бесѣду.
 «Всѣхъ, всѣхъ зови на бой! Ступай къ отцу и къ
 дѣду!

(Графъ молвилъ) Всѣхъ сюда, всѣхъ до одной
 души!..

Живѣе снаряжай рапиры, палаши!...»

— Да, точно! (тотъ сказалъ) Коль хочешь быть
 покоенъ,

Все грабь и все бери, и будь вѣкъ цѣлый воинъ;
 Какой тамъ шутъ процессъ! Все ясно тутъ какъ день:
 Горешки — панами всѣхъ этихъ деревень
 Лѣтъ были тысячу; межъ-тѣмъ, какъ панъ
 Соплица

Ни гроша не имѣлъ; вдругъ эта Тарговица
 Нагрянула на насъ, какъ на голову снѣгъ,
 И вотъ мой панъ лишень своихъ владѣній всѣхъ,
 За что и почему — кто знаетъ, неизвѣстно!
 Тутъ гдѣ процессомъ взять и дожидаться честно:
 Набьешь оскомину, не стерпишь, надоѣсть.
 Давно я говорю: махнемъ на нихъ въ наѣздъ!
 Какъ было въ старину въ Литвѣ, въ Велико-

Польшѣ:

Тотъ правъ себѣ и панъ, кто могъ награть
 больше;
 Кто въ полѣ взялъ, возьметъ навѣрно и въ суду!
 А если я въ Добжинъ за помощью пойду,

На обагрённые доспѣхи сопостата.
 Вкругъ мертвыя тѣла: индѣйки, поросята,
 Съ ножами, вилами, натканными въ бокъ...

И вотъ опять заснулъ разбуженный чертогъ,
 И мракъ надъ нимъ повисъ, какъ темная завѣса;
 Лишь мѣсяць, выкравшись тихонько изъ-за лѣса,
 Скользилъ по комнатамъ обманчивымъ лучомъ,
 Какъ-будто нѣкій тать въ затишьѣ гробовомъ,
 Иль грѣшная душа, летящая на Дяды. (*)
 Вотъ крысы заскребли, полакомиться рады...
 Вдругъ выстрѣлитъ бутылъ, духамъ заздравный
тось,
 И крысы прячутся, поджавъ проворно хвостъ...

На хорахъ, въ залѣ той, что прозвана зеркальной,
 (Хотя и безъ зеркаль), разгуливалъ печальный
 Наслѣдникъ Стольника, отъ жару снявъ сюртукъ,
 Однакоже его не выпускалъ изъ рукъ
 И, имъ воинственно и ловко драпируясь,
 Какъ рыцарскимъ плащомъ, и такъ себѣ рисуясь,

(*) Особенный народный праздникъ, остатокъ древнихъ языческихъ обрядовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ справлялся народомъ въ пустынныхъ часовняхъ, а можетъ-быть справляется тайно и теперь. Особые жрецы, называемые гусярами (guslarz), вызываютъ души. Мицкевичъ, какъ извѣстно, составилъ изъ этого родъ драмы, подъ названіемъ «Дяды» — то-есть, *день вызыванія праотцевъ*.

Онъ вышелъ на балконъ, на ветхое крыльцо,
 Чтобъ вѣтръ ему пахнулъ въ горящее лицо.
 А тамъ ужъ былъ Гервазъ — и начали бесѣду.
 «Всѣхъ, всѣхъ зови на бой! Ступай къ отцу и къ
 дѣду!

(Графъ молвилъ) Всѣхъ сюда, всѣхъ до одной
 души!..

Живѣе снаряжай рапиры, палаши!...»

— Да, точно! (тотъ сказалъ) Коль хочешь быть
 покоенъ,

Все грабь и все бери, и будь вѣкъ цѣлый воинъ;
 Какой тамъ шутъ процессъ! Все ясно тутъ какъ день:

Горешки — панами всѣхъ этихъ деревень
 Лѣтъ были тысячу; межъ-тѣмъ, какъ панъ

Соплица

Ни гроша не имѣлъ; вдругъ эта Тарговица
 Нагрянула на насъ, какъ на голову снѣгъ,
 И вотъ мой панъ лишень своихъ владѣній всѣхъ,
 За что и почему — кто знаетъ, неизвѣстно!

Тутъ гдѣ процессомъ взять и дожидаться честно:
 Набьешь оскомину, не стерпишь, надоѣсть.

Давно я говорю: махнемъ на нихъ въ наѣздъ!

Какъ было въ старину въ Литвѣ, въ Велико-

Польшѣ:

Тотъ правъ себѣ и панъ, кто могъ награть
 больше;

Кто въ полѣ взялъ, возьметъ навѣрно и въ суду!

А если я въ Добжинѣ за помощью пойду,

Къ Матвѣю проторю знакомую дорожку:

Такъ, вѣрь мнѣ, изъ Соплицъ мы сдѣлаемъ ок-
рошку!—

«Брависимо! идетъ!» воскликнулъ громко графъ: —
Давай, Гервазъ, искать своихъ сарматскихъ правъ!
Такой подыдемъ шумъ, какой и въ прежни лѣты
На рѣдкость былъ въ Литвѣ. Журналы и газеты
Вездѣ начнутъ трубить объ насъ непрерывъ.
Гервазъ! ты подлинно на выдумки счастливъ!
Ура! намъ предстоитъ прекрасная забава,
Оружья грянетъ звонъ, а тамъ... вѣнецъ и слава!
Два года кнесу здѣсь, какъ звѣрь какой сижу;
Все развлеченіе — поспоришь за межу
Съ холономъ; а ужъ тутъ не этимъ вовсе пах-
нетъ»....

— Да, ежели Гервазъ рапирой тарарахнетъ...
Вступился-было тотъ, но графъ остановилъ:
«Я, знаешь ли, Гервазъ, однажды удивилъ
Силицію, свершивъ удачно нападенье
На шайку цѣлую разбойниковъ! Сраженье
Поутру началось и кончилось въ ночь.
Я лично трехъ убилъ, и княжескую дочь,
Красою ангела, освободилъ изъ плѣна.
Въ объятія мои прекрасная Елена
Упала, плакала — поймешь ли это ты?...
Въѣзжаю въ городъ — ну, какъ водится,
цвѣты;

Коврами пышными увѣшаны балконы,
 Валить тьма тьмущая народу, миллионы,
 Вивать et caetera... Потомъ одинъ поэтъ
 Удачно сочинилъ стихи на сей предметъ,
 Назвавши: *Польскій графъ, иначе приключенья*
Въ скалахъ Бирбанте-Рокъ. Съ-тѣхъ-поръ во
 мнѣ влеченье

Къ сраженіямъ, огонь воинственный въ крови...
 Ступай, Гервазъ! ступай, кличь кликай и зови,
 Вассаловъ собирай, вооружай джокеевъ! »
 — Какъ? Боже сохрани вооружать лакеевъ!
 (Гервазъ отозвался) Съ лакеями наѣздъ!!
 Мопанку не жилъ здѣсь, не знаетъ нашихъ мѣсть,
 Обычаевъ; наѣздъ сбирается въ Застянкахъ:
 Въ Добжинѣ, въ Тетычѣхъ, въ Стулповицѣ, въ
 Рубанкахъ,
 Гдѣ шляхта истая, народъ — головорѣзъ,
 Ребята важные, въ Литвѣ имѣють вѣсь;
 Горешкамъ преданы и недруги Соплицамъ.
 Мопанку, вотъ куда, вотъ къ этимъ самымъ пти-
 дамъ,

Мнѣ нужно залетѣть, покамѣсть не блеснулъ
 Разсвѣтъ на небесахъ. А панъ бы легъ уснулъ;
 Ужъ поздно: пѣтухи вдругорядъ прокричали! —
 Затѣмъ Гервазъ утихъ, и оба замолчали.

Съ балкона видитъ графъ горящіе огни
 Въ хоромѣхъ у Судьи. « Не спятъ еще они! »

(Сказаль онъ про себя) Что жъ, дѣло! тѣшьтесь
этимъ,
Пока мы фейверокъ иной вамъ не засвѣтимъ!»
А Ключникъ на земь сѣлъ, прижавшись въ углу.
Лучъ мѣсяца скользилъ по лысому челу
И рѣзче отдѣлялъ глубокія морщины.
Гервазу начали мерещиться картины
Наѣздовъ и рѣзни, военная гроза...
А сонъ, межъ-тѣмъ, смежалъ усталые глаза.
Гервазъ хотѣлъ прочесть вечернія молитвы
И ими разогнать видѣнія и битвы,
Но между «Вѣрую» и между «Отче нашъ»
Вдругъ какъ-то зазвенить то выстрѣлъ, то палашь,
И грезы странныя являются въ туманѣ.
Вотъ, грозно опершись на тяжкомъ буздыганѣ,
Стоить сѣдой литвинъ, покручивая усь;
Другой острить кинжалъ, рапиру ли о брусъ...
Чу! музыка гремитъ, чертогъ сверкнулъ огнями —
И, между разными знакомыми тѣнями,
Вдругъ образъ стольника покойнаго мелькнулъ,
Кровь брызнула... Гервазъ очнулся и вздрогнулъ,
Крестится... но дрема опять его объемлетъ...
Наѣздъ! Военный кличъ и трубы Ключникъ внем-
летъ,
Глядитъ: Кореличи и Рымша на челѣ!
Сверкаетъ молніей оружіе во мглѣ...
Затѣмъ смѣшалось все: Литва и Гайдамаки...
Вотъ самъ Гервазъ летитъ на дикомъ аргамакѣ,

Вылёты (*) кунтуша на вѣтеръ распустилъ,
Лицо его горить и шапка сбилась въ тылъ;
Вотъ, вотъ она: узрѣлъ знакомую свѣтлицу —
Туда! и подпалилъ разбойника Соплицу!
Огонь бѣжить рѣкой, ударили въ набать;
Объяты пламенемъ, селенія горять,
И сыплются кругомъ, сверкая, головешки...
И такъ заснулъ слуга послѣдняго Горешки.

—

VI.

Возный отправляется къ графу съ позывомъ въ судъ.

Тихонько, крадучись, на небо выходилъ
Застѣнчивый разсвѣтъ и дремлющихъ будилъ,
Но былъ онъ нѣ веселъ: съ лица его румяны
Спахнуло сѣрой мглой и, глядя на поляны,
Не могъ онъ, какъ всегда, зарею заалѣть.
Кругомъ висѣлъ туманъ, какъ старая повѣть
Надъ бѣдной хижиной убогаго литвина.

Стада воловъ и козъ, съ природой заедино,
Проснулись и пошли на пастбище позднѣй,
Пугая русаковъ изъ мягкихъ зеленей.

(*) Рукава, которые никогда не надѣваются, а постоянно висятъ сзади.

Догадливый звѣрокъ имѣлъ обычай ранѣ
 Въ дубраву уходить; теперь дремалъ въ
 туманѣ,
 Таясь за кочками, на воздухѣ сыромъ,
 Подъ каплями росы, блиставшей серебромъ.

И въ рощахъ тишина: еще пѣвецъ крылатый,
 Забившися въ листы и подъ мохъ бородатый,
 Дремалъ, повѣся носъ, и ждалъ зари восходъ.
 Лягушки квакали среди своихъ болотъ,
 Да бучней слышались отрывочные стоны,
 Да каркали порой зловѣщія вороны,
 Ненастье и дожди селянамъ ворожа.

Чу! пѣсня раздалась, и звукъ ея, дрожа
 Уныло, а подчасъ и вовсе замирая,
 Пронесся по полямъ отъ края и до края:
 То вышли изъ села на ниву жницъ толпы;
 Сверкнули острые на пажитяхъ серпы;
 Работая, поютъ молодки русокосы...
 Вотъ къ нимъ идутъ косцы, на плечи вскинувъ
 косы,

И начали косить отаву; скосятъ рядъ,
 Всѣ останвятся и косы поострятъ
 Брускомъ; потомъ опять движенье на полянѣ:
 Валить косцовъ толпа, чуть видная въ туманѣ,
 Лишь изрѣдка свиститъ и хряскаетъ коса
 Да вѣтеръ пѣвуновъ приноситъ голоса.

Въ срединѣ, между жницъ, оглядывая жито,
И временемъ ворча и хмуряся сердито,
Гуляетъ пасмурный и мрачный эконокъ (*)
И дремлетъ на ходу, еще объятый сномъ.
Межъ-тѣмъ, большія всѣ и малыя дороги
Наполнены людьми: несутся брѣчки, дроги,
Кибитки польскія, гонцы туды, сюды;
Нерѣдко шмыгаютъ проворные жида;
Порою взапуски промчатся верховые,
Какъ-будто развозя извѣстія живыя.
Волненье, топотня, колесъ трескучій громъ.
Очнулся и глядитъ угрюмый эконокъ,
Кричитъ, зоветъ: куда! лихія брѣчки мимо
Летятъ, проносятся, какъ вихрь, неудержимо.
Порой послышится бряцанье палаша:
Солдаты!... Замерла отъ радости душа —
И старый эконокъ, о снѣ и о пшеницѣ
Забывъ, бѣжитъ бѣгомъ къ хозяину Соплицѣ,
Все въ точности ему повѣдать, разсказать...
Въ то время начали ужъ вѣсти прилетать
Въ Литву насчетъ войны; въ сердцахъ была
тревога —
И всякій ждалъ гостей-французовъ, точно Бога.

Судья сидѣлъ съ утра, замкнувшись въ избѣ,
Сердитый, сумрачный, и все писалъ-себѣ;

(*) Управитель.

А возный, между-тѣмъ, у пана за порогомъ,
 Стоялъ на вытяжку и ждалъ въ молчаньѣ стро-
 гомъ,

Что́ будетъ. Наконецъ написанъ былъ позывъ,
 Гдѣ, жалобу свою на графа изложивъ
 За оскорбленіе его судейской чести,
 За дерзкія слова, за гвалтъ и грубость
 вмѣстѣ,

Соплица требоваль съ отвѣтчика взыскать
 Убытки, протори: ни йоты пропускать
 Онъ въ просьбахъ не любилъ, писалъ замысло-
 вато.

А возный долженъ былъ сегодня жъ, до заката,
 Тотъ позывъ огласить у графа на дому,
 Допрежь не говоря ни слова никому.
 Едва лишь онъ узрѣлъ знакомую бумагу,
 Почувствовалъ въ себѣ и бодрость, и отвагу,
 Припрыгнулъ, на двадцать годовъ помолодѣлъ —
 И гордо на Судью и весело глядѣлъ.

Такъ, въ битвахъ проведя всю жизнь, маститый
 воинъ,

Лежитъ въ госпиталѣ, задумчивъ и спокоенъ;
 Вдругъ слышитъ барабанъ и, духъ свой
 веселя,

Припрыгнетъ и кричить: «рубите москаля!»

И долго тѣшится, и улыбаясь плачетъ,

И, бросивъ свой костыль, какъ мальчикъ малый
 скачетъ..

Брехальскій, позывъ взявъ, собратъся въ путь
снѣшить:

На это у него кафтанъ особый сшить —
Не кунтушъ, не жупанъ (они идутъ въ парадѣ) —
На позывъ возные совѣмъ въ иномъ нарядѣ
Пускаются: подъ низъ широкіе штаны;
У куртки два угла слегка подобраны,
Но можно отстегнуть, откинувъ только пряжки;
Съ ушами малахай, а уши тѣ на стяжкѣ:
Коль дождикъ, возный ихъ спустить пожалуй
могъ,

А вѣдро — подтянуть повыше на шнурокъ.
Одѣвшись, и потомъ взявъ въ руки посохъ длин-
ной,
Брехальскій выступилъ торжественно и чинно,
Пѣшкомъ, не на конѣ. Когда идетъ процессъ,
То возный, точно волкъ, гляди почаще въ лѣсъ.

Брехальскій, опытный и расторопный малый,
Повеюду знаемый, во всеѣхъ краяхъ бывалый,
На пѣзвахъ зубы съѣлъ. Какъ осторожный
лшсь,

Боясь, чтобы за нимъ вдругъ псы не погнались,
Въ курятникъ не снѣша и не задорясь входятъ,
А прежде издали внимательно обводитъ
Глазами острыми гумно, и садъ, и дворъ:
Такъ возный, въ лопухахъ прокравшись подъ
заборъ,

Все въ щели высмотрѣль, на случай ретирады;
 Не видитъ никого, выходитъ изъ засады,
 Поближе; по стѣнѣ вскочилъ на стѣноваль —
 И въ темныхъ конопляхъ таинственно пропаль..

Въ ихъ зелени густой, высокой и пахучей,
 И звѣрь, и человѣкъ отъ смерти неминучей
 Скрываются подчасъ. Туда бѣжитъ русакъ,
 Въ капустѣ поднятій, надѣясь, что никакъ
 Его по коноплямъ ищейка не разыщетъ.
 Напрасно выжелиць и мечется, и рыщетъ:
 Лодыги крѣпкіе въ глаза и въ морду бьютъ
 И выслѣдить ему добычу не даютъ.

Туда же прячется иной холопъ дворовый
 Отъ грозныхъ батаговъ, покуда пань суровый
 Утихнетъ. То жъ, когда рекрутчина придетъ,
 Вездѣ по коноплямъ скрывается народъ.

Затѣмъ, во дни войны, наѣздовъ и возстаній,
 Стараются вожди тактически, заранѣй,
 Занять дремучій боръ господскихъ коноплей,
 Который, защитясь оградой отъ полей,
 Всегда соединенъ съ другою рощей — хмѣлемъ,
 Ихъ стратегическимъ служить способенъ

цѣлямъ,

Отъ вражескихъ атакъ оберегая тыль.

Брехальскій, хоть не трусь и въ передѣлкахъ

быль..

Однакоже сробѣль: знакомый зелья запахъ
Напомнилъ вмигъ ему о разныхъ жесткихъ
лапахъ,
О приключеніяхъ съ панѣми прежнихъ лѣтъ:
Такъ, разъ, одинъ усачъ, уперши пистолетъ,
Загналъ его подъ столъ, кругомъ народъ поставилъ
Съ дубьемъ и съ саблями, и вознаго заставилъ
Вдругъ по собачьему свой отзывъ оторехать —
Пришлось въ конопли оттуда утекать.
Потомъ, еще другой, съ задорными руками,
Вѣкъ вѣчный окружень своими гайдуками,
Который ни во что не ставилъ трибуналъ, (*)
Увидѣвъ позывъ въ судъ, въ клочки его порвалъ,
И возному, грозя надъ нимъ поднятой шпагой,
Велѣлъ позавтракать искрошенной бумагой.
Что дѣлать, началъ ѣсть, глядя на гайдуковъ,
А послѣ въ конопли, въ окно — и былъ таковъ.

Все это вспоминая, Брехальскій коноплями
Тихонько крадется, разводитъ ихъ руками,
Какъ-будто рыболовъ ныряющій плыветь.
Вотъ поднялъ голову, глядитъ назадъ, впередъ:
Все тихо... по двору протоптана дорожка —
Онъ вышелъ на нее, украдкой подъ окошко

(*) Здѣсь разумѣется одно историческое лицо, нѣкто Володковичъ, который дѣйствительно не слушался трибуналовъ и разгонялъ съ гайдуками сеймы. Наконецъ онъ взятъ въ Минскъ и разстрѣлянъ.

Подползъ: безмолвіе! онъ голову въ окно —
 Въ покояхъ та же тишь и все растворено,
 Все двери; онъ смѣлѣй; поднялся на ступени
 Крыльца господскаго, но не безъ страха въ сѣни
 Вошелъ и, позывъ свой изъ пазухи доставъ,
 Сталь громко возглашать. Все тихо. Видно графъ
 Отбыль куда-нибудь со всей своею дворней,
 Предъ тѣмъ вооружась исправнѣй и проворнѣй.
 Кругомъ накидано воинскаго добра:
 Раширы старыя, фузен, штуцера,
 Отбитые курки и безъ курковъ пищали:
 Изъ хламу этого, какъ видно, выбввали
 Оружье; но куда направили свой путь?
 Брехальскій распросить хотѣль кого-нибудь —
 Напрасны поиски; покои пусты, глухи;
 Ужъ послѣ на дворѣ попались двѣ старухи,
 Сказавъ, что, кажется, вельможный господинъ
 Со всею дворнею отправился въ Добжинъ.

—

VII.

Добжинскій застянокъ (*)

Широко по Литвѣ Добжинскій слыль застянокъ
 Отвагой шляхтичей и красотой шляхтянокъ,

(*) *Застянокъ*, иначе *Околица* — селеніе, обитаемое шляхтой, въ отличіе отъ крестьянскихъ поселеній, называемыхъ деревнями и селами (*wsie i sioła*).

Въ дни оныя могучь. Когда Собесскій Янъ
Готовился грозой идти на музульманъ
И кликнулъ кличь въ народъ, изъ одного Добжина
Пришла къ нему тогда несметная дружина.
Иной головорѣзь, бывало, во дворѣ
У пана знатнаго пьетъ, ѣсть на серебрѣ,
Не то, такъ въ лагерѣ живетъ-себѣ при войскѣ:
Чуть кликнуть — онъ готовъ и рубится геройски.
Теперь уже не то: застянокъ обѣднялъ,
Остепенились всѣ и всякъ работать сталъ;
Но все еще народъ и гордъ, и полнъ отваги;
Межъ бѣдныхъ шляхтичей не встрѣтишь ты сер-
мяги,

А всякій сшить жупанъ иль кунтушъ норовить.
Шляхтянка, самая убогая на видъ,
Глядишь: то въ миткалѣ, а то и въ каленкорѣ,
А въ праздникъ каждая въ корсетѣ и въ уборѣ.

И правомъ разнились добжинцы ото всѣхъ:
То были (присягнуть во истинну не грѣхъ)
Все родовитые и чистые литвины,
Все безпардонныя, воинственныя мины:
Окатистые лбы, орлиные носы,
Прямой и смѣлый взглядъ, аршинные усы,
Жупаны бѣлые, не то кунтуши смуры,
А говорили всѣ какъ истые мазуры,
Отъ нихъ обычай и нравы захватя:
Такъ, ежели Матвѣй крестилъ свое дитя,

То вѣчно называлъ его Варооломеемъ;
 Варооломеевъ сынъ навѣрно былъ Матвѣемъ;
 А женщинъ Кахнами да Марьями велось
 Въ Добжинѣ называть; но, дабы сей хаосъ
 Не слуталь всѣхъ и все, условились заранѣй
 Давать, при именахъ, тьму-тьмушую прозваній,
 По праву, случаю какому, по страстямъ.
 Сосѣди стали тожъ, Добжинскихъ по слѣдамъ,
 Изъ неразумнаго, пустаго подражанья,
 Безъ цѣли и нужды выдумывать прозванья.
 Такъ, скоро въ именахъ литовскій цѣлый край
 Смѣшался — и теперь какъ хочешь разбирай,
 И рѣдко знаетъ кто, отколь взялся обычай
 Давать такую тьму прозваній и отличій.

Въ Добжинѣ проживалъ Матвѣй, что кроликъ бѣлъ,
 Отсюда Кролика прозваніе имѣлъ,
 А послѣ *Флюгеромъ* прослылъ онъ на *Костель*.
 Когда же, наконецъ, явился въ ратномъ полѣ
 (То было въ восемьсотъ-шестомъ еще году),
 Любилъ за лѣвый бокъ хвататься на ходу,
 Лишь только москаля подстерегалъ далѣко:
 Отсюда получилъ прозваніе *Забока*.
 Какъ самъ стоялъ у всѣхъ Добжинскихъ
на челѣ,
 Такъ точно домъ его слылъ первый на селѣ,
 Промежъ корчмы жида и божія костѣла.
 Но было все кругомъ запущено и голо:

Ограда безъ воротъ; обломанный плетень;
 Березки жидкую на дворъ кидали тѣнь.
 Позади — огородъ, однакожъ гряды пусты,
 Лишь только кое-гдѣ глядитъ вилокъ капусты,
 А все жъ фольварокъ тотъ казистѣйи всѣхъ на
 видъ,
 Хотя бѣгъ-вѣсть сколько лѣтъ построень и стоитъ.
 Въ боку, какъ водится, конюшня и амбары,
 Сушильня и овинъ, немного тоже стары,
 Однако держатся, пригнувшись до земли.
 Всѣ крыши, будто лугъ, травую поросли
 И мохомъ, отъ трубы до самого до краю:
 Крапива, лебеда, лодыги молочаю,
 Деваны золотой волнистые хвосты,
 Въ разбѣвку между нихъ цыкорія цвѣты
 Желтѣютъ въ муравѣ, какъ огненные звѣзды.
 Въ повѣти и въ кустахъ, повсюду птичьи гнѣзды,
 Надъ кровлею чета домашнихъ голубей;
 Въ сѣняхъ чирикаетъ веселый воробей,
 И любитъ ласточка порхать туда нерѣдко.
 Ну, словомъ, дворъ смотрѣлъ какъ-будто птичья
 клѣтка.

А прежде замкомъ былъ: досель вездѣ слѣды
 Давнишнихъ бурь и битвъ; какъ видно, что
 сюды

Тевтонъ, или москаль заглядывалъ когда-то;
 На память той поры лежитъ въ травѣ граната,

Давно забытая; а глянь поди въ кусты:
 Увидишь рядъ могилъ и ветхіе кресты —
 Подъ ними тихимъ сномъ почіють непробудно,
 Зарыты наскоро, а кто? — добиться трудно!
 Въ дому, въ иномъ бревнѣ, засѣвшее ядро
 Увидишь, а стѣна устѣяна пестро
 Какъ-будто роемъ пчель; взглядишься: это пули
 Богъ-знаетъ сколько лѣтъ въ тѣ брусъя затонули.

Войдешь ли внутрь хоромъ: задвижки и крюки
 Имѣютъ на себѣ надрѣзы и значки;
 У многихъ начисто посѣчены головки:
 Знать, проба тесака, иль сабли зигмунтовки (*).
 Надъ самыми дверьми старинные гербы
 Добжинскихъ; но — увы! тамъ сушатся грибы,
 А въ пышныхъ завиткахъ вопнекой арматуры
 Оставили слѣды индѣйки, либо куры.
 Въ сараѣ арсеналь: въ одномъ углу стоитъ
 Фузея ржавая, въ другомъ — пробитый щитъ,
 А далѣ: дротики, мечи, рушницы, кубки,
 Кольчуги, шишаки — въ иномъ гнѣздо голубки;
 Изъ шлема древняго хозяинъ кормить козъ,
 А въ панцырь задаетъ конямъ своимъ овесъ;
 А старыхъ бунчуковъ на древки бородаты
 Кухаркѣ отдаетъ насаживать ухваты.
 Такъ, вмѣсто марсова угрюмаго чела
 Цереры свѣтлая улыбка разцвѣла,

(*) Зигмунтъ (Zygmunt) Сигизмундъ.

И, житомъ полныя, заколосились гумна
 Подъ мирнымъ скипертомъ Помоны и Вертумна,
 Но марсъ идетъ опять, гоня Цецеру прочь.

Въ Добжинь, невѣсть отколь, гонецъ пріѣхалъ въ
 ночь.

Едва услышали — собрались шляхта-братья,
 Бѣжить и старъ и малъ, все кучей безъ изъятья;
 Шумить и движется по улицѣ толпа,
 Глядятъ — зажглись огни въ плебаніи пона
 И тьма народу тамъ; толкуютъ безъ умолку,
 А все не ладится и не выходитъ толку.
 Тутъ хоромъ все идти рѣшили наконецъ
 Къ Матвѣю-Кролику; за ними и гонецъ.

Матвѣй, доступный всемъ, жилъ скромно, тихо,
 просто

И въ тѣ поры считалъ себѣ ужъ девяносто.
 Хоть ростомъ не великъ, но крѣпокъ былъ и
 дюжъ,

И первымъ слылъ вездѣ рубакою къ-тому жъ;
 А саблю вострую, которой честь и славу
 Далеко чтили все, онъ *розгой* звалъ, въ забаву.
 Сначала въ Барѣ онъ конфедератомъ былъ,
 Потомъ за короля враговъ его рубилъ;
 Когда жъ желанный миръ былъ конченъ Таргови-
 цей,

Матвѣй опять ушелъ и скрылся за границей.

Отселѣ «Флюгеромъ» ославили его.

Зачѣмъ переходилъ, и какъ и отчего —

Кто знаетъ? можетъ, духъ имѣлъ онъ безпокой-
ный,

И тѣшили его сраженія да войны,

Безъ дѣла быть не могъ, и только лишь одна

Стихала партія, свернувши знаменá,

Къ другой онъ приставалъ и тамъ опять рубился,

Иль, родную любя, всегда за правду бился

И чуждъ далеко, кто правъ, кто виноватъ —

Богъ вѣсть! но только все согласно говорить,

Что былъ душой онъ прямъ, и что, награды
ради,

За деньги, почести, вовѣкъ не сдѣлалъ явди,

.
.

Въ послѣдній разъ пошелъ съ Огинскимъ онъ
подъ Вильно

И лихо бился тамъ. Тѣснили нашихъ сильно.

Полковникъ панъ Поцей одинъ вскочилъ въ ре-
дуть;

Откуда ни возьмись, Добжинскій тутъ какъ тутъ —

За нимъ! на выручку Поцея легче пуху!

И долго не было ни слуху и ни духу

О нихъ; воротятся, иль нѣтъ — не зналъ никто;

Пришли, исколоты какъ-будто рѣшето!

Поцей, богатя владѣнія имѣя,

Хотѣлъ вознаградить убогаго Матвѣя:

Фольварокъ предлагалъ на свой построить счетъ
 И злотыхъ тысячу въ пожизненный доходъ.
 Матвѣй же отвѣчалъ: «Ясновельможный пане!
 Хоть у Добжинскаго куда легко въ карманѣ,
 Но не Поцей ему пусть въ памяти людей,
 А онъ останется Поцею добродѣй!»
 И такъ отдѣлался отъ злотыхъ и фольварку,
 Оставшись тѣмъ, чѣмъ былъ; быковъ гонялъ на
барку,
 Долбилъ ульи для пчель, лекарства продавалъ,
 Да за дичиною по рощамъ полевалъ
 И жилъ сполагоря, тихохонько.

Въ Добжинѣ

Людь разный былъ: иной умѣлъ и полатынѣ;
 Въ Палестрѣ нахваталъ другой всего изъ книгъ,
 На память святцы зналъ; но больше всѣхъ изъ нихъ
 Уважень былъ Матвѣй, не какъ рубака грозный,
 А какъ дѣлецъ и мужъ бывалый и серьёзный,
 Который, опытомъ столѣтнимъ научонъ,
 Въ дѣлахъ житейскихъ былъ и свѣдущъ и мудренъ:
 Хозяйство разумѣлъ и всякіе предметы,
 Составы, снадобья, охотничьи секреты —
 На все равно мастакъ: а въ небо посмотри,
 Погоду могъ узнать вѣрнѣй календаря.
 Не диво же теперь, что и зимой и лѣтомъ
 Ходили многіе къ Матвѣю за совѣтомъ:
 Посѣвъ ли, пахоту ль, уборку ль начинать,
 Съ горохомъ барки ли по Нѣману сплавлять—

Сейчасъ бѣгутъ къ нему. Короче и прямѣ:
 Ничто не дѣлалось въ Добжинѣ безъ Матвѣя.
 Однакожь самъ Матвѣй всемирно избѣгалъ
 Извѣстности; ни въ комъ ни разу не искалъ
 И часто, отказавъ совѣтъ подать иному,
 Онъ выпроваживалъ толчкомъ его изъ дому;
 Вовѣки о себѣ не думалъ высокó,
 А если говорилъ — два слова, короткó,
 Но знаменательно и съ толкомъ. Такъ и нынѣ,
 Лишь только сходбище случилось въ Добжинѣ,
 Рѣшили все идти къ Матвѣю на совѣтъ,
 Спросить, потолковать; къ-тому же былъ предметъ
 Знакомый смолоду ему: судите сами,
 Матвѣю ли не знать, какъ биться съ москалями!

Матвѣй ходилъ въ саду, все на небо смотря,
 И пѣсню «занялась румяная заря»
 Насвистывалъ-себѣ и весело, и бодро.
 Смѣкнувъ примѣты все, онъ зналъ, что будетъ
вѣдро.

И точно: солнышко вставало хоть во мглѣ,
 Но мгла не къ верху шла, а стлалась по землѣ,
 Чтó скатерть бѣлая; межъ-тѣмъ зефиръ игривый
 Струями ткалъ по ней рисунокъ прихотливый
 И, съ помощью въ утокъ проникшаго луча,
 Творилась дивная, богатая парча,
 Золототканная отъ края и до края,
 Огнемъ, брильянтами и звѣздами играя.

Такъ златолитые ткуть въ Слуцкѣ пояса:
Два мастера снуютъ, а дѣвица-краса,
Какъ солнце ясное, утокъ ведетъ изъ шолку
И гонить подъ него блестящую иглоку;
Тѣмъ часомъ подаетъ стоящій подлѣ ткачъ
Ей сверху золото, стеклярусъ и кумачъ...
Такъ вѣтеръ разостлалъ основу мглы волнистой,
А солнце вприснуло въ нее утокъ огнистый.

Матвѣй, невинная и чистая душа,
Молитву Господу святую соверша,
Взявъ листьевъ и травы, присѣлъ и громко свиснулъ:
Рой кроликовъ къ нему невѣсть откуда прыснулъ;
Сверкнули уши ихъ, блестящѣй и бѣлѣй,
Въ тѣнистой муравѣ, нарцизовъ и лилей;
Глаза, какъ яхонты, когда они нашиты
На зелень бархата, иль темны аксамиты.
Бѣгутъ, ласкаются, играя и скача
Къ кормильцу своему въ колѣни, на плеча,
И на спину подчасъ. Любилъ старикъ дебѣлый,
Игривыхъ прыгуновъ, и самъ, какъ кроликъ бѣлый,
Усѣвшись на лугу, ихъ гладилъ и ласкалъ
Морщинистой рукой и за уши таскалъ,
И заставлялъ служить, и нѣжно бралъ за лапки;
Межъ-тѣмъ другой рукой бросалъ ячмень изъ
шапки:

Чирикая къ нему слетались воробьи —
И былъ онъ какъ отецъ среди своей семьи.

Вдругъ птицы прыснули проверно подь застрѣху,
 А кролики — въ траву: такую имъ помѣху
 Пришельцы новые съ собою принесли,
 Чтѣ быстро по двору къ фольварку прямо шли,
 Подковками стуча и саблями блистая:
 «Да славится Исусъ и Дѣва пресвятая!»
 — Навѣки вѣчные, аминь! сказалъ Матвѣй,
 И тутъ же распросилъ внимательно гостей:
 Зачѣмъ къ нему и какъ и, услыхавъ о дѣлѣ,
 Просилъ въ хоромы ихъ; вошли, по лавкамъ сѣли
 И рѣчи повели. А тутъ ужъ и народъ,
 Едва не весь Добжинъ, столпился у воротъ
 (Отчасти были тамъ и прочіе застьянки),
 Гремятъ со всѣхъ сторонъ линейки, натычанки;
 Къ березамъ конюхи спѣшатъ вязать коней,
 Валитъ толпа къ избѣ, все гуще и плотнѣй.
 «Здорово, панъ-отецъ!» — Исусъ-Марія съ вами!
 И густо втиснулись въ окошки головами.

—

VII.

Совѣтъ. — Гай же на Соплицу.

Сначала рѣчь повелъ сѣдой Вареоломей,
 По прозвищу Прусакъ, затѣмъ, что для вѣстей

Крулевецъ посѣщаль, заглядываль къ прусса-
камъ

И слухи тайные носилъ оттоль полякамъ.
Довольно кой-чего видалъ онъ на вѣку;
Всѣ уваженіе имѣли къ старику,
Охотно слушая подь-часъ его рассказы
Про битвы давнія, про всякія проказы.
Теперь къ собранію бесѣдовалъ онъ такъ:

«Нѣтъ, пань-отець Матвѣй, та помощь не пу-
стякъ!

Когда бы видѣль ты ихъ армію да пушки!..
По истинѣ сказать: со времени Костюшки
Такого генія не видано нигдѣ,
Каковъ Наполеонъ. Я, знаешь, былъ вездѣ,
А въ восемьсотъ-шестомъ подь Данцигомъ у дяди
На мызѣ проживаль. Родня — другъ другу ради!
Охотой онъ меня почасту угощаль.
Въ то время нашъ фольваркъ нерѣдко навѣщаль
Извѣстный человекъ, помѣщикъ панъ Грабовскій
(Что нынѣ генераль въ милиціи литовской);
А былъ въ ту пору миръ. Разъ, вдругъ Грабов-
скій къ намъ:

«Ура! (кричить) ликуй! Французы пруссакамъ
Такого задали афронту подь Іеной!
Ура, Наполеонъ!» — Я, ставши на колѣно,
Молитву Господу поспѣшно сотворилъ
И — живо на коня! Что было только силъ!

Подъѣхалъ къ Данцигу, гляжу: бѣгутъ гофраты,
 Ландраты прусскіе и всякіе псу-браты,
 И — въ поясъ мнѣ! А я, какъ-будто ничего,
 И началъ стороной спрашивать, того,
 О разныхъ пустякахъ: не слышно ль перемѣны?
 Какія вѣсти, моль, пришли изъ-подъ Іены?
 Гляжу: а рожи ихъ коробить и вѣдетъ,
 Кричатъ посвѣому: « О веймиръ! о мейнъ Готь! »
 Повѣсили носы, да и давай Богъ ноги!
 Вотъ было посмотрѣть! Всѣ нѣмцами дороги
 Запружены! Кишатъ вездѣ какъ муравьи!
 Забыли взять съ собою кофейники свои,
 Кисеты съ табакомъ: все это растеряли;
 Ужъ, знать, не до того; и такъ-то удирали!
 А мы, не будь дурны, скорѣе на коня,
 Да въ шею ихъ долбить... Была-таки возня!
 Гофратовъ за чубы, а геровъ-офицеровъ
 За букли, за тупей... и мало-ль тамъ манеровъ!
 Такъ внутрь нѣмечины втурили мы ихъ всѣхъ,
 Всю сволочь, всю какъ есть. Нѣтъ нѣмца, какъ
на смѣхъ,
 Хоть только поглядѣть, обшаръ все государство!
 Въ аптекѣ бѣ не нашелъ ты нѣмца на лекарство!
 Такъ, еслибъ и теперь намъ феферу задать...
 Что скажешь, панъ Матвѣй? »

« — А что тебѣ сказать? »

(Такъ началъ Кроликъ рѣчь, по краткому молчанью)
 Всѣ ждуть... Но измѣнили онъ братьевъ ожиданью

И снова замолчалъ, всёмъ тѣломъ трепеща
 И за бокъ ухватясь, какъ-будто бы ища
 Отъ сабли рукоять (извѣстно, что Забокомъ
 Отсюда онъ прослылъ); въ молчаніи глубокомъ
 Обвелъ глазами всѣхъ и повторилъ опять
 Тѣ жъ самыя слова: «А что тебѣ сказать?...
 Французы! Гдѣ жъ они? въ какомъ забились
 мѣстѣ?»

И сколько ихъ идетъ? И кто принесъ тѣ вѣсти?
 Кто скажетъ: миръ теперь? война ли начата?»

Молчить кругомъ толпа. Замкнулись всё уста.
 «Жаль, нѣтъ Плебана здѣсь (Пруссакъ заводитъ
 снова)

Плебана Рѳака: сказалъ бы намъ онъ слово:
 Все знаетъ... а пока шпионовъ разослать
 По всей Галиціи, подслушать, разузнать,
 Межъ-тѣмъ готовится, собирать, свозить сна-
 ряды,
 Чтобы не было потомъ, какъ грянемъ, ретирады!»

— «Годить, судить, рядить, руками разводить!»
 Сказалъ другой Матвѣй: «помѣму, кропить,
 Треть-бремя! — и тутъ махнулъ вокругъ надъ
 головою

Огромной палицей, саженой булавою,
 Которую всегда по имени честилъ
 Кропиломъ и отсель Кропителемъ прослылъ:

«Я въ Пруссахъ не бывалъ; вѣдь разумъ круле-
векій,

Хорошъ для пруссаковъ, у насъ же умъ шляхет-
скій!

На что тутъ мнѣ Плебанъ? Крестить, иль хоронить?

Кого? А если бой, такъ надобно кропить!

Шашъ—махъ! Къ чему еще какіе-то шпіоны,

Развѣдчики? Треть-бремя! Ужъ больно вы муд-
рѣны!

Судить, рядить, годить, а тутъ — вдругъ москаля...

И значить: лежни вы! и значить: кисели!

Годить и проводить! Затѣмъ и бьютъ васъ часто!

А вотъ, помѣому: кропиломъ плюскъ — и баста!»

Взялъ сторону его другой Варѳоломей,

Званъ Бритвою; затѣмъ еще одинъ Матвѣй,

Прозваніемъ Горшокъ, что бралъ всегда фузею

Широкую на бой и часто въ битвѣ ею,

Какъ-будто изъ горшка, картечи лилъ потокъ.

«Ура, Кропитель нашъ!» — «Да здравствуетъ

Горшокъ!

Пруссакъ хотѣлъ опять — кричать: «Э, къ чорту

прусы!

Ступай въ Нѣмечину, точи себѣ турусы!»

Тутъ Кроликъ началъ вновь — и шумъ сейчасъ

затихъ.

«Плебанъ, сказали вы: ой, смиренъ онъ и тихъ;

Но я сейчасъ узналъ ту птицу по полету,
 Откудова она! Ему бы лучше роту
 Себѣ въ команду взять противъ нѣмецкихъ силъ.
 О, этотъ червячокъ (*) орѣшекъ раскусилъ
 Побольше вашего! Взглянулъ однимъ я глазомъ:
 И все сообразилъ, въ минуту понялъ разомъ;
 Онъ дальше отъ меня, боясь, чтообъ я, того,
 Къ себѣ не потянулъ на исповѣдь его!
 Напрасно ждать его: не будетъ бернардина!
 Коль вѣсть та отъ него, о, это бѣсъ-ксенжина!
 Кто знаетъ, какъ и чтó, какая мысль и цѣль?
 Тревога вздорная!... Что жъ, только? Неужель
 Нѣтъ болѣ ничего?»

« — А болѣ? вотъ что болѣ »
 Всѣ разомъ крикнули: «идти и биться въ полѣ!»
 «Зачѣмъ? противъ кого?» спросилъ у нихъ Матвѣй.
 — «За родину! Треть-бремя, противу москалей!»
 Крѣпитель отвѣчалъ. Тутъ снова голосъ тонкій
 Раздался Пруссака, пронзительный и звонкій:
 «И я хочу свою рапиру подтянуть;
 Но, Господи Христе, какой тутъ будетъ путь?
 Какая, съ кѣмъ война? Скажите, пань-браты,
 Куда, зачѣмъ идти? и гдѣ у насъ солдаты?
 А биться безъ солдатъ, безъ войска, безъ гроша...
 Не заготовлено у насъ вѣдь ни шиша,
 Ни синя пороха! А развѣ этакъ въ Польшѣ
 Бывало въ старину? Да вотъ, чего же больше:

(*) Здѣсь, въ подлинникѣ, непереводаемая игра словъ:
 имя ксендза Робакъ (Robak), что значить червь.

Давно ли пруссаковъ побилъ Наполеонъ
 Подъ Еной? Что же мы? Сошлись со всѣхъ сто-
 ронъ —
 Совѣтъ! Готовы всѣ, набрали гайдамаковъ
 Такихъ, что только ну! и — гай же на прусса-
 ковъ!»

— «Позвольте рѣчь держать!» вмѣшался чередой
 Панъ Бухманъ, человѣкъ довольно-молодой,
 Въ нѣмецкомъ сюртукѣ, пристойный и опрятный;
 Смотрѣлъ онъ вообще какъ нѣмецъ аккуратный,
 Однакожь былъ полякъ. Откуда родомъ онъ,
 О томъ не зналъ никто, но, такъ-какъ былъ
 ученъ,

Какой-то панъ держалъ его за эконома;
 Съ-тѣхъ-поръ онъ проживалъ у пана точно дома;
 Хозяйствомъ у него въ имѣнны заправлялъ,
 Съ нимъ о политикѣ порою трактовалъ,
 И взялъ его дѣтей къ себѣ на попеченье
 Чему-то тамъ учить. Умѣлъ онъ, въ заключенье,
 Бесѣду поддержать, красно поговорить,
 И даже иногда, въ веселый часъ, съострить.
 «Позвольте, господа!» промолвилъ онъ учтиво,
 Откашлялся и такъ повелъ велерѣчиво:

«Товарищи мои, тѣ, кои предо мной
 Сейчасъ держали рѣчь, коснулись стороной
 Существенно всего, всѣхъ главныхъ основаній.
 За силой данныхъ тѣхъ, указанныхъ заранѣй,

Къ единой цѣли все осталось привести:
Итакъ, собратія, пойдѣмъ по ихъ пути!
Сперва, сообразивъ внимательнѣе дѣло,
Мы видимъ двѣ статьи, два главные отдѣла,
Одинъ: къ чему сіе повстанье поведеть?
Какая мысль его? намѣренье? И вотъ
Объ этомъ мы должны бесѣдовать сначала.
Другой отдѣлъ таковъ: положимъ, Польша

встала —

Откуда жъ взять теперь финансы и войска?
Оружіе? За симъ коснемся мы слегка
Исторіи о томъ, какъ первые народы
И общества сошлись. То были просто сброды,
Организациі незнавшіе; весь вѣкъ
По рощамъ и лѣсамъ скитался человѣкъ,
Какъ звѣрь. Но вдругъ война! Не то, что мы въ
сраженье
Вступаемъ, съ тактикой: то было нападенье
Безъ правилъ; такъ, орда валила на орду.
Вотъ, видя, чувствуя погибель и бѣду,
Народъ держать совѣтъ: вотъ первое вамъ вѣче,
Первоначальный сеймъ!»

— «Эге, да какъ далече

Занесся ты, Бухманъ! сказалъ ему Матвѣй:

«Не видно и конца! А ты рѣшай живѣй!

Тутъ дѣло не о томъ, что не было печали

(Присловье говорить) да черти накачали;

Нѣтъ, ты вотъ объясни, какъ горю пособить?»

«Какъ горю пособить? помѣму — кропить!

Плюскъ-пляскъ, и кончено!» Кропитель отозвался:

«Кого бы я махнулъ, ужъ тотъ бы не поднялся

На сеймъ и никуда! кого я свисну въ лобъ,

Хоть цѣлый годъ молись объ немъ соборный

попъ —

Шалишь, не воскресить! Задамъ такого перцу...

Такъ, панъ Бухманъ, кропить! мнѣ ваша рѣчь

по сердцу,

Сказали хорошо на поученье всѣмъ.

Кропить! вотъ сила гдѣ, мачугой тремъ-да-бремъ!»

— «Такъ, подлинно, что такъ!» замѣтилъ тихо

Бритва

Писклявымъ голосомъ: «начнися только битва —

И я сейчасъ какъ тутъ, на вашей сторонѣ,

Стою за родину; мигните только мнѣ,

Иду, сейчасъ готовъ къ Матвѣю подь начальство!»

«Начальство (перервалъ Кропитель), генеральство,
Капральство и тому подобное канальство!

Все это хорошо въ парадѣ, на плацу,

Для разныхъ фокусовъ, а намъ, братъ, не къ лицу!

У насъ, какъ я служилъ, для всякаго солдата

Команда коротка была да узловата:

Катай-валяй-стрѣляй по ребрамъ, по усамъ,

Шахъ-махъ, коли-рубѣ, не подавайся самъ!»

— «Вотъ лихо, вотъ люблю, не уступай ни
шагу!»

(Вновь Бритва рѣчь ввернулъ) Зачѣмъ марасть
бумагу,

Чернила изводить, писать большой статутъ:

Руби, коли, стрѣлай — и вся наука тутъ!

Я складно говорить, панове, не умѣю,

Но прямо отдаюсь Матвѣевъ всѣхъ Матвѣю!»

«Да здравствуетъ Матвѣй!» Ура, Варооломей!

Вивать, Кропитель нашъ! ура компань

всей!...»

Поднялся гамъ и крикъ, все зашумѣло въ

хатѣ;

На партіи пошло. «Позвольте, пане брате!»

Пруссакъ заговорилъ: «Я партіи не хочу!»

— «И мнѣ, сказалъ Горшокъ, онѣ не по пле-
чу! —

«Позвольте мнѣ сказать!» вмѣшался голосъ гру-
бый

Новоприбывшаго оратора Сколубы:

«Что? какъ? о чемъ идетъ? Что жъ мы исклю-
чены?»

Зачѣмъ, спрошу, одной держаться стороны?

Къ-чему жъ насъ рушили изъ нашего Застянку?

А рушилъ Ключникъ насъ, Румбайло, звань

Мопанку,

Сказаль, что обсудить преважный есть предметъ.
Туть не въ Добжинѣ толкъ, а цѣлый туть по-
вѣтъ!

Вся шляхта-братія, не все же изъ Добжина...
И тоже бернардинъ брехалъ Робакъ ксенжина,
Да выражался онъ, посвоему, темно...
Теперь конецъ—концовъ: сказали, рѣшено,
Чтобъ съѣхаться сюда, мы съѣхались — и что же?
Насъ по боку? долой? чуть-чуть не бьютъ по рожѣ?
Нѣтъ этакъ не пойдетъ! Добжинцы не одни —
Насъ цѣлый здѣсь повѣтъ! Коли хотятъ они
Маршалка выбирать: у всѣхъ на то есть баллы,
У каждаго свой шаръ! Чѣмъ мы грѣшны и малы?
Пусть будетъ равенство!»

— «Такъ! равенство! вивать!»

Два Тераевича хватили какъ въ набать:

— «Долой маршалковъ всѣхъ! Concordia! согласие!
Рѣчь посполитая и общее участие!

Вивать Сколуба нашъ! вивать сто тысячъ разъ! —
«Э (завернулъ Горшокъ) пробьемся и безъ васъ
И дѣло порѣшить посвоему съумѣемъ.

Ура, Кропитель нашъ! вивать Матвѣй Матвѣямъ!
А кто не за него — вотъ Богъ, а вотъ порогъ!»

— «Какъ? шляхту выгонять? въ умѣ ль ты,
скоморохъ?»

Сколуба зашумѣлъ: «мы сами васъ уволимъ!» —
«Стой! кто-то закричалъ: «стой! veto! не поз-
волимъ!»

Тѣ: veto! тѣ шумягъ, о голосѣ прося —
И на двѣ партіи разбилась шляхта вся.

Матвѣй сидѣлъ въ углу, угрюмъ и неподвиженъ,
Какъ-будто спорами и крикомъ былъ обиженъ.
Кропитель близъ него, насупротивъ какъ разъ,
Стоялъ, на палицу свою облокотясь,
На шумъ не обращалъ вниманія нисколько,
Кропило шевелилъ и тихо подъ носъ только
Ворчалъ себѣ: «Куда? ни шагу уступить!
Скорѣе наступить, топить, лунить, кропить!»
А Бритва подвижной, средь шума и средь

цавки,

Сноваль, какъ въ станѣ чолнѣ, отъ лавки и до
лавки.

Горшокъ, то съ этими, то съ тѣми говоря,
Ходилъ, двѣ партіи между собой миря.

Вдругъ въ двери всунулся палашъ пятиаршинный
И молніей блеснулъ, такой предлинный—длинный,
Остро-отточенный на оба лезвея.

Всѣ смолкли и глядятъ: «Панове, это я!!...»

Совѣты о войнѣ? вотъ подлинно приманка!»

Сказалъ — узнали всѣ тутъ Ключника Мопанка,
И хоромъ крикнули: «Да здравствуетъ Рубецъ!
Мопанку! Сцызорыкъ! (*) Румбайло молодець!»

(*) *Перочинный ножъ* — прозваніе шпаги Герваза.

Гервазъ! (быль это онъ) протискался къ Матвѣю
 И въ воздухѣ мигнувъ раширою своею,
 Вдругъ передъ Кроликомъ ее остановилъ,
 Какъ—бы салютуя, и этимъ заявилъ
 Ему почтеніе. «Добжинцы, паны-братья,
 (Такъ началъ Ключникъ рѣчь) вся шляхта безъ
 изъятья!

Васъ, братья, не учить пришелъ сюда Гервазъ,
 А только вамъ сказать, зачѣмъ онъ сѣбралъ васъ.
 Объ этомъ толковать мы будемъ нынче съ вами.
 Но, думаю, давно вы знаете и сами,
 Что затѣвается теперь такой курьезъ...
 Чай, знаете вы всѣ?

— «Всѣ знаемъ!» раздалось.

— «Всѣ знаемъ!» тѣ и тѣ, какъ эхо, отвѣчали.

«Ну, ладно! поведемъ мы, значить, дѣло далѣ.

Пріятно трактовать съ разумными людьми.

Но мы трактуемъ тутъ—а тамъ ужъ, чортъ возьми,

Французы! Кесарь ихъ, великій Бонапарте,

Сидить, по-своему выводить на ландкартѣ,

Что русскимъ, что ему — и такъ теперь война!

Французъ на москаля, на сторону страна!

Царь съ императоромъ, князьки себѣ съ князьками,

Какъ изстари велось всегда межъ королями.

А мы? Чтожъ намъ сидѣть и ждать, уставя лѣбы?

Когда большой съ большимъ, мы малыхъ за чубы,

Кто подъ руку попалъ! все далѣе да больше,

И выметемъ, какъ соръ, шельмовство все изъ Польши!

Не такъ ли? » — « Подлинно! какъ книга гово-
рять! »

Кропитель отвѣчалъ: « кропиломъ плюскъ — и
квить! »

« А я (сказалъ Горшокъ) набью бобовъ въ фузею —
Друмъ-брумъ! » — « А я зарѣзъ какъ бритвою
обрѣю! » —

Вступился Бритва тутъ. « Позвольте, господа »,
Заговорилъ Бухманъ: « когда же и куда
Мы двинемся? Гдѣ цѣль и провіантъ готовый?
Я вижу, вы предметъ берете съ точки новой! »

— « Погудка новая на старый только ладъ »

Пань Ключникъ отвѣчалъ: « тамъ кесарь, тамъ
сенатъ,

Король и сеймъ пускай толкуютъ о расправѣ
Съ Москвою и царемъ — не здѣсь, а тамъ, въ
Варшавѣ:

На то Варшава есть! а мы въ своей избѣ...

Конфедерациі не пишутъ на трубѣ

Лучиной, а на то чернила есть, атраментъ

И не бумага тутъ простая, а пергаментъ!

И много всякихъ есть коронныхъ писарей,

Подъячихъ на Литвѣ, крючковъ, секретарей,

Какъ было въ старину; а наше, братья, дѣло:

Рапирой махъ-и-трахъ, кого бы ни задѣла! » —

« А я (сказалъ Горшокъ) изъ моего горшка! »

— « Я шиломъ суну въ бокъ врага изподтишка! »

Сказаль Вареоломей, что былъ прозваньемъ Шило.
 «А я кропиломъ плюскъ!» сказалъ Матвей
 Кропило.

— «Теперь въ свидѣтели беру я, братья, васъ —
 (Вновь Ключникъ продолжалъ) Плебанъ твердилъ
 не разъ:

Пока отворимъ дверь Наполеону-хвату —
 Заранѣ убрать и выместъ надо хату.
 А? помпнаете, что значить «выместъ» тутъ?
 Какой-такой тутъ соръ? кому задать капуть?
 Кто главный душегубъ? Кто первый притѣсни-
 тель? —

Соплица, братія!» — «Тремъ-бремъ» сказалъ
 Кропитель: —

«Разбойникъ! висѣльникъ! мошенникъ! сущій воръ!
 Кропить его, лупить — и весь тутъ разговоръ!»

Вдругъ голосъ Пруссака раздался средь свѣтлицы,
 И видимо, беретъ онъ сторону Соплицы:

«Панове! можно ли? Сошлюсь на васъ на всѣхъ:
 Намъ, братья, на судью пожаловаться грѣхъ!
 Чѣмъ онъ, его семья предъ нами виновата?
 Что, прежде, сахара имѣлъ такого брата,
 Такъ за него карать? Да есть ли съ вами Богъ?
 Что слышимъ про судью? Тамъ шляхтичу помогъ,
 Тамъ выручилъ! Судья разбойникъ, притѣснитель —
 Въ умѣ ли вы: скорѣй отецъ нашъ, покровитель!

Онъ первый запретилъ, чтобъ кланялись ему
 Холопы до земли; обиды — никому
 Не слышно отъ него; по праздникамъ простую
 Съ собой сажаетъ чернь и вносить зачастую
 Подушныя въ казну за бѣдныхъ поселянъ.
 (Чай, въ Клецкѣ, тамъ не такъ у васъ, камратъ
 Бухманъ?)

Судья Соплица воръ? Я зналъ его съизмала,
 Вотъ зналъ еще какимъ; съ-тѣхъ-поръ судья нимало,
 Ничуть не погордѣлъ: какъ былъ, таковъ и есть,
 И надобно отдать ему за это честь.
 Что общаетъ — вѣрь: на-рѣдкость крѣпокъ
 въ словѣ.

Къ-тому жъ, поистинѣ сказать, что въ Соплицовѣ
 Старопольщизны центръ: какъ попадешь туда —
 Вся чужеземщина что съ гуся, братъ, вода!
 Какъ-будто оживешь; рукою точно снимешь!
 Судья жъ привѣтливъ такъ! Какъ обласкаетъ, при-
 меть!

Я вамъ, добжинцы, братъ, а нашего судью,
 Ужъ какъ хотите тамъ, въ обиду не даю.
 Не такъ, собратія, въ Велико-Польшѣ было:
 Не всякое могло въ совѣтъ соваться рыло
 И въ дѣло пустяки и всякій вздоръ мѣшать!»
 — «Совеѣмъ не пустяки съ ворами порѣшать!»
 Вмѣшался Ключникъ въ рѣчь. Опять поднялись
 споры,
 Волненье, кутерьма, задоръ и разговоры.

«Позвольте!» Янкель-жидъ о голосѣ просиль,
 На лавку взгромоздясь, крича, что было силъ,
 И лисьимъ колпакомъ надъ шляхтою махая,
 Ажъ вѣтеръ по избѣ пошелъ отъ малахая
 Жидовскаго. Толпа утихла наконецъ.

«Добжинцы-господа! Хозяинъ пань-отець!
 (Жидъ началъ, кашлянувъ и кланяясь низко)
 Добжинцы-господа! Я такъ-себѣ, жидиско;
 Соплица мнѣ ни свать, ни братъ, а пань-судья;
 Соплицу почтатъ привыкъ съизмала я,
 Равно добжинскихъ всѣхъ, Матвѣевъ, Бартоломеевъ,
 Честную шляхту всю, всѣхъ пановъ-добродѣевъ;
 Но, думаю себѣ, коли пошло на то,
 Чтобъ сдѣлать гвалтъ судьѣ, ни за что, ни про что:
 Вы только на себя накличете невзгону;
 Чай знаете, что тамъ всегда содомъ народу:
 Ассессоръ, становой, солдаты-москали;
 Чуть свиснетъ пань-судья — заразъ какъ изъ
 земли
 Повыростутъ, заразъ къ нему примаршируютъ
 (Они жъ по близости, въ деревнѣ, квартируютъ),
 Придутъ съ багнетами (*), при шабляхъ, тесакахъ!
 У-у! А кто хоть разъ бывалъ у нихъ въ рукахъ,
 До новыхъ вѣниковъ, панове, не забудеть!
 Зачѣмъ же гвалтъ теперь? Ей-ей, добра не
 будетъ

(*) Baïonette — штыкъ.

Хорошаго! А что твердятъ теперь: французъ!
Идетъ Наполеонъ, какой-то-тамъ союзъ:
Такъ я, хотя и жидъ, скажу: долги тѣ пѣсни!
Чекайте, господа! быть-можетъ, развѣ къ вѣснѣ;
Всю осень надо ждать; потомъ еще зима...
А домъ Соплицы вамъ, панове, не корчма,
Не будка крамаря, что разберешь да примешь,
Не коробъ у жида: рукою не подынешь!
А какъ стояль-себѣ, такъ будетъ до весны
Стоять. А вы теперь, шановные паны,
Ступайте по домамъ. Какіе гвалты! свара!
Не то, коль милость есть, моя старуха Сара
Янкелька малаго сегодня повила:
Сойдутся кое-кто изъ мѣста, изъ села,
Цымбалы, музыка, базетля, будутъ танцы —
Прошу не отказать! Какія тамъ повстанцы!
Какой Наполеонъ! Богъ съ ними! Панъ Матвѣй,
Вы лицець любите: велю достать живѣй;
Старинный лицець есть, и новые кадрили
Съ мазурками, мои хлопьята смастерили!
Рѣчь Янкеля равно всю шляхту забрала;
Любили Янкеля; толпа было-пошла
О пирѣ толковать, о музыкѣ, шумѣла
За дверью, на дворѣ. Чтобы поправить дѣло,
Гервазь раширою нацѣлился въ жида —
Жидъ съ лавки шмыгъ въ толпу, вилять туда-сюда,
И былъ таковъ, ушелъ. «Счастливъ твой богъ,
жидина!»

Гервазь проговорилъ: «здѣсь видно, все едино
 Чтѣ жидъ, чтѣ шляхтиць пань, всѣхъ слушаютъ
 равно!

А ты, кармать-Пруссакъ, съ Соплицей заодно,
 Что барками его на Нѣманѣ торгуешь,
 Такъ вотъ и горло драть, сейчасъ ужъ и ра-
 туешь!

Барчонки двѣ иль три! Мопанку позабылъ,
 Какъ вашъ родной отецъ до самыхъ Пруссъ хо-
 дилъ

На баркахъ Стольника? На память тяжеленекъ!

А мало ль вы тогда нацапали тамъ денегъ?

Не ты одинъ, а всѣ, чтѣ тутъ честныхъ людей —

Затѣмъ, что Стольникъ былъ вашъ пань и доб-
 родѣй,

Поистинѣ сказать, отецъ всего Добжива:

Онъ всякаго любилъ, какъ-бы роднаго сына,

Послать куда зачѣмъ — добжинскаго! кому

Повѣрить на кредитъ — добжинскому! Въ дому

Кто чаще всѣхъ въ гостяхъ? добжинскіе всѣхъ
 чаще,

Какъ-будто-бы ему шилось и ѣлось слаще

Съ добжинскими! За чьи процессы по судамъ

Приплачивался онъ и зачастую самъ

Персоною своей въ варшавскомъ трибуналѣ

Усердно хлопоталъ? чьихъ хлопцовъ помѣщали

Въ ученье на его одѣжѣ и кошту!

Всѣ знаютъ, цѣлый свѣтъ такую доброту

Отца Горешки къ вамъ. А все отколь взялося?
 Что былъ онъ вамъ сосѣдъ — отсюда началось...
 Теперь сидитъ судья на пажитяхъ его —
 Что сдѣлалъ онъ для васъ, панове?»

— «Ничего!»

Сказалъ Матвѣй Горшокъ: «однажды на крестины
 Его я пригласилъ, не то на именины:
 Фу, Боже, носъ дереть! Мы подчивать судью:
 Нѣтъ, хлопцы, говорить: ужъ я давно не пью;
 Вамъ, шляхтѣ, ни почемъ, мнѣ вредно! Стой,
 другъ милый,
 Шалишь! подумалъ я, да и вкатили силой
 Въ него почти ушатъ... Мнѣ вредно, вишь; не
 пью!
 Дай срокъ, еще не такъ я въ брюхо-те волю!»

«Разбойникъ! вотъ ужо и я его огрѣю!»
 Кропителъ подхватилъ: «Господь послалъ на шею
 Сынка мнѣ, такъ-себѣ, теперь совсѣмъ дуракъ,
 (И прозывается у насъ за это Сакъ) —
 Сталъ словно какъ шальной, а дѣло было такъ:
 Когда ни погляжу, мой парень въ Соплицово
 Все шмыгъ да шмыгъ. Эге! тутъ вижу, нездо-
 рово!
 Какой тамъ бѣсъ ему мерещится въ глаза?
 Разъ какъ-то я поймалъ и далъ ему туза
 Кропиломъ; говорю: впередъ не попадайся —
 На мѣсть пришибу! А онъ и догадайся:

Не улицею шмыгъ, а въ садъ, по коноплямъ!
 Еще поймалъ; опять кропиломъ по усамъ!
 «Хоть до смерти убей», кричить;—да что-те
 тамъ? —

«Жениться, говорить, умру... паненка Зося!»
 Такъ вотъ откуда все шельмовство завелось!
 Что дѣлать? маршь къ судѣ! толкую: такъ-и-такъ
 Помилуй, говорю: мой сынъ, такой простакъ,
 Влюбился; у тебя, вишь, есть въ дому дѣвица,
 Какъ слышно, сирота... Что жъ, думаешь, Соп-
 лица?

Баць сразу мнѣ отказъ, безъ всякаго стыда!
 Треть-бремя! Что Зося, вишь, покаместъ молода,
 А тамъ поговоримъ... Но у него въ примѣтъ
 Давно ужъ есть женихъ, какой-то панъ въ повѣтъ,
 Князь, графъ, чортъ-знаетъ кто... Все это чепуха!
 Вотъ доберуся я уже до жениха —
 Да плюскъ! — «И этотъ воръ великимъ будетъ
 паномъ»

Румбайло продолжалъ: «и будетъ по карманамъ
 Къ намъ лазить, въ замокъ нашъ забравшись безъ
 стыда?»

Гдѣ жъ судьи правые и гдѣ искать суда?
 Куда единственный наследникъ головою
 Приклонится, нашъ графъ Горешка? Вы съ
 Москвою.

Хотите воевать, а страшно вамъ судьи!
 Война? Тутъ не война — у насъ права свои;

Я васъ въ наѣздъ зову, къ честному шляхты бою,
Совеѣмъ не къ грабежу, иль подлому разбою —
Мы не разбойники такіе жъ какъ судья!
Графъ выигралъ процессъ, все кончено — и я
Хочу ввести его въ законное владѣнье;
Что жъ дѣлать, если тутъ нельзя безъ нападенья?
Вы сами знаете, панове, какъ Добжинъ
Отсюда посылалъ тьму тьмушую дружинъ
Для исполненія рѣшеній трибунала,
И вотъ съ которыхъ поръ Литва его узнала!
Подъ Мыскимъ, помните, подъ Бродами наѣздъ?
А чьи войска? отколь? Все шляхта здѣшнихъ мѣсть!
Припомните, когда нагрянулъ Войниловичъ,
И другъ его, полякъ, панъ Волкъ изъ Логомовичъ:
Какого задали мы феферу тутъ имъ!
Скорѣ въ запуски къ границамъ ко своимъ!
А Волкъ попался въ плѣнъ; капуть хотѣли Волку
Задать: на матицѣ повѣсить втихомолку —
Да хлопцы глухие возьми и пожалѣй!
А былъ для нихъ тиранъ и руку москалей
Тянулъ, и не было бъ, ей-ей, грѣха повѣсить!
А помните еще другихъ наѣздовъ съ десять,
Съ вознагражденіемъ законнымъ за труды,
Со славою... По мнѣ тутъ вовсе нѣтъ бѣды:
Графъ выигралъ процессъ, теперь приняться смѣло
За выполненіе декрета: вотъ въ чемъ дѣло!
Ужель, добжинцы, вы теперь уже не тѣ,
И въ помощи своей сосѣду-сиротѣ

Откажете? Ужель изо всего застянку
 Защитникъ у него одинъ Рубецъ-Мопанку?
 Да этотъ Сцызорыкъ?»

— «Кропило позабыль!

(Кропитель вставилъ рѣчь) Ты вѣчно есть и былъ
 Мой закадычный другъ и вѣрный мой пріятель,
 Панъ Ключникъ, Сцызорыкъ, Румбайло! такъ ужъ
 кстати ль

Теперь идти намъ врозь? Я буду шахъ и махъ,
 А ты рапирою своею тарарахъ!»

«И Бритвѣ дайте ходъ, мопанку добродѣю:

Что вы намылите, я мигомъ чисто сбрѣю!»

— «И я (сказалъ Горшокъ) на что-нибудь авось
 Пригодень. Выбрать намъ Матвѣя не далось,
 Найдутся, можетъ-быть, другіе генералы,
 Другіе и шары, и выборные бѣлы!»

Тутъ вынулъ пуль мѣшокъ и, ими позвоня,
 Сказалъ: «А вотъ они, вотъ бѣлы у меня!»

— «А тамъ, гдѣ затрещать пановъ проклятыхъ

чубы —

Не обходилоя ни разу безъ Сколубы!»

Сколуба проворчалъ. — «А гдѣ Сколуба нашъ,
 (Подковичъ возгласилъ, поднявши свой палашъ)

Туда идемъ и мы!» И шумъ на всю ствѣтлицу
 Раздался изъ угловъ: «Ну, гай же на Соплицу!»

Такъ шляхту всю Гервазъ къ себѣ поворотилъ.

У каждаго свое, и каждый находилъ,

За что карать судью, какъ водится въ сосѣдствѣ:
 Тотъ, яко-бы, за то, что ложно о наследствѣ
 Процессъ его рѣшилъ; тотъ за лѣсной порубъ,
 А третій говорилъ: Соплица гордъ и грубъ;
 Одни по мелкому и низкому злорадству,
 Другіе, попросту, изъ зависти къ богатству;
 Шумять, волнуются, въ одинъ сливаясь хоръ...

Сидѣвшій въ сторонѣ, въ углу, до-этихъ-поръ,
 Матвѣй приподнялся, на середину входитъ,
 Подперши руки въ бокъ, глазами всѣхъ обводитъ,
 И, слово каждое въ-розбивъ произнося,
 Такъ началъ говорить — внимала шляхта вся:
 «Ахъ, черти! Ахъ ослы! Собрали васъ на раду (*)
 О Польшѣ трактовать: ни складу тутъ, ни ладу!
 Когда постановить народный приговоръ
 О благѣ родины — у васъ раздоръ да споръ!
 Ни толку нѣтъ, ослы, ни смыслу, ни порядку!
 Вдругъ дьявольскій наѣздъ: тутъ нѣтъ ужъ недо-
 статку
 Въ согласіи — всякъ чортъ на это грамотѣй!
 Прочь, прочь отсюда всѣ! сто тысячъ вамъ чертей!»
 Умолкъ и всѣ молчать, поражены какъ громомъ...
 Вдругъ страшный гвалтъ и шумъ послышался за
 домомъ:
 Во дворъ торжественно въѣзжалъ со свитой графъ,
 Поводья у коня лихаго подобралъ.

(*) На совѣтъ.

Былъ въ черномъ весь, въ плащѣ не польскаго
 покрою,
 И въ шляпѣ съ перьями. Салютуя рукою
 Всю шляхту и народъ, привѣтливо взглянулъ —
 И, вынувъ свой палашъ, имъ въ воздухѣ махнулъ.

« Ура! да здравствуетъ! » все разомъ загудѣло.
 Вся шляхта, изъ избы, въ окошки поглядѣла —
 И ну къ дверямъ ломить, за Ключникомъ живѣй!
 Всѣ къ графу хлынули. Оставшійся Матвѣй
 Послѣднихъ вытолкалъ, засовомъ заперъ двери,
 И крикнулъ вслѣдъ: « Ослы! безмозглыя тетери! »
 Гервазъ, какъ водится, сейчасъ къ жиду въ корчму;
 Застянокъ весь за нимъ, а онъ кричитъ ему:
 « Команда! пояса! тащи три бочки меду!
 Двѣ пива и вина! На пиръ всему народу! »
 И вотъ шибнула въ носъ разымчиво — остро
 Струя какъ золото, струя, какъ серебро,
 А третья — алая, и, пѣнисто играя,
 Сто кубковъ жестяныхъ наполнила до края.
 Жидъ Янкель наутекъ; Пруссакъ тихонько тожъ,
 Но кто-то увидалъ и крикнулъ: « Не уйдешь!
 Лови его, держи! въ погоню! стой! измѣна! »
 Мицкевичъ въ конопли — въ него летитъ полѣно!
 Войницкій получилъ уже съ десятокъ ранъ;
 На выручку бѣгутъ два Чечета и Занъ.
 Волнуется толпа, собираясь вокругъ Герваза
 И графа — ждутъ отъ нихъ рѣшенья и приказа;

Берутъ оружiе, садятся на коней;
Тревога, споры, шумъ все громче и сильнѣй —
И вотъ, въ огромную собравшись вереницу,
Всѣ двинулись, крича: «Ну, гай же на Соплицу!»

IX.

Наѣздъ.

Предъ бурей всегда бываетъ тишина —
Все смолкнетъ и замретъ... Но туча ужъ видна:
Нависнетъ и грозитъ, пустивъ на вѣтеръ гриву,
Хоть вихрей яростныхъ могучему порыву
Свободы не даетъ; лишь пзрѣдка порой
Послышится раскатъ неясный за горой,
Да по небу мелькнетъ невѣрный лучъ зарницы.
Такая тишина была въ дому Соплицы.

Поужинавъ, Судья и гости всѣ идутъ
Прохладой подышать на нѣсколько минутъ
И по развалинамъ, обросшимъ муравою,
Разсѣлись, весело толкуя межъ собою
И глядя въ небеса, которыя вдали,
Какъ-будто опускась въ объятiя земли,

Чуть слышнымъ говоромъ и шопотомъ неяснымъ
 Во мракъ предались бесѣдамъ сладострастнымъ —
 И музыка у нихъ вечерняя пошла.

Сначала, на концѣ уснувшего села,
 Пустушка крикнула, уфѣвшись на крышѣ;
 Вослѣдъ за ней сова откликнулась потише,
 Протяжно огласивъ любимый свой пустырь;
 Вотъ крыльями шепнулъ проворный нетопырь;
 Ночныя бабочки изъ сада налетѣли,
 Віясь, гдѣ Зосины глаза во тьмѣ блестѣли,
 Какъ ясные огни; а въ воздухѣ надъ ней
 Запѣли комары, все громче и сильнѣй;
 Но въ тонкихъ голосахъ угадывало ухо,
 Когда, забившись къ нимъ, жужжала басомъ
муха.

На нивахъ заигралъ отрывисто дергачъ;
 Тамъ бучень подхватилъ, полуночи трубачъ,
 Потомъ взвился бекасъ, чуть видимая пташка,
 И въ воздухѣ звенитъ бляеніемъ барашка.

Межъ тѣмъ, съ той музыкой сливаясь иногда,
 За рощей свой концертъ заводятъ два пруда,
 Какъ тѣ заклатья кавказскія озёры,
 Чтó ночью межъ собой вступають въ разгово-
воры.

Одинъ, широкій прудъ, серебряной трубой
 Свободно загремѣлъ изъ перси голубой;

Другой, болотными задавленный травами,
На вызовъ отвѣчалъ чуть слышными словами;
Одинъ изъ глубины невозмутимыхъ водъ
Трубитъ фортиссимо, тотъ жалобно поетъ;
Въ обоихъ слышны жабъ безчисленныя орды,
Два хора, слитые въ согласные аккорды.

Такъ темные пруды, играя чередой,
Таинственно вели бесѣду межъ собой,
Среди дремотою охваченнаго дола,
Какъ арфы стройныя и звучныя Эола.
А мракъ въ поляхъ густѣлъ; лишь около рѣки
Мелькали кое-гдѣ рыбачьи огоньки,
Играя и дробясь въ струяхъ лазури чистой;
Вотъ мѣсяць, наконецъ, надъ рощею тѣнистой
Затешилъ свой фонарь и матовымъ лучомъ
Все небо озарилъ и землю всю кругомъ,
Дремавшія давно въ объятяхъ другъ друга...

Вотъ, подлѣ луннаго златаго полукруга,
Сверкнула звѣздочка, что искорка одна;
А вонъ, за ней, еще! а тамъ еще видна!
А вонъ и Близнецы, безсмѣнные доселѣ:
У нашихъ праотцевъ вы Леле и Полеле
Въ дни оныя звались, а нынче въ Польшѣ вы
Слывете звѣздами Короны (*) и Литвы.

(*) Другое названіе Польши.

А далѣе, на югъ, повѣшены двѣ Чаши,
И слышно, что Господь, создавъ планеты
наши,

Повѣсилъ ихъ на тѣ воздушные Вѣсы,
Покуда не пришли урочные часы
И міру каждому Зиждителемъ вселенной
Начертанъ не былъ путь, въ пространствѣ неиз-
мѣнный.

А тамъ, къ полуночи, горитъ на небѣ Крестъ
И около него Плеяда яркихъ звѣздъ,
Что попросту зовутъ селяне наши: Сито,
Твердя, что сквозь него намъ Богъ просыпалъ
жито...

Такъ люди старые толкуютъ о звѣздахъ.
Но болѣе всего разсѣивала страхъ
Тогда на западѣ сіявшая комета:
Багровой полосой разлившись на полсвѣта,
Вся въ блескѣ и въ лучахъ, но холодно-свѣтла,
Она къ полуночи стремительно текла
И, звѣзды по пути захватывая въ кучу,
Пророчила Литвѣ погибель неминучу...

Съ невыразимою тревогою народъ
Глядитъ на небеса и все чего-то ждетъ,
Пугаяся хвоста зловѣщаго кометы.
И кромѣ разныя видѣнья и примѣты
Мутили поселянъ и въ нихъ вселяли страхъ:
Сбирались воронья на нивахъ и поляхъ

И глухо каркали, какъ—будто предъ добычей.
А тамъ, какъ—бы въ отвѣтъ на стонъ и говоръ
птичій,

Порой по деревьямъ протяжно выли псы.
Лѣсные сторожа, въ полночные часы,
Видали, говорятъ, какъ *Дьва Мороя*,
Вся въ бѣломъ, лишь платкомъ кровавымъ повѣвая,
Мелькала межъ деревъ. Различныя о томъ
Вель разглагольствія съ судьейо эконоомъ,
Ему свои счета представля на повѣрку.

Но Подкоморій вдругъ ударилъ въ табакерку
(Знакъ, что къ собранію онъ хочетъ говорить),
Нюхнулъ и началъ такъ: «Изволишь ты судить
О небѣ и звѣздахъ, держась методы модной,
Тадеушъ милый мой, а я такъ гласъ народный
Люблю подслушивать, хоть тоже въ школѣ былъ
И въ Вильнѣ разныя науки проходилъ,
Гдѣ на покупку книгъ, машинъ и телескоповъ
Князь Мірскій подарилъ деревню въ двѣсти хло-
повъ;

А ксендзь Почобутъ намъ рассказывалъ тогда,
Что значить каждая планета и звѣзда...
Ученый человѣкъ! А ректоръ нашъ Снядецкій
Былъ тоже человѣкъ ученый, хоть и свѣтскій.
Съ ксендзомъ Почобутомъ я близко былъ зна-
комъ...

Теперь насчетъ кометъ: толкуеть астрономъ,

Глядя на небеса, про всякую комету,
 Точь-въ-точь какъ мѣщанинъ, увидѣвши карету:
 Замѣтили, куда проѣхала она,
 А кто въ каретѣ былъ и чѣмъ нагружена —
 Тутъ пасъ они! Когда въ своей каретѣ въ Яссы
 Бранецкій выѣхалъ и двинулся массы
 За нимъ торговичанъ: народъ, какъ ни былъ
 простъ,
 А тотчасъ угадалъ, что значитъ этотъ хвостъ,
 И прозвалъ онъ его, какъ говорятъ, *метлоу*,
 Затѣмъ, что миллионъ, чай, вымелъ за собою!»

На это Войскій такъ: «Ясновельможный пань
 Позволить кое-что изъ дѣдовскихъ временъ
 Напомнить: было мнѣ тогда годовъ не болѣ
 Съ десятокъ; прибылъ къ намъ, не помню, какъ,
 отколѣ,

Поручикъ панцерный, ясновельможный князь
 Сапега, что потомъ, на службѣ отличась,
 Въ маршалки къ королю попалъ при Понятов-
 скомъ
 И послѣ канцлеромъ онъ въ Княжествѣ Литов-
 скомъ

Скончался, будучи ста-двадцати-грехъ лѣтъ.
 Съ Сапегой самымъ тѣмъ служилъ еще мой
 дѣдъ,

При Янѣ королѣ, въ хоругви у гетмана
 Яблонскаго. Такъ онъ рассказывалъ про Яна:

Въ тотъ мигъ, какъ на коня кароль садиться
 сталъ,
 И папскій нунціусъ его благословлялъ,
 Австрійскій же посоль придерживалъ за стремя
 И ногу цаловалъ,— король сказалъ въ то время:
 «Смотрите, на небѣ какія чудеса!»
 Глядятъ, а красная надъ ними полоса:
 Въ той самой сторонѣ, зловѣщая комета,
 Откуда полчища тянулись Магомета!
 Объ этомъ, помнится, и сочиненье есть
Янина титуломъ: тамъ можете прочесть.
 И Верещака ксе́ндзъ писалъ на эту тему,
Orientis Fulmina назвавъ свою поэму,
 Гдѣ ясно, въ точности, изложенъ весь походъ;
 Внизу стоитъ шестьсотъ-восемьдесятый годъ
 И нарисованы хоругви Магомета,
 А сверху — по небу идущая комета!»

— «Аминь!» сказалъ судья: — «пусть такъ
 тому и быть!

Устами вашими, панъ Войскій, медъ намъ пить:
 Комета къ намъ пришла, придетъ Янь Третій
 тоже!» —

А подкоморій имъ на это: «Дай-то Боже!»
 А Войскій пмъ опять: «Все это, панство, такъ,
 Однакожь всячески толкуютъ этотъ знакъ:
 Междоусобія и моръ подчасъ ворожить
 Комета! А меня особенно тревожить,

Что гостья та, Богъ съ ней, явилась тутъ у насъ,
 Надъ самой головой, въ недобрый, можетъ, часъ.
 Ассессоръ вызываль поутру становова;
 Вчера чуть не война вскипѣть была готова
 За ужиномъ у насъ. Я панству говорилъ,
 Что споръ тотъ примирю, и вѣрно бѣ примирилъ,
 Когда бѣ хозяева на то мнѣ дали волю.
 Однажды я игралъ такую жъ точно ролю,
 Первѣйшихъ примиривъ между собой стрѣлковъ,
 Извѣстныхъ всей Литвѣ. Тотъ случай былъ таковъ:

« Ясновельможный графъ Потоцкій изъ Волыни
 Въ Варшаву проѣзжалъ. Такихъ магнатовъ нынѣ,
 Каковъ былъ этотъ графъ, ужъ мало. На пути,
 Чтобъ болѣе любви себѣ приобрѣсти,
 А можетъ, частію, и развлеченья ради;
 Онъ шляхту посѣщаль; конечно, были ради;
 Сейчасъ, какъ водится, охотой угощать
 На жубровъ, медвѣдѣй... изволилъ заѣзжать
 Тикимъ же побытомъ въ то время графъ и
къ пану

Блаженной памяти покойному Рейтану,
 У коего въ дому я съ малолѣтства взросъ.
 По случаю того пріѣзда собралось
 Къ Рейтану нашему гостей тогда немало;
 Былъ даже и театръ, и музыка играла,
 Веселье и кутѣжъ три ночи напролетъ!
 А Кашичь, что теперь въ Стулпѣвицахъ живетъ,

Богатый фейверокъ давалъ; а Тизенгаузъ,
Что послѣ былъ послѣмъ въ Новгѣродѣ, и
Штраусъ,
Изъ Гродна комиссаръ, прислали пѣвчихъ хоръ.
Ну, словомъ, пиръ такой, что и до-этихъ-поръ
Всѣ помнятъ. Панъ же графъ (хотя они отъ
Пяста
Ведутъ свой славный родъ) заглядывалъ нечасто
Въ дубровы и лѣса, а болѣе любилъ
Театръ и музыку; доволенъ пиромъ былъ,
Какъ болѣе нельзя. Свой вкусъ у чужеземцевъ
Воспитывалъ. Былъ съ нимъ въ то время
князь изъ нѣмцевъ,
Денассау; объ немъ составила молва,
Что гдѣ-то въ Сиріи онъ тигра или льва
Сразилъ, одинъ какъ есть, обороняясь пикой.
Изъ тигра этого былъ шумъ у насъ великой,
Насилу кое-какъ свели мы двухъ панѣвъ.
Охотились тогда въ лѣсахъ на кабанѣвъ:
Рейтанъ изъ штуцера подрѣзалъ матеруху
Съ большой опасностью. У нѣмца стало духу
Сказать, что хитрость тутъ еще невелика:
При помощи другихъ, свалить издалика;
Что славы болѣе въ оружіи холодномъ,
Глазъ-на-глазъ, и въ бою открытомъ, благород-
номъ;

И началъ толковать о Сиріи своей,
О полеваніи за львами средь степей,

И тутъ же о себѣ разсказъ привелъ некстати.
 Тогда, по сабельной ударивъ рукояти,
 Рейтанъ сказалъ ему: « По миѣ такъ, мосьци
панъ,
 Чтò въ Сирии твой тигръ, тò здѣсь у насъ кабанъ;
 А если ты плетешь такую небылицу »...

Вдругъ, слышуть, раздалось: « Ну, гай же на Соп-
лицу! »

Шумъ, топотъ на мосту, звонъ сабель, шляхты
крикъ.

Несутся на ура! Дворъ штурмомъ взяли вмигъ;
 Потомъ, ища враговъ, хотять ломить въ хорому...
 Но, къ-счастью, графъ успѣлъ поставить стражу
къ дому,

Джокеевъ, болѣе послушныя войска —
 Толпа отражена! Бѣда невелика:
 Разсыпались вездѣ, по цѣлому фольварку,
 На кухню, гдѣ нашли за печкой лишь кухарку...
 Но аппетитный видъ и запахъ свѣжихъ блюдь
 Обезоружили мгновенно ратный людъ,
 Смирили бранный пылъ, на милость, гнѣвъ смѣнили
 И, можетъ, многимъ лбы отъ сабель охранили.
 Притомъ же армія на сеймѣ провела
 Весь день и закусить весьма не прочь была:
 « Ъсть, ѣсть! » раздался крикъ. « Пить, пить! » хва-
тила втора —
 И вмигъ составились воинскіе два хора:

Одни кричали «пить!» тѣ требовали «ѣсть»;
 Всѣмъ храбрымъ сонмищемъ забыта брань и месть —
 И вдругъ изъ рядовыхъ всѣ стали фуражиры.

Лишь Ключникъ не влагалъ въ ножны своей
 рапиры

И также отъ дому слугами отражонъ,
 Наѣзда главный пунктъ снѣшить исполнить онъ,
 Какъ надо ожидать отъ воина юриста:

Хотѣлъ онъ завершить дѣла порядкомъ, чисто,
 И не простой набѣгъ безъ смысла произвести,
 Но графа, вмѣстѣ съ тѣмъ, и во владѣнье ввести
 Имѣнъемъ: потому съ мечомъ гонялся грознымъ
 По саду и гумну за Бальтазаромъ Вознымъ
 И гдѣ-то наконецъ поймалъ за воротникъ:

Нацѣливши въ него свой страшный сцызорыкъ,
 Сказалъ: «Панъ Возный, графъ просить васпана
 смѣеть»

Предъ шляхтой огласить, что нынѣ графъ имѣеть
 Вступить во всѣ свои владѣнія вполне,
 Включая: замокъ, дворъ, хлѣбъ въ полѣ, хлѣбъ
 въ гумнѣ,

*Cum boris, melnicis, prudis, graniciebus,
 Kmetonibus, scultetis et omnibus rebus,
 Et quibusdam aliis...* какъ знаешь, такъ и лай!

Но только ничего, смотри, не прозѣвай!

При вводахъ я бывалъ и знаю эти штуки!»

А Возный, заложивъ свои за поясъ руки,

Спокойно отвѣчалъ на ключникову рѣчь:

«Панъ Ключникъ, я готовъ, но долженъ остеречь:
Актъ, вынужденный въ ночь, есть форма безъ
значенья.»

— «Какъ вынуждешь? ничуть тутъ нѣту при-
нужденья!»

А если темно вамъ, такъ, вѣспанъ, извини:

Такіе засвѣчу во лбу твоёмъ огни,

Какихъ и въ десяти костелахъ не бываетъ!» —

«Э, полно, панъ, Гервазъ! (Брехальскій отвѣ-
чаетъ)

Къ-чему весь этотъ шумъ? Самъ знаешь ты за-
конъ:

Не Возный пишетъ актъ, то дѣло двухъ сторонъ;

По силѣ восемьсотъ-седьмой статьи устава,

Всякъ Возный есть посоль, и не имѣетъ права

Отказывать ни той, ни этой сторонѣ,

А потому, прошу, приказывайте мнѣ:

Я тотчасъ на писемъ изображу тѣ рѣчи,

Но только безъ огня не видно — нужны свѣчи;

Не то велите дать фонарчикъ хоть сюда.

Затѣмъ — уймитесь! Вниманье, господа!»

Чтобъ лучше возглашать, на хворостъ онъ взобрался

(Какъ видно, къ коноплямъ поближе подбирался);

Вдругъ — бухъ черезъ плетень! какъ вихрь его

смахнулъ,

Потомъ ужъ далекó, въ крыжовникъ, мелькнулъ,

Каль голубь, бѣлою сверкнувъ конфедераткой;
Горшокъ по немъ далъ залцъ, но тотъ прилежъ
за грядкой,
Затѣмъ въ капусту шмыгъ, а послѣ въ лебеду
И въ частый батарникъ, который росъ въ саду,
По краю, близъ плетня; такъ скрылся въ тѣмъ
густую
И шляхтѣ закричалъ оттуда: «протестую!»
За протестаціей, что громко раздалась
(Какъ-будто съ крѣпости трубы побѣдный гласъ,
Лишь вскочить рать на валъ съ кровавыми шты-
ками),
Пошла рѣзня телятъ, испанскій бой съ быками:
Кропитель-матадоръ троихъ ужъ закропиль,
А Бритва саблю имъ во чревѣ утопиль,
И Шило дѣйствовалъ проворно и въ порядкѣ,
Свиной и поросятъ шпигуя подъ лопатки;
А тамъ и до гусей череда своя дошла:
Напрасно птица та, что древній Римъ спасла,
Воить о помощи: не Манлія-Торквата
Узрѣла предъ собой, но, ужасомъ объята,
Взираетъ на Горшка; шипитъ иной гусакъ,
А воинъ хватъ его — и тотчасъ за кушакъ!
Утыканъ птицами, покрытъ блестящимъ пухомъ,
Казался Хохликомъ, ночнымъ нечистымъ духомъ.

Но крику менѣе, а болѣе рѣзни
У Зоси въ курникѣ, гдѣ куры лишь одни:

Туда Добжинскій Сакъ, кропителево чадо,
 Забрался и крошилъ испуганное стадо
 Шурпатыхъ, рѣдкихъ куръ, красивѣйшихъ собой,
 Что были вскормлены перловою крупой.
 Откуда, Сакъ, въ тебѣ такое зло взялося?
 Вовѣки не простить тебя за это Зося!
 А Ключникъ, вспомнивши былыя времена,
 Досталъ на поясахъ изъ погреба вина,
 Сивухи дѣдовской, добрался и до пива —
 И шляхта бочки три опорожнила живо,
 Да въ замокъ двѣ снесла, и въ немъ, какъ
въ оны дни,
 Сверкнули яркіе, веселые огни,
 И гнутся, и трещать столы отъ тучныхъ бра-
шень...
 Но скоро апетитъ и жажды пылъ угашень;
 Пошли позѣвывать; за глазомъ меркнетъ глазъ;
 Киваютъ головы; всѣхъ долѣе Гервазь
 Держался, но и онъ, надъ пѣнистою чарой,
 Склонился, лысиной своей сіяя старой.
 И вотъ поднялся храпъ, какъ-будто полкъ тру-
биль:
 Такъ побѣдителей, братъ смерти, сонъ сразилъ.

X.

1812-й годъ.

О, годъ двѣнадцатый! Тебя воображаю
На родинѣ моей: ты годомъ урожаю
Слывешь у насъ досель и чтить тебя народъ,
И пѣсни про тебя слагаетъ и поетъ.
Забытый гдѣ-нибудь, доселѣ старый воинъ,
Услышавъ про тебя, не можетъ быть покоенъ,
Невольно тесака хватаетъ рукоять —
И кровь его кипитъ, и молоде онъ опять.

Благословенный годъ самими небесами!
Ты былъ особыми означенъ чудесами,
Являя въ знаменьяхъ, въ обиліи, въ красѣ —
И сердцемъ мы тебя предчувствовали всѣ,
И что-то дивное съ литвинами творилось,
Какъ-будто-бъ небо имъ въ то время раство-
рилось!

Едва луга травой подернула весна, —
Скотина, хоть была тоща и голодна,
Однакоже въ поля проворно не бѣжала,
Но долго по дворамъ и выгонамъ лежала,

Жуя свой зимній кормъ и головы склоня,
И медленно потомъ пошла на зелена.

Равно и жители, распахивая гряды,
Какъ-будто не были возврату солнца рады,
Лѣниво и соху, и борону влекутъ,
И пѣсенъ про весну обычныхъ не поютъ;
Смирняютъ, что ни шагъ, быковъ своихъ

дорогой

И къ западу глядятъ, съ волненьемъ и тревогой,
Какъ-будто ждуть оттол невѣдомыхъ чудесъ,
И раннихъ птицъ слѣдятъ, гурьбой летящихъ

въ лѣсъ.

Уже кричитъ аистъ, ища знакомыхъ сѣней,
Раскинувъ крылія — штандартъ поры весенней;
И быстрыхъ ласточекъ игривые полки
Стаятся и свуютъ проворно вдоль рѣки;
А вечеромъ слукá надъ пажитями тянетъ
И хриплымъ голосомъ къ любви подругу манить;
Гогочетъ дикій гусь и нитями вдали
Плывутъ по небесамъ высоко журавли.
Безвременныхъ гостей привѣтствуя какъ чудо,
Встревоженъ селянинъ, не вѣдая, откуда
Между пернатыми такая суета
И что пригнало ихъ такъ рано въ тѣ мѣста.

А вотъ, за ними вслѣдъ, пернатые иные —
Летятъ полки уланъ, знакомые, родные;

А тамъ пѣхоты строй, хоругвей пышныхъ
рядъ;

Родимые орлы какъ солнышко горять,
Маня къ себѣ сердца и радостные взоры —
Покрыли все собой: равнины, доли, горы,
Куда ни поглядишь, вездѣ полки, полки,
И льются, какъ рѣка, блестящіе штыки;
Гремятъ, колышутся, во время дня и ночи,
И грозно тянутся рядами къ полуночи.

Ура! Война, война! И не было угла
Въ Литвѣ, куда бѣ громовъ она не занесла;
Лѣсные сторожа, въ своемъ убогомъ домѣ
Во-вѣки о земномъ неслышавшіе громѣ,
Лишь молнии изрѣдка сверкали имъ въ глаза:
Теперь на небесахъ всю ночь для нихъ гроза,
Пылаетъ зарево и слышатся изъ хаты
Совсѣмъ иныхъ громовъ тяжелые раскаты —
Побѣдоносный гулъ отъ утра до утра.
Порой, въ лѣсной глуши, раздастся свистъ ядра,
Не то гранаты взрывъ, иль бомбы ревъ и скрежетъ,
Которая подчасъ деревъ вершины рѣжетъ
И, щелкая по пнямъ, летитъ въ глухую дебрь.
Уходитъ съ логова, поднявъ щетины, вепрь;
Встаютъ косматый жубръ, иль, ужасомъ объятый,
Изъ пущи выскочитъ встревоженный сохатый,
Глазами водить вокругъ, всѣмъ тѣломъ трепеща,
И мчится далѣе, пріютъ себѣ ища.

Годъ приснопамятный, великій и единый!
 Останешься въ Литвѣ священной ты годиной!
 Ты, урожайная красавица-весна,
 Вѣкъ будешь сниться намъ, обильна и красна
 Густыми злаками и воинвоъ одеждой,
 Громами славныхъ битвъ и ясною надеждой!
 Досель, переносясь въ минувшіе года,
 Тебя, какъ сладкій сонъ, я вижу иногда,
 И, скорбію повить, лью слезы и тоскую...
 Увы, я въ жизни зналъ одну весну такую!

Отъ Нѣмана идетъ къ Литвѣ Іеронимъ,
 Король Вестфалии, и нашъ Іосифъ (*) съ нимъ;
 А далѣе вожди: Князевичъ и Грабовскій,
 Зайончикъ, Яшвель, Паць, Гедройць и Малахов-
скій.

Идутъ со штабами, явились средь села;
 Сѣнь Соплицовская радушно приняла
 Дружины братнія, къ услугамъ ихъ готова
 (По счастью, на пути лежало Соплицово).
 Пришли ужъ пѣдъ-вечеръ. Начальники спѣшать
 Разставить по избамъ измученныхъ солдатъ.
 Усталыя войска тотчасъ глаза сомкнули.
 Все спить; лишь движутся, какъ призраки, пат-
рули,
 Да слышится порой протяжное «слушай!»

(*) Іосифъ Домбровскій.

Но Войскій спать не идетъ — ему ты не мѣшай:
Задумалъ думу онъ: для праздника такого
На вѣки вѣчныя прославить Соплицово;
Задать своимъ гостямъ неслыханный обѣдъ,
Какого никогда и не было и нѣтъ;
Пиръ, соответственный великой той минутѣ,
Чтобъ было чѣмъ ее и послѣ помянути.

Сначала поваровъ сосѣднихъ онъ зоветъ:
Собралось цѣлыхъ шесть, самъ Войскій — коноводъ,
Словоохотливый, бурливый и рѣчистый;
Колпакъ на головѣ, на брюхѣ фартукъ чистый;
Вездѣ готовъ, поспѣлъ; вездѣ одинъ за двухъ;
Припасы пробуетъ, отмахиваетъ мухъ;
Смиряетъ поварятъ неугомонный говоръ
И книгу достаетъ, названье — *Модный Поваръ*:
По ней въ Италиі обѣдъ Тычинскимъ данъ,
Который похвалилъ и папа самъ Урбанъ;
По ней Ржевускій графъ извѣстенъ сталъ въ Па-
рижѣ,
По ней же, наконецъ, въ дому своемъ, въ Несвижѣ,
Намѣстникъ виленскій, Коханку-Радзивиль (*)
Обѣдомъ всю Литву и Польшу удивилъ,
Какъ пиръ для короля давалъ онъ Станислава,
Тотъ пиръ, котораго жива понынѣ слава,

(*) Онъ имѣлъ привычку, для привлеченія къ себѣ народа, говорить всѣмъ безъ разбора «*Rańie Kochanku*» (любезнѣшій) и потому прозванъ Радзивиль-Коханку.

Котораго красу, и блескъ, и роскошь блюдь
Донынѣ пѣснями литовскій славить людъ.

Работа началась. Лишь-только Войскій глянетъ —
Полсотни у него ножей забарабанить.

Кухмистры, засучивъ по локоть рукава:

Тотъ дуетъ на огонь, тотъ въ печь кладетъ дрова,

А третій, хлопоча, чтобъ пламя не угасло,

Плескаетъ на него растопленное масло,

Котораго всегда достаточно въ дому;

Иные въ копоти, и въ сажѣ, и въ дыму,

Ворочають рожны съ дичиною различной:

Оленей, кабановъ, съ приправою обычной;

Деруть индѣекъ, куръ — и пуху облака,

За легкимъ паромъ влѣдъ, летять до потолка!

Но куръ не достаетъ; съ-тѣхъ-поръ, какъ Сакъ

Добжинскій,

Меся Зосѣ, расточилъ на нихъ свой пылъ воин-

скій,

Онѣ по прежнему еще не развелись;

Зато тетерева въ обилии нашлись,

Сивки, баранчики (*), и много всякой дичи

Набилъ для Войскаго догадливый лѣсничій.

Лучами ясными и тихими горя,

На небѣ занялась стыдливая заря —

(*) Такъ зоветъ народъ бекасовъ.

И сумракъ надъ землей таинственный разсѣянъ...
Лишь облакъ, золотомъ и розами усѣянъ,
Самъ бѣлый точно снѣгъ, плылъ по небу вдали,
Подобенъ ангелу-хранителю земли,
Что нашей утренней молитвой умиленный,
Еще не отлетѣлъ къ Зиждителю вселенной.

Но вотъ и онъ исчезъ безъ знака и слѣда;
Померкнула въ выси послѣдняя звѣзда.
Не видно ничего на всей небесъ равнинѣ,
Которая слегка блѣднѣетъ въ серединѣ;
А темносинюю полночную эмаль,
Какъ свитокъ, къ западу укатываетъ вдаль;
Межъ-тѣмъ огнистое, пылающее око
Намъ открывается привѣтливо-широко;
Вотъ на окраинѣ блеснулъ струями свѣтъ
И брызнули лучи, какъ тысячи ракетъ;
Но, жмурясь и дрожа, сіяетъ глазъ денницы,
Какъ-будто хочетъ сонъ стряхнуть съ своей рѣсницы,
И всѣ свои цвѣта соединяетъ вдругъ:
Сапфиръ, потомъ рубинъ, тутъ матовый жемчугъ —
И брилліантами чистѣйшаго кристала
Свѣтило наконецъ по небу заблестало.

Хотя въ капицѣ мша еще не началась,
Однакожь тьма уже народу собралась:
Никто не усидѣлъ въ тотъ день великій дома,
Отчасти праздникомъ толпа была влекома,

Но болѣ манилъ тогда простыхъ людей
 Величественный видъ героевъ и вождей,
 Военачальниковъ народныхъ легионовъ,
 Которыхъ чтили всѣ какъ-бы своихъ патроновъ,
 Которыхъ бѣдствія, въ теченіи столькихъ лѣтъ,
 Побѣды, славою наполнившія свѣтъ,
 Скитальческая жизнь съ изгнаніемъ суровымъ —
 Служили поляку евангеліемъ новымъ.

Иные воины къ часовнѣ подошли.
 Вы ль это, ратники отеческой земли?
 Глядитъ на нихъ народъ, глазами робко мѣрять —
 И собственнымъ глазамъ отъ радости не вѣрять.
 Такъ точно, нашъ мундиръ, что всѣмъ сердцамъ
 знакомъ,
 И польскимъ говорятъ жолнѣры языкомъ!
 Волнуется толпа; пылаютъ дѣвы-розы
 И ронять на траву серебряныя слезы.

Раздался колоколь. Обѣдня началась.
 Звучить священника миротворящій гласъ,
 И съ умиленіемъ ему крестьянинъ внемлетъ.
 Каплица малая не всѣхъ въ стѣнахъ объемлетъ:
 Иные на лугу — едва не все село —
 Склонились, обнаживъ предъ Господомъ чело,
 Смиренно молятся. Литвиновъ русый волосъ
 На солнышкѣ блеститъ, какъ жита зрѣлый
 колосъ;

Мѣстами дѣвицы-красавицы платокъ
 Горить, что куколя румянаго цвѣтокъ;
 Порой, послушныя священному глаголу,
 Все чѣла клонятся какъ-бы колосья долу.

Селяне въ этотъ разъ въ каплицу нанесли
 Цвѣтовъ —весенній даръ отеческой земли;
 И ихъ разсыпали обильно у подножья
 Святаго алтаря, надъ коимъ Матерь Божья
 Сіяла кроткая, въ каменьяхъ и лучахъ,
 Съ невыразимою любовію въ очахъ,
 Потомъ и паперть всю, и самыя ступени,
 Гдѣ становилися міряне на колѣни,
 Вѣнками пышными усеяли кругомъ.
 Такъ, изукрашенный цвѣтами Божій домъ,
 Во облаченіи сіялъ своемъ богатомъ,
 Благоухая весь небеснымъ ароматомъ.

Обѣдня наконецъ въ каплицѣ отошла.
 Ксендзь проповѣдь сказалъ. Но шляхта все не шла
 Изъ церкви; все еще селяне были въ сборѣ:
 На паперть вышелъ къ нимъ маршалокъ-подкоморій
 (Конфедерации маршалкомъ онъ ужъ былъ):
 Жупанъ его серебромъ и золотомъ свѣтилъ,
 А сверху дорогой кунтушъ изъ аксамита;
 Съ алмазной пряжкой и поясъ златолитый;
 У сабли въ камняхъ весь и въ золотѣ ремень,
 И шапка бѣлая, надѣта на бекрень —

На ней блеститъ салтанъ, украшенный богато,
 Гдѣ каждое перо цѣнилось въ три дуката.
 Такъ пышно убранный, къ народу ко всему
 Маршалокъ выступилъ — всё двинулись къ нему;
 Онъ началъ: «Братія! вамъ сказано съ амвона
 Что вольною землею объявлена Корона, (*)
 А нынѣ кесарь нашъ далъ вольность и Литвѣ,
 Затѣмъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ мы тронулись
 къ Москвѣ,

Какъ вѣрные его сподвижники-вассалы.

Уже на вальный сеймъ (**) зовутъ универ-
 салы;

А я хочу теперь, собратія мои,
 Сказать вамъ слова два касательно семьи
 Извѣстныхъ всей Литвѣ владѣльцевъ Соплицова.
 Что Яцекъ натворилъ, вамъ это ужъ неново;
 Но, если чьи грѣхи поставимъ мы на видъ,
 По правдѣ помянуть и доблесть надлежитъ,
 Всѣ добрыя дѣла, отличія, заслуги
 И принесенныя отечеству услуги:
 Такъ отдадимъ ему заслуженную честь!
 Тотъ Яцекъ жилъ еще, когда бродила вѣсть,
 Что онъ, монашество пріявъ, скончался въ Римѣ;
 Онъ только измѣнилъ одежду, санъ и имя,

(*) Польша. Жители Короны — короніаши.

(**) Вальный сеймъ (walny sejm) — главный, всеобщій сеймъ въ Варшавѣ.

И все, чѣмъ Богу былъ и людямъ виновать,
Примѣрной жизнию загладилъ во сто кратъ.

«Подъ Гогенлинденомъ, въ той битвѣ знаменитой,
Гдѣ началъ отступать уже Ришпансъ разбитый,
Не зная, что у врага Князевичъ былъ въ тылу:
Объ этомъ Яцекъ нашъ, сраженія въ пылу,
Ришпансу вѣсть принесъ — тотъ принялъ бой
кровоавый,

И наши витязи вѣнчались громкой славой.
Потомъ, въ Испаніи, какъ брали Алькантаръ,
Онъ съ гренадерами на приступъ, въ самый
жаръ,

Пошелъ — и раненъ былъ три раза при Камов-
скомъ.

Съ-тѣхъ-поръ, скитаяся то въ княжествѣ литов-
скомъ,

То за границую, онъ вѣсти разносилъ,
Предвидя общее возстанье нашихъ силъ,
И въ мигъ, когда уже все было на готовѣ,
Смертельно раненный скончался въ Соплицовѣ.
Едва лишь вѣсть о немъ, про славныя дѣла,
До милости его, до кесаря дошла:
Въ награду подвиговъ, рукой Наполеона
Ему назначенъ крестъ почетный легіона.

«Да будетъ же для всѣхъ и cadaго равно
Отнынѣ вѣдомо, что Яцекъ смылъ пятно,

Лежавшее досель на имени Соплицы;
 И всё теперь въ Литвѣ сословія и лица,
 Кто братомъ вздумаетъ Соплицу попрекнуть,
 Иль недостойное объ немъ упомянуть,
 Тотъ graves maculas несетъ по уложению.
 Примите жъ, братія, сіе къ соображенью!
 А что касается до славнаго креста,
 Хотя не во время пришла награда та,
 И Яцекъ не былъ ей въ послѣдній мигъ утѣ-
 шень —

Пусть будетъ этотъ крестъ на гробъ его повѣшенъ
 И три дни провиситъ! Затѣмъ въ капліцѣ той,
 Какъ votum, сложится для Дѣвы пресвятой! »

Сказалъ и вынулъ крестъ почетный легіона:
 Сіяла въ золотѣ огнистая корона
 И лента алая съ кокардою надъ ней.
 Звѣздоподобный крестъ и ярче, и виднѣй
 Сверкнулъ на сумрачномъ возглавіи гробницы —
 Послѣдній славы лучъ надъ именемъ Соплицы!
 Народъ же повторялъ, склоняясь надъ доской:
 « Со духи праведны Господь его покой! »

Въ то время у избы друзья сидѣли наши,
 Брехальскій и Гервазъ. Побрякивали чаши,
 Межъ-тѣмъ какъ старики поглядывали
 въ садъ,

Гдѣ воинъ молодой и дѣвица стоятъ:

Онъ — какъ подсолнечникъ; шишакъ на немъ
злачѣный;

Она, одѣтая въ корсажъ темнозеленый,
Смотрѣла весело, какъ ясная рута;
Глаза — что васильки, что розы — уста!
Ихъ рѣчи, полныя любовью и мольбою,
Текли, какъ два ручья, сливаясь межъ собою.

А старцы въ разговоръ пріятельскій вступивъ,
Другъ друга подчуютъ медкомъ наперерывъ;
Брехальскій говоритъ: «Вотъ такъ-то, Герва-
зеньку!»

Гервазъ ему на то: «Вотъ такъ-то, Протазеньку!»
— «Вотъ такъ-то! такъ-то вотъ!» сказали оба
въ разъ,

И тутъ, какъ надо быть, бесѣда началась.
«Прощай, значить, процессъ!» сказалъ Гервазу
Возный:

Тьму помню я такихъ... особенно жъ курьёзный
У Чарторыскаго съ Будревичемъ процессъ;
Потомъ у Лѳнаса съ Почобутомъ за лѣсъ;
У Паца съ Купцами, съ Квилецкими у Турна,
У Лейки съ Занами. Начнется вѣчно дурно,
Тамъ, глядь: явилась дочь, тутъ сынъ, а здѣсь
вдова —

И кончено!.. вотъ такъ Корона и Литва
Тягались сколько лѣтъ; взялась за умъ Ядвига —
И разомъ безъ судовъ окончена интрига!

Дá, хорошо, какъ есть у тяжущихся дочь,
Иль сынъ: не трудно тутъ бѣдѣ лихой помочь!
А вотъ, когда процессъ поидетъ между ксен-
дзами —

Бѣда! хотъ прочь бѣги съ закрытыми глазами!
Еще коль близкое увяжется родство...

Вотъ ляхи съ руссами тягались отчего?

Что были Руссъ и Ляхъ два брата... Это
дѣло

Тянулось двѣсти лѣтъ — да выигралъ Ягело!

Такъ съ Обуховичемъ судился Одынецъ;

Съ ксендзами Дымшами у Рымши наконецъ

Pendebat долго споръ... но выиграла Дымши,

И вышло, что панъ Богъ сильнѣе пана Рымши. (*)

А медь помоему спльнѣй, чѣмъ сцызорыкъ!»

Тутъ чокнулись. «Такъ! такъ!» сказала

другой старикъ,

Той рѣчью тронутый: «такъ, дивною судьбою

Корона и Литва сблизались межъ собою,

Какъ нѣкая чета: самъ Богъ связалъ ее!

Да видно, Богъ свое, а дьяволы свое!...

Ахъ, брате! точно ли глаза то видятъ наши,

Что къ намъ опять сюда пришли короніаши!

Эхъ! что бы Стольнику дожить до этихъ поръ!»

Тутъ Ключникъ подъ-шумокъ полой слезу отеръ

(*) Есть польская пословица: «Więszy pan Bóg niż pan Rumsza.»

И тихо покачалъ сѣдою головою:

«Но, полно плакаться! Корона вновь съ Литвою!»

— «Да! (Возный рѣчь повель) теперь объ
Зосѣ вотъ!»

«О паннѣ Софіи (его поправиль тотъ)

Она ужъ не дитя, невѣста: вотъ въ чемъ

штука,

Притомъ, вельможная: Горешкѣ будетъ внука!»

— «Ну, панна Софія! пожалуй хоть и такъ!

(Вновь возный продолжалъ): былъ, видишь,

съ неба знакъ,

Какъ-бы явленіе, назадъ тому съ полгода.

Разъ въ праздникъ набралось довольно тутъ

народа:

Кухмистры, кое-кто изъ челяди, да я;

Вдругъ изъ—подъ крыши пырь два старыхъ

воробья! —

И въ драку! Ажно пыль клубами вверхъ пустили!

Мы смотримъ: чья возьметъ? и тутъ же

порѣшили:

Пусть черный будетъ графъ, а тотъ, что

посѣрѣй,

Соплица. Сѣрый сбить: поправься, братъ,

скорѣй!

Кричимъ. А сѣрый взялъ: за здравствуютъ

Соплицы!

Тутъ Зося сжалилась, прыгнула изъ свѣтлицы,

И нѣжной ручкою бойцовъ накрыла вдругъ;
 Но бились и въ рукѣ! Тогда между старухъ
 Пошелъ объ этомъ толкъ, что видно панна Зося
 Два дома примирить — и вотъ оно сбылося!
 Въ очью свершается! Знать, божья воля тутъ!
 Однако же тогда о графѣ думалъ людъ,
 Не о Тадеушѣ.»

На это Ключникъ старый
 Сказалъ: «Да, подлинно, глядятъ такую парой,
 Что любо-дорого! Тряхнувши стариной,
 И я тебѣ скажу, что было и со мной
 Необъяснимое: ты знаешь, милый друже,
 Что нѣкогда Соплицъ я утопилъ бы въ лужѣ,
 А хлопца этого, не знаю почему,
 Я съ разу полюбилъ. Бывало, радъ ему,
 Какъ въ замокъ прибѣжить; сейчасъ рапиру
въ руки,
 Рубись! да и гораздъ онъ былъ на эти штуки!
 Бѣда! Съ ребятами ль возмутся за чубы —
 Не можетъ ни одинъ! трещать лишь только лбы,
 Когда пойдетъ косить! Взобратся на одонье,
 Омѣлу съ дуба снять, стащить гнѣздо воронье —
 Какъ есть на все гораздъ, на всяки чудеса!
 Ну, видно, ты, панычъ, въ сорочкѣ родился,
 Замѣтилъ я себѣ; жаль только, что Соплица!
 И вотъ... подумаешь, какая небылица!
 Кто вѣдалъ, кто гадалъ, на что ему таланъ
 Данъ всякій Господомъ? Теперь онъ здѣшній панъ,

Мужъ панны Ссѣи, вельможной пани нашей! »

Умолкли тотъ и тотъ, задумавшись надъ чашей.

Лишь послѣ нѣсколько послышалось разъ:

« Такъ, пане Возный, такъ! » « Да, такъ-то,
панъ Гервазь! »

А кухня возлѣ нихъ стояла. Облакъ пара
Изъ оконъ вылеталъ, какъ дымъ въ часы пожара.
Кухмистеръ наибольшій, съ кастрюлькою въ рукѣ,
Подвязанъ фартукомъ и въ бѣломъ колпакѣ,
Душой и мыслию весь преданный обѣду,
Успѣлъ однакоже подслушать ихъ бесѣду,
И только лишь они устали говорить,
Бисквитовъ подалъ имъ, чтобъ лицець закусить.
« А я вамъ расскажу исторію про пана,
Блаженной памяти покойнаго Рейтана.
Разъ въ налибоцкіе пустились мы лѣса »...
Вдругъ сзади раздались кухмистровъ голоса
И Войскаго рассказъ на томъ оборвался...

А старцы головы межъ тѣмъ поворотили
Туда, гдѣ мѡлодецъ и дѣва говорили;
Но не было ужъ ихъ: давно покинувъ садъ,
Ушли они въ покой, гдѣ восемь лѣтъ назадъ,
Тадеушъ-отрокъ жилъ. Теперь же, въ этомъ мѣстѣ,
Счастливецъ Становой служивалъ невѣстѣ
И въ разные углы со всѣхъ кидался ногъ:
То шпильки подавалъ, то вѣеръ, то платокъ,

Разнообразные флакончики, помаду —
 Ну, словомъ, хлопоталъ и бился до упаду;
 Хоть бѣдный лобъ его порядочно взопрѣлъ,
 Однако Становой торжественно смотрѣлъ
 На свѣтлое чело имъ избранной подруги
 И ровно ни во что считалъ свои услуги.
 Подруга же его, окончивъ туалетъ,
 Держала съ зеркаломъ таинственный совѣтъ,
 Задумалась... межъ-тѣмъ служанки боевыя,
 Дѣвицы вострыя, проворныя, живыя,
 Съ горячимъ утюгомъ припавши на полу,
 Спѣшили распрямить у платья фалбалу.

Тогда какъ Становой былъ дѣломъ этимъ
занять,
 Глядитъ: его въ окно рукою кто-то манить:
 Кухмистеръ русака въ капустѣ подстерегъ.
 Изъ лѣсу выпугнуть, русакъ въ саду залегъ,
 Скрываясь тамъ весь день отъ ловчихъ и
отъ жара.

Ассessorъ вель уже на своркѣ Янычара,
 А вотъ и Становой Стрѣлу свою зоветъ;
 Поставили рядкомъ; панъ Войскій въ садъ идетъ,
 Свиститъ и хлопаеть, посматривая въ гряды;
 Межъ-тѣмъ охотники, въ него уставя взгляды,
 Тихонько пальцами показываютъ псамъ,
 Гдѣ заяць... а ужъ онъ легѣлъ къ своимъ
лѣсамъ!

Ату его, ату, пошла лихая пара!
 Тотъ смотреть на Стрѣлу, другой на Янычара:
 Псы ближе... ближе... вотъ на шагъ отъ
 русака —

И оба вдругъ его схватили подъ бока!
 Минута — онъ лежитъ недвижимъ, кверху брюхомъ,
 Зеленую траву покрывши бѣлымъ пухомъ.
 Глядятъ охотники — на лицахъ торжество!
 А Войскій, зайца взявъ, отпазончилъ его
 И молвилъ: «Конченъ споръ, соперники мирятся!
 Палаць достоинъ Паца, стоить Паць Палаца! (*)
 Я, вами избранный давно за судію,
 Заклады цѣнные обратно отдаю:
 Другъ другу вы равны и выиграли оба,
 Отнынѣ заключить союзъ должны до гроба!»

Охотники сошлись, веселые — и вмигъ
 Ихъ руки съединилъ ликующій старикъ.

Тутъ молвилъ Становой: «Собратья, передъ
 споромъ,
 Вы помните: коня поставилъ я съ приборомъ
 И перстень обѣщаль въ Salarium сложить
 Тому, кто давній споръ поможетъ намъ рѣшить.
 Обратно слѣдовать закладамъ — незаконно!
 И я надѣюся: панъ Войскій благосклонно

(*) Польская поговорка «Godzien pałac Pasa, godzien Pас pałаса». Палаць — дворець; Паць — имя одного генерала.

На память перстень тотъ потрудится принять —
 Онъ можетъ вырѣзать на немъ свою печать,
 Что вѣчно при часахъ висѣла у него бы,
 А золото на ней одиннадцатой пробы.
 Уланамъ отдалъ я ретиваго коня,
 Но весь его приборъ остался у меня,
 Чтобъ долѣе служить набѣгамъ молодецкимъ;
 Арчакъ — смѣшеніе казацкаго съ турецкимъ,
 Въ камняхъ передняя и задняя лука;
 Шелками вышита подушка чапрака,
 А сядешь на нее — качаетъ точно зыбка;
 А тронь коня въ галопъ, не очень только
шибко,
 А исподволь, труся (при этомъ Становой,
 Любившій мимикой рассказъ украсить свой,
 Вдругъ выступилъ впередъ и ноги врозь
разставилъ,
 Потомъ, какъ скачетъ конь, охотникамъ
представилъ),
 А тронь коня въ галопъ, то кажется, что
конь
 Весь залить въ золото, въ брильянты и въ огонь,
 Сіяніе и блескъ струями все, струями...
 Тотъ рѣдкостный приборъ, съ уздечкой, съ мунд-
штуками,
 Ну, словомъ, осѣдлатъ какъ надобно коня,
 Прошу Ассессора на память отъ меня
 Принять и позабыть, что было въ прежни лѣта! »

Ассессоръ, поклонясь, отвѣтствовалъ на это:
«Я ставилъ подъ закладъ ошейники для псовъ,
Когда-то бывшіе красою всёхъ лѣсовъ,
Ошейники, что мнѣ пожертвовалъ Сангушка;
И сворка изъ шелковъ, не сворка, а игрушка —
Вся шита золотомъ, вся въ рѣдкостныхъ камняхъ,
На солнышкѣ горитъ и блещетъ какъ въ огняхъ;
И смычъ изъ ящера, котораго плетенье
Приводитъ знатока въ восторгъ и удивленье:
Все это пану въ даръ я нынче приношу
И давній споръ забыть, какъ милости, прошу,
Споръ, нынѣ конченный со славою по счастью,
И сердце обратить къ пріязни и согласью!»

Такъ бойко завершивъ орацію свою,
Охотники пошли обрадовать Судью.

Ходили черезъ годъ по Соплицову слухи
(Проговорилися какія-то старухи),
Что Войскій, загодя вскормивши русака
На кухнѣ, въ садъ его пустилъ изподтишка
И старую вражду чрезъ то покончилъ разомъ.
Однакоже никто не вѣрилъ тѣмъ рассказамъ:
Молва пріятелей поссорить не могла —
И дружба между нихъ незыблемо цвѣла.

Уже вокругъ стола собравшіеся гости
Бесѣдуютъ и ждутъ прихода егомѣсти

Хозяина. Идетъ, Тадеуша держа
 Съ невѣстой за руку. Румяна и свѣжа,
 Какъ утро майское, глядя на всѣхъ несмѣло,
 Она собранію почтительно присѣла.
 На ней — вѣнокъ живыхъ колосьевъ золотой,
 Съ серебрянымъ серпомъ: была въ одеждѣ той,
 Въ которой поутру молился Пречистой.
 Тѣ жь ленты алыя въ струяхъ косы волнистой,
 Такіе же цвѣты на дѣвственной груди:
 Дарила ихъ вождямъ, и старые вожди
 Изъ ручекъ у нея букеты принимали
 И ручки нѣжныя въ восторгѣ цаловали —
 Невѣста кланялась, зарю заалѣвъ.
 Князевичъ, на челѣ ея напечатлѣвъ
 Отцовскій поцалуй, еще краснѣть заставилъ,
 Потомъ, поднявши вверхъ, на столъ ее поста-
 вилъ —
 И всѣ, въ единый гласъ, воскликнули «вивать!»
 Невѣсты красота, простой ея нарядъ,
 Точь-въ-точь какъ у селянъ — литвинки образъ
 чистый,
 И дѣвственный вѣнокъ, и этотъ серпъ лучистый,
 Припомнили вождямъ совсѣмъ другіе сны
 И невозвратную зарю иной весны,
 Потомъ изгнаніе, съ борьбою и грозами...
 И вотъ, приблизившись, смотрѣли со слезами
 На дѣву юную, тѣснились вокругъ стола,
 Прося, чтобъ очи вверхъ она приподняла,

Чтобъ обернулась къ нимъ и глянула бы смѣло;
Невѣста, какъ заря, какъ маковъ цвѣтъ, алѣла...

Затѣмъ вождамъ еще представилась чета.
Всѣ заняли свои обычныя мѣста:
Вчера слуга царя, теперь — Наполеона,
Ассессоръ, командиръ жандармовъ легіона,
Въ мундирѣ выступалъ, подковками звеня.
Съ нимъ рядомъ, голову стыдливо наклоня,
Шла вѣрная его подруга и коханка,
Дочь пана Войскаго, Барбара Гречешанка.

Но третья парочка собирается не вдругъ;
Судья не вытерпѣлъ, послалъ за нею слугъ:
Узнали, что чета въ тревогѣ и въ заботѣ:
Неловкій Становой, на утренней охотѣ,
Погнавши русака, свой перстень потерялъ
И по лугу его съ людьми теперь искалъ.
А нареченная невѣста Становова
Еще не убрана, немного неготова:
Какой-то бантъ у ней на платьѣ не нашить,
Еще чего-то нѣтъ... однакоже спѣшить,
И, безъ-сомнѣнія, часа въ четыре будетъ,
Надѣясь, что Судья сестрицу не осудить.

XI.

Сервизъ.

Дверь съ шумомъ наконецъ открылася — и вотъ Маршалокъ пиршества, панъ Войскій предстаетъ, Въ беретѣ съ перьями. Маршалковскою тростью Учтиво cadaго, какъ гостя, такъ и гостью, Разводитъ по мѣстамъ. Всѣхъ выше, впереди, Панъ Подкоморій сѣлъ, и о бокъ съ нимъ вожди, По разнымъ сторонамъ: по правую Домбровскій, По лѣвую Гедройць, Князевичъ, Малаховскій И дамы; далѣе — шляхетство; каждый гость Садится, гдѣ ему велитъ маршалка трость.

Хозяинъ на дворѣ, гдѣ столъ длиной въ два стая Раскинутъ для селянъ. Сошлась толпа густая, На пиръ приглашена. Садятся: панъ-отецъ, Хозяинъ — на концѣ, а на другой конецъ Садится ксендзь Плебанъ. Тадеушъ и невѣста Ходили вокругъ стола, оставшия безъ мѣста: Обычай селъ таковъ, что новые паны, Созвавъ къ себѣ селянъ, служить для нихъ
должны.

А шляхта и вожди, собравшіеся въ залѣ,
 На рѣдкостный сервизъ вниманье обращали,
 Что всѣхъ работою и цѣнностью дивилъ.
 Преданье говорить, что будто Радзивиль
 Богатый тотъ сервизъ привезъ изъ-за границы;
 Потомъ, въ часы войны, попалъ онъ въ домъ
Соплицы,
 Богъ-вѣсть какимъ путемъ. Теперь, столовъ
краса,

Онъ, на подобіе большого колеса,
 Разлегся и сіялъ. Въ его золотыя стѣнки
 Влиты изъ сахару серебряныя пѣнки,
 Блестѣвшія какъ снѣгъ, сѣдой зимы уборъ;
 Въ среднѣ, изъ конфетъ, чернѣлъ дремучій боръ,
 Виднѣлись инеемъ подернутыя хаты,
 Искусства дивнаго плоды замысловаты,
 Повсюду въ глыбахъ снѣгъ и въ искрахъ
синій ледъ.

А съ краю, подлѣ хатъ, разгуливалъ народъ,
 Великолѣпныя фигурки изъ фарфору,
 Что только не вели съ гостями разговору,
 А то, какъ есть во всемъ, живыя до-чиста,
 И били по глазамъ нарядовъ ихъ цвѣта.

Что значили онѣ? Панъ Войскій разрѣшенье
 Готовить, испросивъ у панства позволенье:
 «Персоны, коими украшенъ тотъ сервизъ,
 Коль соизволите — на сеймикъ собрались.

Вотъ эта, въ сторонѣ стоящая, особо,
 Какъ надо полагать, высокая особа —
 Заранѣ къ себѣ шляхетство созвала;
 Извольте посмотрѣть: стоятъ вокругъ стола,
 Большими группами, и въ каждой, посрединѣ —
 Ораторъ. По его движеньямъ и по миѣ,
 По разсуждающимъ, подъятымъ вверхъ рукамъ —
 Замѣтно: жаркую снѣ держитъ рѣчь къ гостямъ,
 А шляхта слушаетъ, почтеніемъ объята —
 И каждый своего готовитъ кандидата.

«А этотъ, важный пань, такъ весело глядитъ,
 Рука за поясомъ, другою усь крутитъ:
 Знать, бѣлы подобравъ, со шляхтой кончилъ дѣло
 И на избраніе разсчитываетъ смѣло.

«А здѣсь не ладятся, какъ видно, голоса:
 Ораторъ норовитъ поймать за пояса
 Не такъ-сговорчивыхъ, но рвутся и уходятъ,
 Бесѣды межъ собой сварливья заводять,
 И врозь по сторонамъ разбѣлся весь народъ.
 Вотъ этотъ началъ рѣчь — ему зажали ротъ;
 А тотъ кричитъ »визать«, раскрывъ уста
широко,
 А тутъ ужъ, кажется, до сабель недалеко.

«Одинъ межъ группами задумавшись стоять;
 Куда дѣвать свой шаръ, никакъ не разрѣшить,

Гадаеть пальцами: попалъ — аффирмативу,
А если не попалъ — положить негативу.

« А здѣсь монастыря представленъ рефектарь (*),
Гдѣ выборы у насъ производились встарь.
Стекается толпа. Вотъ шляхтичъ любопытный
Въ середку заглянулъ, гдѣ маршалъ неумытный
Считаетъ голоса и вознымъ отдаеть
О тѣхъ, кто избраны, провозгласить въ народъ.

« Но вотъ, на сторонѣ, какой-то несогласный
Съ избраніемъ, готовъ затѣять споръ опасный:
Раскрылъ широко ротъ, задумываетъ месть
И цѣлый рефектарь какъ-будто хочетъ съѣсть.
Нетрудно угадать, что онъ ужъ гаркнулъ: veto!
Вся шляхта на него накинулась за это;
Еще единый мигъ — сойдутся межъ собой,
Скрестивъ оружіе, и вспыхнетъ ярый бой!

« Но къ нимъ святой пріоръ Sanctissimum
выносятъ,
А послушникъ, звоня, ихъ разступиться
просить:
Тутъ, дѣлать нѣчего, вложивъ мечи въ ножны,
Всѣ пали, молятся, и кончить споръ должны.
И такъ на выборахъ случалось зачастую »...

(*) Трапезная.

Но въ табакерку тутъ щелкнувши золотую,
Замѣтилъ Войскому панъ Подкоморій вдругъ:
«Хоть сеймикъ твой хорошъ, однакожь кликни

слугъ

Да ѣсть вели давать! Ты вѣрно не откажешь,
И послѣ намъ свою исторію доскажешь!»
А Войскій, до земли свою склоняя трость:
«Всемиловитый панъ, ясновельможный гость!
Разказъ кончается. Вотъ, выигравши балы,
Маршалокъ избранный выносятся изъ залы
Всей шляхтой на рукахъ; раскрыли рты — вивать!
Выходятъ весело и шапки вверхъ летятъ,
Другіе на бокъ ихъ заламываютъ лихо...

«А здѣсь, наоборотъ, вылодить скромно, тихо
Забалтированный; крутить въ раздумьи усь,
Сердито на брови надвинувъ свой картузь.
Идетъ онъ... а его супруга и не чааетъ
Бѣды себѣ такой: съ улыбкою встрѣчаетъ;
Вдругъ — ах! и на рукахъ служанки замерла...
Ясновельможною она бы вѣдь была!

А нынче, Господи, да развѣ это можно:
Она попрежнему осталась лишь — вельможна!»

Тутъ Войскій замолчалъ, и пирь-себѣ пошелъ.
Сначала холодецъ литовскій и расоль,
Тамъ королевскій борщъ, а то, что было далѣ,
Тѣхъ яствій и во снѣ мы съ вами не видали!

Блемасы, помухли, душенья мясá,
Ингредиенции, былыхъ пировъ краса;
А рыбы: стерляди, севрюга, осетрица,
Карпъ-шляхтичъ, карпъ-холопъ, морская лосо-
сна,

И блюдо хитрое, затѣя не проста:
Бѣлуга цѣликомъ! поджарена съ хвоста,
Въ серѣдкѣ варенá, а спереди пуста
И смачнымъ соусомъ искусно полита.

Но жаль: не распросилъ о блюдѣ знаменитомъ
Никто, а ѣли все съ жолнерскимъ аппетитомъ,
И кубки, полные венгерскаго вина,
Вмигъ осушались воинственно до дна.

Межъ-тѣмъ, за полчаса снѣгами убѣленный,
Сервизъ одѣлся вдругъ травой темнозеленой:
Весь иней сахарный растаялъ самъ собой.
Пахнуло на гостей весеннею порой,
И жито разное на пажитяхъ явилось:
Пустилъ усы ячмень и рожь заколосилась,
Благоуханіе черемха разлила,
И шоколадная гречиха зацвѣла.

Вожди спѣшать весной воспользоваться красной...
Но лѣто близится, и осенью ненастной
Повѣяло. Сервизъ еще отъ теплоты
Растаялъ: желтыми становятся листы

И падаютъ; на нихъ какъ-будто вѣтеръ
вѣетъ;
 Все измѣняется, природа вся мертвѣетъ;
 Замигъ цвѣтуція, древа обнажены,
 Остался только лавръ, подобіе сосны,
 Усыянь зернами коричневыми тмину,
 Какъ-будто шишками. Дивуюсь на картину,
 Пирующій народъ деревья сталь срывать
 И усладительнымъ токаемъ запивать,
 Другъ передъ дружкой усердствуя отважно.
 А Войскій вокругъ стола прохаживался важно.

Тогда сказалъ ему Домбровскій генераль:
 «Откуда панъ свое искусство перенялъ?
 Иль дивной магіи учился у Пинети?
 Давно ли на Литвѣ у васъ волшебства эти?
 Вездѣ ль по деревнямъ въ родимой сторонѣ
 Такъ чествуютъ гостей? Прошу, повѣдай мнѣ!
 Столь долго врозь живя съ родимымъ нашимъ
краемъ,
 Не мудрость, коль его обычаевъ не знаемъ!»

А Войскій такъ ему: «Ясновельможный панъ!
 По старой старинѣ обѣдъ вамъ этотъ данъ.
 Какъ было у отцовъ у нашихъ и у дѣдовъ,
 Во дни счастливые! Теперь такихъ обѣдовъ
 Не водится: онина рѣдк ость и въ Литвѣ.
 Мы стали подражать французамъ да Москвѣ,

Забыли про токай и пьемъ чужія вина
Заморскихъ погребовъ, гдѣ русскихъ половина.
Иной богатый панъ живетъ какъ сущій жидъ,
Скупится на пиры, венгерскимъ дорожить —
И тутъ же, поглядишь, съ безумнаго азарту,
Вдругъ пол-имѣнія становить онъ на карту,
Несметный капиталъ, которымъ десять лѣтъ
Могъ прокормиться бы застянокъ иль повѣтъ,
И было бъ вышито токаю чуть не море...
Да вотъ не далекó (яснѣйшій Подкоморій,
Прошу не гнѣваться на искренность мою:
Что́ на сердцѣ ни есть, всѣ тайны выдаю)
Когда приготавлилъ сервизъ я для пирушки,
Нашли, что онъ похожъ на дѣтскія игрушки,
Машина старая; что нужно попростѣй,
Что только насмѣшить вельможныхъ онъ гостей!
А вотъ не насмѣшилъ! И я теперь покоенъ,
Увидя, что сервизъ вниманьемъ удостоенъ
Такихъ высокихъ лицъ. Увы, уже Богъ-вѣсть,
Достанется ль ему еще такая честь!
Подчасъ и у меня, признаться замирала
Душа... теперь прошу я пана-генерала
Ту книжечку принять на память отъ меня:
Панъ вѣрно доживетъ до радостнаго дня,
Когда свободные литвины и Корона
Для найяснѣйшаго отца-Наполеона
Дадутъ по-истинѣ на удивленье пирь,
Какъ будутъ праздновать Европы цѣлой мирь:

Въ то время призови на помощь книгу эту,
 Секреты дивные, невѣдомые свѣту;
 Я жъ панству расскажу подробно и вполнѣ,
 Откуда, гдѣ и какъ она досталась мнѣ:
 То книжка рѣдкая, какихъ не пишутъ
 болѣ...»

Вдругъ крикнули: «вивать нашъ флюгеръ на ко-
 стѣль!»

И цѣлая толпа ввалилась, а предъ ней
 Судья, а вслѣдъ за нимъ — Матвѣямъ всѣмъ
 Матвѣй!

Хозяинъ усадилъ его между вождями,
 Сказавъ: «Эхъ, панъ Матвѣй! знать пану скучно
 съ нами:

Такъ поздно жалуешь, а близкій вѣдь сосѣдъ!»
 — «Тѣмъ лучше (молвилъ тотъ): я здѣсь не про
 обѣдъ,

А видѣть армию пріѣхалъ въ Соплицово,
 Хоть, правду говоря, она ни то, ни ово.
 Меня замѣтили вотъ эти господа,
 Схватили подъ руки, и ну тащить сюда!
 А я было-хотѣлъ взглянуть лишь только въ щелку!»
 Сказалъ и къ верху дномъ перевернулъ
 тарелку.

«Такъ вотъ онъ, панъ Матвѣй! (сказалъ
 Домбровскій тутъ)
 Матвѣй, что Кроликомъ и Розгою зовутъ!

Костюшки нашего сподвижникъ разудалый!

Какой еще крѣпышъ, васанъ! скажи

пожалуй!

А вотъ меня совсѣмъ скрутила, братъ,

война;

Да и Князевича прошибла сѣдина;

Всѣ сбрендили; а ты, по милосердью божью,

Еще потянешься долгонько съ молодёжью!

И Розга, чай, цвѣтетъ, какъ въ оны времена!

Недавно москалей пощупала она,

Я слышалъ. Хватъ, братъ, хватъ! а гдѣ жъ

твои собратья?

Желалъ бы отъ души и прочихъ повидать я,

Всѣхъ этихъ молодцовъ; ты всѣхъ мнѣ по-

кажи,

Пусть Перочинные и всякіе ножи

На сцену явятся, Кропители и Бритвы,

И стародавнія собой напомнимъ битвы!»

— «Всѣ эти лихачи (замѣтилъ пань—Судья)

Разбивши москалей, въ различные края

Попрятались, боясь подвергнуться отвѣту;

Богъ-знаетъ, гдѣ теперь скитаются по свѣту;

Быть-можетъ, гдѣ въ полкахъ!» — «У насъ

вотъ напрімѣръ,

Въ полку (вмѣшался въ рѣчь какой-то офицеръ)

Есть совершенное страшилище съ усами,

Котораго подчасъ пугаемся мы сами:

Кропитель; мы его прозвали Медвѣдѣмъ;
 Когда прикажете, въ минуту приведемъ!»
 — «Есть разные еще! (вступился голосъ новый):
 Я знаю одного: на видъ такой суровый,
 Зовутъ его Горшкомъ, поставленъ въ первый
рангъ;

Когда случается послать его во флангъ,
 Онъ вѣчно выѣдетъ съ какой-то мѣдной пушкой
 И мечетъ артикулъ онъ ею какъ игрушкой.»
 На это генераль: «Хотѣлъ бы я скорѣй
 Увидѣть старшаго изъ тѣхъ богатырей,
 Чтó заповѣдалъ намъ, какъ чудо, вѣкъ старинный:
 Гдѣ этотъ великанъ? вашъ Ножикъ Перочинный,
 О коемъ я слыхалъ такіе чудеса?»
 — «Онъ также уходилъ въ дремучіе лѣса
 (Хозяинъ отвѣчалъ). Боялся: въ судъ потянуть
 За тотъ проклятый бой, допрашиваться стануть,
 А послѣ и въ острогъ, пожалуй, упекутъ;
 Всю зиму странствовалъ; теперь онъ снова тутъ...
 Да вотъ онъ налицо является предъ вами!»

Взглянули — а въ сѣняхъ, надъ всѣми головами,
 Какъ мѣсяцъ, лысина огромная въ рубцахъ
 Сіяла; сунулся, опять застрялъ въ дверяхъ
 И съ шумомъ, наконецъ, какъ пушка или фура,
 По залѣ двинулась массивная фигура.

«Ясновельможный вождь! коронный гетманъ, пань!
 А можетъ генераль! Но какъ бы ни названъ,

(Такъ началъ Ключникъ рѣчь) едино все
для міра!

На вызовъ моего отца и командира
Являюсь нынѣ съ тѣмъ моимъ Сцызорыкомъ,
Который, ежели панамъ уже знакомъ,
Какую ни на есть себѣ добывши славу,
То не за надписи и то не за оправу,
А то за подвиги: пришелся по рукѣ!
Наслышана Литва о томъ Сцызорыкѣ
Давно изъ края въ край; по милости господней,
Мы были съ нимъ вездѣ, чуть-чуть не въ
преисподней!

Онъ стóитъ, чтобъ его я нянчилъ какъ дитю:
Такъ писарю перо не срѣзать на ногтю,
Какъ сѣкъ онъ головы, гуляючи по свѣту,
А что носовъ, ушей... о, имъ и счету нѣту!
Но все жъ позорныхъ дѣлъ не зналъ онъ
за собой:

Всегда ходили мы въ одинъ открытый бой,
Разъ только москаля безъ бою порѣшоно,
И то — *pro publica utilitate bona!* —

— «А, ну-ка покажи! (сказалъ Сцызорыку
Домбровскій) Важный мечъ! да это хоть быку
Отрѣжетъ голову, хоть жубру: нѣтъ сомнѣнья!
Да! нечего сказать, достоинъ удивленья!»
И сталъ онъ Сцызорыкѣ осматривать кругомъ,
Вертѣль, приподнималъ, смѣялся; а потомъ

Собрались вокругъ вождя иные офицеры
 И страшный этотъ мечъ, необычайной мѣры,
 Тожъ силились поднять, но мало въ этотъ мигъ
 Нашлося, кто бы могъ какъ надо Сцызорыкъ
 Взнести надъ головой. Одинъ майоръ Дверницкій
 Да эскадрона шефъ, штаб-ротмистръ Голубицкій,
 Приподняли его. Тутъ, выступя впередъ,
 Князевичъ сильною десницею беретъ
 Мечъ неподатливый — и во мгновенье ока,
 Какъ шпагу легкую, взмахнулъ его высоко,
 Провелъ по воздуху легонько два разá,
 Вдругъ молніей блеснулъ пирующимъ въ глаза
 И, фехтовальные припомнивши секреты,
 Какими щеголялъ еще въ былыя лѣты,
 Свободно выводитъ онъ сталь надъ головой:
Крестовку, мельницу, ударъ прямой,
кривой.

Гервазъ внимательно слѣдилъ за нимъ глазами —
 И вдругъ не выдержалъ... и залился слезами.
 «Такъ! такъ, родной отецъ! великій генераль!
 (Воскликнулъ, весь въ слезахъ и на колѣни
 палъ)
 Брависсимо! знать, панъ служилъ конфедератомъ,
 Ходилъ на москалей со шляхтой, съ нашимъ
 братомъ!
 Панъ дѣльно рубится, какъ истинный жолнѣръ!
 Вотъ Родултовскихъ взмахъ! вотъ Савича манерь!

Ударъ Пулавскаго! А такъ, отставя ногу,
Рубился Высогирдъ! А это, панъ, ей-богу,
Я выдумалъ! ей-ей, то выдумка моя!
И гдѣ ты это взялъ, Господь тебѣ судья?
Извѣстенъ тотъ манеръ лишь нашему застянку
И называется по мнѣ *ударъ-мопанку!* »

Всталъ я, Князевича въ объятія схвативъ,
Сказалъ: «Теперь умру спокоенъ и счастливъ:
Нашелся, кто рубить по-моѣму умѣетъ,
Кто дѣтище мое родимое пригрѣетъ!
Давно и день и ночь болѣю сердцемъ я,
Чтобъ не заржавѣла рапира та моя,
Когда состарѣюсь, когда въ могилу лягу...
Теперь же есть кому носить такую шпагу!
Эхъ, панъ, прости меня; покиньте вы рожны
Нѣмецкіе! къ-чему годны они, нужны?
Для насъ, для шляхтича десницы благородной,
Есть сабля польская, пристоеенъ мечъ народный!..
Мой милый Сцызорыкъ кладу у панскихъ ногъ:
Прими его! вотъ все, что въ жизни я сберегъ,
Что блюлъ я и хранилъ, что мнѣ всего дороже,
Что пѣстовалъ весь день и отходя на ложе;
Не разлучался мы: всю жизнь онъ былъ со мной;
Жены я не имѣлъ — онъ былъ моей женой
И дѣтищемъ!.. Но вотъ и мнѣ онъ не подъ
силу;
Сбирался вмѣстѣ съ нимъ я лечь уже въ могилу,

Почить, и что же? вдругъ, благодаря судьбѣ,
Нашель наслѣдника — пусть служить онъ тебѣ!»

Князевичъ, тронутый такою простотою,
Сказалъ: «Но какъ же ты, коллега, сиротою
Останешься, отдавъ столь вѣрнаго слугу,
Жену и дѣтище? Скажи мнѣ, чѣмъ могу
Тебя вознаградить за даръ такой безцѣнный?»
— Эхъ, пань! (Гервазъ на то замѣтилъ, удив-
ленный)

Да нешто я могу продать такой палашъ?
Цыбульскій проигралъ жену свою въ марьяжъ,
А я, коль отдаю — не иначе, какъ даромъ!
Довольно мнѣ того (воскликнулъ Ключникъ съ жа-
ромъ),

Довольно, что нашлась достойная рука...
Но помни: отпускай побольше темляка
И наискось маши отъ лѣваго отъ уха:
Такъ можно развалить отъ головы до брюха!»

Князевичъ взялъ палашъ, но, зная, не въ мѣру
онъ

Пришелся и затѣмъ положенъ былъ въ фургонъ.
Что случилось съ нимъ потомъ и биться довелось ли
Попржежнему — никто не могъ узнать опослѣ.

Матвѣю Кролику Домбровскій тутъ сказалъ:
«А ты, коллега, что? Совсѣмъ, братъ, оплошалъ!

Костюшкинъ славный маршъ играютъ наши трубы,
А ты нахмурился, молчишь, развѣся губы!
Неужли гордый видъ залетныхъ тѣхъ орловъ
Не въ-силахъ пробудить въ тебѣ веселыхъ сновъ?
Я думалъ, панъ Матвѣй, что выпьешь ты

побольше

За здравье Кесаря и за надежды Польши,
А ты... передъ тобой бокаль, я вижу, пусть,
И ты не замочилъ своихъ ни разу усть!»

— «Такъ, панъ (сказалъ Матвѣй), да вы-то
что въ тревогѣ?

Два звѣря не живутъ никакъ въ одной берлогѣ,
А милость Кесаря подбита вѣтеркомъ;
Что Кесарь человѣкъ великій, что намъ въ томъ!
Какой намъ будетъ толкъ отъ этого союза?
Для Польши поляка давай, а не француза!
Дружины польскія! нѣтъ, это, братцы, вздоръ:
Что слышу? гренадеръ, каноніеръ, санѣръ...
Поляки! чисто сбродъ, ни на что непохожій,
Пол-пса и пол-козы, народъ ни къ чорту гожіи!
Родная армія, Литва!... а главный штабъ,
Самъ видѣлъ я не разъ, по селамъ ловить
бабъ!...

Идете на Москву? Счастливая дорога!

Но, если Кесарь вашъ безъ вѣры и безъ Бога
Затѣялъ тѣ дѣла, не будетъ проку въ нихъ!»

И тутъ, нахмурившись, Матвѣй опять затихъ.

Не по сердцу пришлись хозяину тѣ рѣчи.
 По-счастью, публика готовилась ко встрѣчѣ
 Еще одной четы: былъ это Становой;
 Узнать никто не могъ: гдѣ видѣ его живой,
 Неугомонныя движенія и жесты?
 По приказанію блажной своей невѣсты,
 Отрекшись кунтуша, надѣлъ французскій фракъ
 И мѣрно выступалъ, краснѣя точно ракъ.
 Когда бы вѣдали, какія несъ онъ муки!
 Совался и не зналъ, куда запрятать руки:
 То вверхъ ихъ поднималъ, то книзу опускалъ,
 То, позабывшись, онъ пояса искалъ;
 Не зная самъ чему, преглупо улыбался...
 Вдругъ Мацька увидалъ — и вовсе растерялся!

Матвѣй со Становымъ давно ужъ былъ знакомъ
 И даже дружбу велъ, какъ съ добрымъ полякомъ;
 Но, озадаченный теперь его нарядомъ,
 Измѣрилъ онъ его такимъ сердитымъ взглядомъ,
 Какъ варомъ обварилъ, и вымолвилъ: «дуракъ!»
 Матвѣя до того взбѣсилъ французскій фракъ,
 Что всталъ, не кланяясь и не сказавъ ни слова,
 Уѣхалъ. — Между-тѣмъ невѣста Становова
 Спѣшила вдругъ сразить все воинство Литвы:
 Уборъ изящнѣйшій отъ ногъ до головы!
 Цвѣтовъ, брильянтовъ, блондъ — разсѣяно
обильно.

А платьѣ... Но, увы! перо мое не сильно

Всего изобразить, а развѣ кисть одна —
И та, я думаю, была бы не сильна.

ХИ.

Концертъ.

Веселый сельскій людъ о музыкѣ хлопочеть,
Окончилъ трапезу и въ плясъ пуститься
хочеть;
Зовутъ Тадеуша — но онъ, на сторонѣ,
О чемъ-то будущей нашоштывалъ женѣ:

«Я долженъ, Софія, по важному предмету
Бесѣдовать съ тобой и твоего совѣту
Спросить по совѣсти; значительная часть
Имѣній на тебя должна по праву пасть;
Твоими хлопцы тѣ становятся рабами.
И я располагать не смѣю ихъ судьбами.
Теперь, когда у нихъ своя отчизна есть,
Ужель еще должны ярмо неволи несть?
Что нынче, что вчера — не все ль для нихъ
едино?
Лишь только новаго получаютъ господина!

Чего желаетъ онъ, на все согласна я;
Гдѣ воля есть его, тамъ воля и моя!
А что касается до знати, до столпцы...
Я помню только то, что я въ дому Соплицы
Росла, воспитана и замужъ отдана.
Вѣрь: Соплицово мнѣ родная сторона!
Скучать мнѣ трудно тутъ: все эти куры, утки
Милѣе были мнѣ, чѣмъ тѣтушкины шутки
И розказни ея про Питеръ и Москву.
Люблю хозяйничать и столько здѣсь живу,
Что кое въ чемъ уже набила-таки руку
И скоро Ключника возьму къ себѣ въ науку!»

А Ключникъ на поминъ легóкъ, какъ тутъ и былъ,
Немного сумрачный: «Судья намъ говорилъ
Объ этой вольности, да только я не чаю,
Что много проку тутъ и счастія для краю.
Чтобы на русскій то, иль на нѣмецкій ладъ
Не вышло, а тогда на кой имъ вольность лядъ?...
Конечно, сказано, что все мы отъ Адама,
Что хлопы, видишь ли, произошли отъ Хама;
Жидамъ начало далъ сынъ Ноя, Іафеть,
Отъ Сима шляхта вся, а выше оной — нѣтъ.
Затѣмъ мы прочими командуемъ и правимъ,
А случай выпадетъ — пожалуй, и придавимъ!
Хоть ксендзъ не то твердить, какъ выйдетъ на
амвонъ,
Толкуеть, видите: то ветхій былъ законъ!

Когда жъ Исусъ Христосъ, хотъ царскаго былъ
 роду,
 А въ ясляхъ родился, средъ чернаго народу,
 Отсюда, значить, всѣхъ сравнялъ между собой...
 Быть такъ, когда ужъ такъ назначено судьбой. —
 И пани хочеть такъ моя асновельможна —
 Амишь! Но буде мнѣ позволено и можно
 Пановъ предостеречь: скажу вамъ, что боюсь,
 Не стала бъ снова тутъ распоряжаться Русь,
 Хозяйничать опять — и вольные селяне
 Вдругъ не попали бы въ казенные крестьяне!
 А сдѣлать шляхтой ихъ, дать волю, и притомъ
 Сказать, что вмѣстѣ съ тѣмъ и гербъ мы
 имъ даемъ:

Пусть пани удѣлитъ Козу въ зеленомъ полѣ,
 А панъ свою Луну съ подковой: этой волѣ
 Народъ поклонится до самой до земли,
 И тутъ ужъ не возьмутъ ни черта москали!
 А что до вашего, паны мои, дохода —
 Богъ милостивъ, авось! не изъ такова рода
 Ясновельможная сенаторша моя,
 Чтобъ ручки допустилъ ее мозолить я!
 А вотъ, прошу мою усердно господиню
 Принять завѣтную горешковскую скриню
 Съ краями полную наслѣдственнымъ добромъ —
 Камнями разными, и златомъ, и серебромъ,
 Сокровищъ Стольника безчисленные склады
 Златые поставцы, оружія, оклады,

Убранства древня, что я берегъ какъ глазъ
Отъ алчныхъ москалей, а частью и отъ васъ,
(Прошу не гнѣваться) панове Соплицове!

Кубышка собственныхъ старинныхъ талеровъ,
Отъ панскихъ милостей, щедроты и даровъ;
Я думалъ: доживу до лучшей перемѣны —
И гроши тѣ сложу въ горешковскія стѣны,
Чтобъ замокъ старый нашъ, какъ прежде,
заблнсталъ...

Теперь, Соплица панъ, твоимъ слугой я сталъ:
Позволь мнѣ у тебя на милостивомъ хлѣбѣ
Остаться навсегда, въ какой ни есть потребѣ!
Какъ няньку старую къ дѣтямъ твоимъ возьми!
Мнѣ жъ не учиться стать, какъ нянчиться
съ дѣтьми:

Авося выняньчимъ Горешковъ третье племя!
Богъ дастъ тебѣ сына... Теперь такое время —
Война, а говорятъ, что будто въ часъ войны
Всегда не дочери рождаются, а сыны.
Такъ вѣрно будетъ сынъ, боецъ на диво міру!
Ты мнѣ ужъ предоставь вправлять его въ рапиру!»

Едва окончилъ онъ — ужъ Возный направляетъ
Къ нимъ важно шествіе, раскланялся, досталъ
Какой-то страшный листъ изъ своего кармана:
То вирши нѣжныя для пани и для пана
Піята арміи фельдфебель сочинилъ;
Съ полсотни тѣхъ стиховъ ужъ Возный возгласилъ,

Порядкомъ надоѣвъ; когда жь дошелъ до мѣста:

О ты, звезда любви! изъ всѣхъ невѣстъ

невѣста!

Чьи взоры ясныя и дивный блескъ лица

Върнѣ меткихъ стрѣлъ разятъ людей

сердца:

Отъ взгляда твоего и мановенья длани

Смолкаютъ грѣмы всѣ и утихаютъ брани —

Тадеушъ поспѣшилъ скорѣй рукоплескать

Затѣмъ, чтобъ далѣе тѣхъ впршеи не слышать;

А ксендзь, взойдя на столъ, и обратясь къ

народу,

Панами данную провозглашалъ свободу.

Едва услышали столъ радостную вѣсть,

Спѣшили къ госпожѣ, чтобъ ласки ей принесть,

Упасть къ ея ногамъ, ея коснуться платья:

«Да здравствуютъ паны!» — «Да здравствуютъ

собратья!»

Тадеушъ имъ въ отвѣтъ: «у насъ одни права:

Да будутъ вольными Корона и Литва!»

И въ войско понеслись тѣ сладкія слова...

Лишь только панъ Бухманъ хотѣлъ переимено-

вать

Проектъ, комиссію особую назначить;

Но такъ-какъ времени на это не нашлось,

То нѣмецъ отошелъ, повѣся молча носъ.

А тутъ ужъ, на лугу, давно стояли пары:
 Съ народомъ пополамъ, уланы и гусары;
 Межъ сельскихъ жупановъ мѣшался эполеть.
 Всѣ ждали трубачей; Судья же, подошедъ
 Къ Домбровскому, шепнулъ: «Сегодня обрученье
 Племянниковъ моихъ, и оттого стеченье
 Народу, со всего повѣта поселянъ;
 Покамѣсть свой оркестръ, ясновельможный панъ,
 Вели остановить. Стыдливыя дѣвицы
 И парни сельскіе привыкли подъ скрипицы
 Свой танецъ начинать: такъ будетъ имъ ловчѣй;
 А послѣ позовемъ и вашихъ трубачей.»

Далъ знакъ — веселая впередъ выходитъ скрипка,
 Смычекъ выплясывать она пускаетъ шибко,
 Разорванный рукавъ по локоть засучивъ,
 Прижавши бородой подставку, стиснувъ грифъ,
 Казалось, Кобзаря звала на поединокъ,
 А онъ ужъ тутъ-какъ-тутъ и пара съ нимъ

волынокъ:

Какъ началъ онъ трубить, а тѣ за нимъ дудѣть,
 Сказалъ бы, что хотятъ на воздухъ улетѣть,
 Борея стараго пузатымъ мальчуганамъ
 Подобны. Стихли вдругъ. Цымбаловъ поселянамъ
 Хотѣлось; но никто не смѣлъ играть на нихъ
 При Янкелѣ, а онъ укрылся и притихъ,
 Какъ-будто нѣтъ его; нашли, усердно просятъ
 И даже инструментъ художнику выносятъ;

Но кланяется жидъ и самъ уходитъ прочь,
 Сказавъ, что нынче онъ до нихъ ужъ не охочъ,
 Что огрубѣвшія, окрѣпнувшія руки
 Послушно вызывать утраченные звуки
 Не могутъ болѣе. Тутъ, съ ясностью чела,
 Невѣста къ Янкелю проворно подошла
 И, ручкой нѣжною артисту подавая
 Цымбаловъ молотки, свѣжа, какъ утро мая,
 Она промолвила: «Пожалуста съиграй!
 Ты знаешь нынче чтó: собрался цѣлый
край

Повѣтскихъ поселянъ ко мнѣ на обрученье:
 Къ—тому же этотъ день особое значенье
 Имѣетъ: здѣсь у насъ народные вожди,
 А ты упрямисься; ну, самъ ты посуди
 И вспомни, что давно играть мнѣ обѣщался
 На свадьбѣ!» Янкель-жидъ на это засмѣялся
 И въ знакъ согласія красавицѣ кивнулъ
 Съдою бородой, съль, пейсами потрянулъ
 И съ гордостью вокругъ веселыми глазами
 Повель, какъ ветеранъ, покрытый сѣдинами,
 Когда зовутъ его опять на поле сѣчь
 И внуки подаютъ ему тяжелый мечъ:
 Смѣется дѣдъ сѣдой, поднявъ его рукою
 И чуя, что рука не измѣнитъ герою.

Молчанье. Инструментъ недвижимо лежитъ
 Передъ художникомъ. Поднявши руки, жидъ

На мигъ одѣпенѣлъ, слегка глаза прищуря,
Спустилъ — и грянула мегучихъ звуковъ
буря,
Какъ-будто шумный дождь по струнамъ пролился
И вихрей острые промчались голоса.
Далися диву всѣ, но то была лишь проба —
И снова молотки онъ кверху поднялъ оба.

Затѣмъ опять спустилъ. Едва звенить струна;
Небесно-тихая гармонія слышна;
Цымбалы замерли, поютъ и стонуть глухо,
Какъ-будто по струнамъ крыломъ звонила муха.
Взглянувъ на небеса, художникъ вдругъ утихъ
И вдохновенія просилъ себѣ у нихъ,
Затѣмъ, свой инструментъ измѣривъ меткимъ
глазомъ,
Приподнялъ молотки и грянулъ ими разомъ. —

Слегѣлъ съ веселыхъ струнъ живой и рѣзкій
звукъ,
Казалось, оркестръ военный грянулъ вдругъ,
Со всѣми ложками, тарелками, звонками,
И славный польскій тотъ, столь чтимый поля-
ками,
Что мая третьяго въ Варшавѣ раздался,
Торжественно гремитъ; рокочутъ голоса
И сердце шевелятъ, и слухъ ласкаютъ вмѣстѣ.
Смѣется молодѣжь, едва стоя на мѣстѣ,

А думы стариковъ въ минувшее летать,

.....

Художникъ налегать на струны сталъ свои,
 Усилилъ голоса — и вдругъ, какъ свистъ змѣи,
 Какъ дребезжаніе стекла, аккордъ фальшивый
 Морозомъ пронялъ всѣхъ, и ропотъ боязливый,
 Прошелъ по всей толпѣ: всѣ думали, что онъ
 Испортилъ инструментъ, иль взялъ невѣрный тонъ...
 Не ошибался жидъ! разрушилъ онъ нарочно
 Гармонію, дотоль звучащую роскошно,
 И долго по одной и той же билъ струнѣ
 Пронзительно, пока стоявшій въ сторонѣ
 Гервазъ не понялъ все: закрывъ лице десницей,
 «Ахъ! (молвилъ) знаю я: тó миръ подъ Тарго-
 вицей!»

И жалобно запѣвъ, вдругъ лопнула струна!

Всѣ замерли кругомъ. Толпа поражена.

А музыка гремитъ тревожнѣй часъ отъ часу,

Съ басовъ на дискантá и вновь съ дискантовъ

къ басу —

Все громче и сильнѣй по струнамъ бьетъ артистъ.

Чу! маршь, атака, штурмъ, громъ пушекъ, ядеръ
 свистъ,

Крикъ женщинъ, плачь дѣтей такъ выразились
 живо,

Что дѣвы юныя дрожали боязливо,

А вмѣстѣ и народъ припомнилъ старину
 И пѣсни грустныя про битвы и войну,
 Про ихъ соотчичей безплодную отвагу,
 Въ слезахъ и пламени потопленную Прагу —
 И рады, что артистъ внезапно укротилъ
 Тѣ звуки страшныя, какъ-будто въ землю вбилъ.

Едва пришли въ себя — ужъ музыка звучала
 Опять; спокойная и тихая сначала,
 Какъ-будто вырвавшись изъ сѣтки паука,
 Мухъ нѣсколько поетъ. Но вотъ уже слегка
 Густѣетъ каждый звукъ, слышимый и рѣзче тоны,
 Соединяются аккордовъ легіоны,
 Все прибываетъ ихъ; все болѣ всякій часъ —
 И пѣсня старая мгновенно раздалась,
 Знакома каждому мелодіею пышной:

.

Часъ польскій начинать! Народъ шумитъ
 какъ море.

Вотъ къ Зосѣ подошелъ учтиво Подкоморій,
 Крутя свой сивый усъ, ей руку подаетъ,
 Прося на полонезъ; вотъ выступилъ впередъ;
 Тромпетовъ рѣзкіе послышались удары —
 И живописныя группируются пары.

Пошли, раскинувшись въ обширные круги.
 На солнцѣ алые сверкаютъ сапоги;

Группируются вновь, оиять за нимъ летать.
Тогда межъ зрителей послышался «вивать»;
Тихонько про себя шептался строй передній:
«Пусть смотритъ молодёжь: быть-можетъ, то по-
слѣдній,
Который полонезъ умѣетъ такъ водить!»

И долго по лугу пестрѣющая нить
Живыхъ, веселыхъ паръ кружилась и ходила
И тысячи фигуръ затѣйныхъ выводила,
Віаясь по муравѣ какъ исполинскіи змѣи.
Сверкали воины одеждою своею,
Бряцающа шпорами и звякая мечами —
А солнце, заходя, метало въ нихъ лучами.

Одинъ лишь не пошелъ, капраль Добжинскій
Сакъ:

Стоялъ и все глядѣлъ, припомнивши, бѣднякъ,
Какъ сонъ мелькнувшіе, ребяческіе годы,
Густыя конопли, плетни и огороды,
И Зою милую!... Какъ прятался въ кусты;
Какъ подъ вечеръ носилъ ей изъ поля цвѣты;
Порой подсматривалъ, какъ куръ она кормила.
А сколько за нее досталось отъ Кропила!...
Неблагодарная, забыла дочиста!
И съ горя рѣзаться пошелъ онъ въ три-листа,
Намѣреваясь потомъ пуститься въ пьянство:
Такъ было велико капрала постоянство!

А Зося весело танцуетъ посреди
 Обширнаго двора; хотя и впереди,
 Неуловимая, однакоже, для взгляда
 Отъ яркаго, рутъ подобнаго наряда,
 Въ роскошные цвѣты и въ ленты убрана,
 Послушною толпой танцующихъ она
 Предводитъ на лугу своемъ темнозеленомъ,
 Какъ ангелъ звѣздъ ночныхъ блестящимъ легио-
 номъ

На темноглубомъ раздоліи небесъ.
 Безсмѣнно вкругъ нея толпа густа какъ лѣсъ.
 Всѣ мѣсто подлѣ ней ревниво охраняютъ
 И Подкоморія отъ танцевъ отгѣсняютъ.
 Домбровскій подошелъ — и онъ недолго былъ
 Близъ Зоси: вмигъ ее другому уступилъ,
 Тотъ третьему... но вотъ она уже устала;
 Увидѣвъ жениха, въ минуту перестала
 Плясать; пошла къ гостямъ, за нею и женихъ...

А вечеръ догоралъ невозмутимо-тихъ,
 Подобенъ ясностью воскреснувшему краю
 Короны и Литвы. Лишь бѣлый облакъ съ краю,
 Пророча свѣтлый день, румянцемъ пламенѣлъ
 И таялъ медленно. Востокъ уже темнѣлъ
 И тучки мелкія, чуть видныя для взгляда,
 Какъ по лугу овецъ разсыпанное стадо,
 Мелькали въ томъ углу, порой смыкаясь въ рядъ...
 Вотъ пламенемъ сплошнымъ объялся весь закатъ;

Прощаясь, солнышко еще лучомъ блеснуло,
Склонило голову и за лѣсъ потонуло.

Но шляхта и въ ночи неутомно пѣтъ
За здравье Кесаря, за шляхту, за народъ,
Потомъ за жениха съ невѣстою, а далѣ
За всѣхъ, кого добромъ въ Литвѣ припоминали.

И я на томъ пиру пилъ пиво и вино;
Что слышалъ, видѣлъ тамъ — предъ вами, вотъ
оно!

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ

«КОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ».

Идетъ зараза на Литву,
Лія тлетворное дыханье.
Внимай народную молву,
Услышишь чудное сказанье:
Среди холмовъ, среди полей
Стоитъ «дѣвица моровая»;
Кровавый платъ въ рукахъ у ней;
Кровавымъ платомъ повѣвая,
Она живое все мертвить,
И страшень всѣмъ заразы видъ.

Разящій взоръ въ пустыняхъ блещеть;
Чуму завидя въ далекъ,
На башнѣ замка стражъ трепещеть,
Копье дрожить въ его рукѣ;
Привратный песъ протяжно воетъ,
И, чуя смерть, онъ землю роетъ.

Зараза блѣдная идетъ, —
И нѣтъ спасенья и пощады!
Гдѣ только платъ ея мелькнетъ, —
Пустѣютъ села, замки, грады.
И вотъ ужъ цѣлая страна
Вокругъ чумой поражена...
Однако всеъ страшились болѣ,
Когда, мечемъ грозя Литвѣ,
Являлся латникъ въ дальнемъ полѣ,
Съ высокимъ шлемомъ на главѣ.

Подобный страшному видѣнью,
Гдѣ онъ прошелъ грозящей тѣнью, —
Пылала брань, струилась кровь...
Пойдемъ, о юноша, со мною,
Кто сохранилъ еще любовь
Къ своей отчизнѣ! кто душою
Донинѣ истинный Литвинъ, —
Пойдемъ, среди пустыхъ долинъ,
Надъ скорбною Литвы судьбою,
Пойдемъ, поплачемъ мы съ тобою!
Кручину въ сердцѣ затаимъ,
А духъ истерзанный и хилый
Живою пѣснью напоимъ,
Преданьями отчизны милой!

О, пѣсня! ты святой ковчегъ,
Куда народъ во дни печали

Кладеть свой рыцарскій доспѣхъ,
И мечъ, и славныхъ дней скрижали.
Ты гласомъ вѣщимъ говоришь,
Изъ вѣка въ вѣкъ переходящимъ
И чудодѣйственно миришь
Былое наше съ настоящимъ.
Сгараютъ, тлѣютъ письма,
Могучихъ геніевъ творенья,
Лишь ты уходишь отъ забвенья,
Какимъ-то чудомъ спасена!
Всегда жива, одна и та же,
О пѣсня, ты стоишь на-стражѣ
Съ мечемъ архангела у вратъ
Намъ дорогихъ воспоминаній!
О пѣсня, ты священный кладъ,
Ты цвѣтъ народныхъ достояній!
Когда же суетный народъ
Тебя услышавъ не пойметъ, —
Бѣжишь ты, пѣсня, и хоронишь
Свою завѣтную красу
Въ ущельяхъ мрачныхъ и въ лѣсу,
Или среди развалинъ стонешь...
Такъ съ крыши, объятой огнемъ,
Слетаетъ птичка поневолѣ,
Покинувъ гнѣздышко и домъ,
Надъ нимъ повеется и потомъ
Она летитъ въ лѣса и въ поле —
И тамъ пріютъ себѣ найдетъ
И пѣсни прежнія поетъ.

Я пѣсни слушиваль, бывало,
Когда столѣтній земледѣль,
Съ полей родныхъ влекущій рало,
О дняхъ былыхъ мнѣ грустно пѣль
И вспоминаль минувши бои
И васъ, могучіе бойцы,
Давнозабытые герои,
Отцы... бездѣтные отцы!
Неудержимые бѣжали
Потоки слезъ изъ глазъ моихъ,
А пѣсни тѣ, въ поляхъ родныхъ,
Еще сильнѣе поражали:
Одинъ-однимъ я слушалъ ихъ!
Какъ въ оный часъ трубою судной
Господь воздвигнетъ мертвецовъ,
Такъ мнѣ, при звукахъ пѣсни чудной,
Являлись призраки отцовъ,
Вставали арки и колонны,
И пробуждались воды сонны,
Шумя подъ веслами гребцовъ....
Рѣчамъ благо внемля жадно,
Бываль я духомъ возмущонъ,
Мечталъ и грезилъ такъ отраднo,
И такъ жестоко пробужденъ!

Исчезли вы, лѣса и селы,
Въ очахъ моихъ густая мгла;
Замолкли вѣщіе глаголы
И лютня грустно замерла.

Брожу одинъ въ нѣмой пустынѣ,
Но искры стараго огня
Не тухнуть въ сердцѣ у меня,
И неожиданно понынѣ,
Порой, сквозь сумракъ темныхъ тучъ,
Незашный вспыхиваетъ лучъ
И въ сердце мнѣ лиетъ отраду....
Такъ въ драгоценную лампаду,
Страхнувъ съ нея съдую пыль,
Становятъ инокъ фитиль, —
И свѣточъ сей, плѣняя взоры
Рѣзьбой и гранью дорогой,
Раскинетъ по стѣнѣ нагой
Великолѣпные узоры....

О, еслибъ въ васъ пролить я могъ
Огонь, что насъ палилъ и жогъ, —
Тогда бы, можетъ, ваши силы
Воскресли снова изъ могилы,
И, славы громъ издалека
Почуя духомъ, всякій ожилъ
И хоть одну бъ минуту прожилъ,
Какъ дѣды прожили вѣка....

Но мужъ великій недалеко:
О немъ хочу повѣдать вамъ;
Внимай, Литва, моимъ словамъ.
И въ сердцѣ ихъ таи глубоко!

КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ.

—

I.

СТРАННИКЪ.

Такъ, я достигъ давно-желанной цѣли:
У ногъ моихъ цвѣтущей край земли,
И моря шумъ, и рѣютъ корабли,
Качаяся въ волнахъ, какъ въ колыбели;

Но снятся мнѣ родимыя мятели...
О Русь! лѣса дремучіе твои
Отраднѣе и слаще сердцу пѣли,
Чѣмъ звонкіе Байдара соловьи!

И кажется мнѣ краше и дороже
Нѣмая ширь и глушь моихъ степей,
Чѣмъ пышное цвѣтовъ душистыхъ ложе:

Тамъ я любилъ на утрѣ лучшихъ дней,
Тамъ и она... но снится ли ей то же,
Что снится мнѣ о прошломъ и объ ней?

—

II

АККЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

Плыву среди сухаго океана,
Въ волнахъ цвѣтовъ ныряетъ легкій возъ,
Миная кустъ колючаго бурьяна
И острова коралловые розъ.

Не видно ни дороги, ни кургана;
Сіянье звѣздъ по небу разлилось;
А тамъ, вдали, какъ зарево зажглось:
То блещетъ Днѣстръ — лампада Аккермана!

Какая тишь! трава не шелохнѣтъ!
Кругомъ меня вся ночь живетъ и дышитъ;
Вонъ, журавлей мнѣ слышится полеть;

Чу, мотылекъ во тьмѣ траву колышетъ
И легкій вѣтеръ ласково поетъ...
Какая тишь! откликнись, мой народъ:

Въ такой тиши мой духъ тебя услышитъ!
Поѣдемъ: голосу никто не подаетъ!

III.

МОГИЛА ПОТОЦКОЙ (*).

Въ странѣ весны, какъ роза молодая,
На утренней зарѣ увяла ты,
Въ далекую отчизну посылая
Последній вздохъ, последнія мечты!

Тамъ, къ сѣверу, брильянтами играя,
Потоки звѣздъ по небу разлиты:
Не твой ли взоръ оставилъ тамъ слѣды,
На родину стремясь и догорая?

(*) Недалеко отъ стѣны, окружающей ханскіе сады въ Бахчисараѣ, стоитъ на углу стараго кладбища, надгробный памятникъ, по-татарски дюрбе, въ видѣ башни, съ круглымъ кирпичнымъ куполомъ, на которомъ въ настоящее время выросъ абрикосъ. Посрединѣ купола — золотой шпигъ, осѣненный луною. Этотъ памятникъ соединяется почему-то, въ преданіи, съ именемъ Маріи Потоцкой. Надпись надъ дверями, на мраморной доскѣ, означаетъ слѣдующее: за душу покойной и отпущенной въ грѣхахъ Дилярѣ-Пикечъ Фѣтиху! — Подразумѣвается: прочти. — Фѣтиха — первая глава Корана. Дилярѣ-Пикечъ — персидское слово, по-русски: украшающая сердца княжна. Говорятъ, ханъ Керимъ-Гирей назвалъ такъ одну чужеземную плѣнницу, которой имя ему не понравилось.

Прим. переводчика.

О, Польша, здѣсь, покинувъ свой народъ,
Паду и я, забытый міромъ странникъ;
Когда-нибудь соотчичь-патріотъ,

Подобно мнѣ, блуждающій изгнанникъ,
Къ тебѣ на гробъ задумчиво придетъ —
И пѣсню намъ родимую споетъ!

IV.

МОГИЛЫ ГАРЕМА (*).

МИРЗА.

Здѣсь гроздя нѣжныя въ тиши любовь таила,
Но по́звалъ ихъ къ себѣ на трапезу Алла —
И раковина вѣчности, могила,
Изъ моря счастья тѣ перлы унесла

И пеленой забвенія покрыла....
Надъ ними висится изъ мрамора скала,
Чалма и столбъ, какъ знамя Азраила,
И темнымъ бунчукомъ трава ихъ обвила.

(*) Ханскія жены покоятся вмѣстѣ съ мужьями на особомъ ханскомъ кладбищѣ, за оградой, подлѣ главной дворцовой мечети, среди сада съ разными плодовитыми деревьями. Иныя гробницы, высѣченныя изъ мрамора, или изъ бѣлаго камня, большею частію очень искусно, стоятъ подъ открытымъ небомъ; другія—въ дюрбе, подобно гробницѣ Диларъ-Пикечъ. Такихъ дюрбе на ханскомъ кладбищѣ два: одинъ крытъ бѣлымъ желѣзомъ, а другой обыкновеннымъ. На гробницахъ, находящихся внутри этихъ дюрбе, до-сихъ-поръ уцѣлѣли покровы, исписанные стихами Корана. Чалмы, осѣняющія женскія гробницы, имѣютъ совершенно особый видъ отъ тѣхъ, которыя высѣчены надъ мужскими гробами.

ПРИМ. ПЕРЕВОДЧИКА.

О вы, эдема дѣвственныя розы,
Вы отцвѣли подѣ листьями стыда,
Невѣрному незримо никогда!

Но днесъ — Пророкъ, смири твои угрозы! —
Я самъ привелъ невѣрнаго сюда:
Зане онъ пролилъ искреннія слезы!

V.

ОТПЛЫТІЕ.

Ударилъ вѣтръ! кишать морскія чуды;
Матросъ повисъ на сѣти, какъ паукъ;
Вотъ тронулся корабль высокогрудый
И побѣжалъ съ полуночи на югъ!

Напрасны волнъ упрямыя услья:
Борецъ летитъ по степи водяной,
Онъ ураганъ захватываетъ въ крылья
И облака онъ рѣжетъ головой.

И я лечу! я грудью налегаю —
И кажется, быстрѣй корабль пошелъ,
Какъ-будто-бы ему я помогаю,
И любо мнѣ: теперь я самъ орелъ!

VI.

ШТИЛЬ НА МОРЬ.

Едва дрожить просторъ волны хрустальной,
Какъ спящей дѣвы млѣющая грудь,
И пологъ у нея опочивальный
Зефиръ крыломъ не смѣетъ шевельнуть;

Корабль стоитъ, не двигаясь ни чуть;
Матросъ забылъ чужбины берегъ дальный,
Тяжелый трудъ и странствій бѣгъ печальный
И можетъ безмятежнѣе вздохнуть.

О, море! снать въ минуту непогоды
Чудовища твоихъ глубокихъ водъ...
Такъ и во мнѣ тревожный змѣй живеть;

Онъ долго спитъ... проходятъ дни и годы...
Но чуть блеснетъ коварный лучъ свободы —
Проснется онъ и кольца разовьетъ!

VII.

БУРЯ.

Чернѣютъ небеса; легли на волны тѣни;
Свѣтило блѣдное погасло въ тучахъ мглы;
Робѣютъ путники; повсюду крики, пѣни...
Шкваль, буря! — и корабль помчал на скалы!

Бушуютъ горы волнь, то мрачны, то свѣтлы,
И дерзостной стопой на важныя ступени
Восходитъ гибели могущественный геній,
Какъ воинъ, вражіе штурмующій валы.

Кто плачетъ, кто спѣшитъ съ товарищемъ про-
ститься;
Кто взоры къ небесамъ молящіе возвелъ,
Кто на колѣни палъ и набожно крестится...

Одинъ лишь къ сторонѣ безмолвно отошелъ
И думалъ про-себя: счастливъ, кто бурь боится,
Кто вѣру сохранилъ и можетъ помолиться!

VIII.

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА.

Ударовъ не щадя, я вскачь пустиль коня:
Равнины, горы, лѣсъ мелькають предо мною,
У ногъ моихъ бѣгутъ стремительной волною,
Роятся и сплываютъ, какъ тѣни вокругъ меня;

Лицо мое горитъ; я полонъ весь огня,
Хотѣлъ бы умереть, упившись быстротою...
Но конь мой ослабѣлъ передъ закатомъ дня;
Игру теряетъ мѣръ, одѣтый темнотою.

Все спать; не спится мнѣ: лечу на берегъ я, —
Несется изъ моря холодная струя,
Чело мое свѣжить и брызгами дробится;

Склоняюсь передъ ней и жду, что мысль моя,
На зыбѣ вѣчныхъ волнъ носпмая ладья,
Утихнетъ и на мигъ въ забвенье погрузится...

IX.

АЛУШТА НОЧЬЮ.

Повѣялъ вѣтерокъ; стихаетъ пламя дня;
 Съ высотъ на Чатырдагъ спускается лампада (*),
 И лъеть по небесамъ, очей моихъ отрада,
 Послѣднія струи волшебнаго огня —

И гаснетъ. Тьма кругомъ. Палящій зной смѣня,
 Въ долинахъ стелется вечерняя прохлада;
 Вотъ вѣтеръ зашепталъ съ лозою винограда
 И музыка цвѣтовъ пошла вокругъ меня...

Летитъ крылатый сонъ — и я заснулъ глѣбоко,
 Вдругъ снова пробужденъ: какъ молнія, высоко
 Промчался метеоръ и небо все разсѣкъ.

О ночь восточная! ты гурія востока,
 Чтѣ, нѣгой усыпивъ, опять блистаньемъ ока
 Разбудить и манить на ложе новыхъ нѣгъ.

(*) Послѣ заката солнца вершина Чатырдага, самой высокой горы на Крымскомъ полуостровѣ, остается нѣсколько времени освѣщенной и кажется звѣздой, или лампадою, висящею въ небѣ. То же явленіе описывается въ слѣдующемъ сонетѣ: Для смертныхъ въ небесахъ затеплилъ ту звѣзду.

Прим. переводчика.

X.

ВИДЪ ГОРЪ ОТЪ ЕВПАТОРИИ.

СТРАННИКЪ.

Аллахъ ли тамъ простеръ стѣною море льду?
 Для троновъ ангеламъ сковаль свои туманы?
 Иль дивы провели по высямъ борозду,
 Чтобъ сдерживать свѣтилъ бродячихъ караваны?

А тамъ: чтó за пожаръ у путника въ виду?
 Быть можетъ, то Аллахъ, какъ стихнетъ
день румяный
 И вечеръ свой покровъ раскинетъ надъ поляной, —
 Для смертныхъ въ небесахъ затеплилъ ту
звѣзду?

МИРЗА-ПРОВОДНИКЪ.

Тамъ? былъ я: тамъ зима и хладныя мятели!
 Полету облаковъ назначенъ тамъ предѣлъ;
 Истоки ярыхъ водъ у ногъ моихъ шумѣли;
 Дохнулъ я въ высотъ: въ дыханьѣ снѣгъ летѣлъ!
 Тамъ спящую грозу я видѣлъ въ колыбели,
 Гдѣ въ небѣ надо мной лишь мѣсяцъ пламенѣлъ....
 То — Чатырдагъ....

XI.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА ВЪ БАЛАКЛАВЪ (*).

Тѣ башни, на часахъ стоящія вдали,
Отъ недруговъ тебя когда-то берегли
И красили собой, о, Крымъ благодарный!
Не стало тѣхъ мужей, ихъ славы лучезарной;

Чертоги рыцарей травой поросли;
Во мракѣ, между плитъ, гнѣздится змѣй
коварный,
Колонны рухнули, простершися въ пыли,
И вьется плющъ по нимъ и виснеть гроздь
янтарный. . . .

(*) При входѣ въ балаклавскую бухту, на скалахъ, по правую руку, видны двѣ-три небольшія стѣнки, съ башнями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Изображеніе этихъ развалинъ можно видѣть въ моемъ «Севастопольскомъ Альбомѣ», на рисункѣ № 18, но тамъ видъ съ суши, а не съ моря. — Мицкевичъ говоритъ, что это слѣды древнихъ греческихъ укрѣпленій и позднѣйшаго генуэзскаго замка Чембало. Во время севастопольской осады, на главныхъ башняхъ развалинъ были устроены Англичанами телеграфы.

На сводахъ письма, съ короной и гербомъ,
Трофеи пышные, забытыя съ героемъ,
Чье имя нѣкогда гремѣло передъ строемъ

И проникало всѣхъ восторгомъ и огнемъ;
Теперь лишь воронья надъ нимъ летаютъ роемъ
И машутъ траурнымъ крыломъ....

XII.

А Ю Д А Г Ъ.

Люблю смотрѣть съ вершины Аюдага,
Какъ море вдругъ взволнуется кругомъ
И заиграетъ пѣнистая влага
На солнцѣ перекатымъ жемчугомъ;

Встаютъ, блестятъ и зыблются кристаллы,
Въ утесы бьетъ бурливый ихъ прибой!
Отхлынули — и яркіе кораллы,
И перлы оставляютъ за собой!

Такъ и въ тебѣ, страдаецъ горделивый,
Векишитъ страстей неукротимый рой,
Когда жъ волной отпрянетъ говорливой, —
Онъ перлы-пѣсни ронитъ за собой!

XIII.

ЧАТЫРДАГЪ.

Челомъ къ стопѣ твоей священной
Я припадаю, Чатырдагъ,
Великій минаретъ вселенной,
Горь неприступный падишахъ!

Принявъ изъ Божьей длани силу,
Главой взлетѣлъ ты въ горній край,
И тамъ, подобно Гавріилу,
Ты стережешь Господень рай.

Какъ перлы льды твои сіяютъ;
Плащемъ тебѣ — твой лѣсъ дремучъ;
Узоры молній обвиваютъ
Чалму твою изъ черныхъ тучъ.

Встаютъ ли бури, непогоды,
Грохочетъ ли въ долинахъ громъ,
Мянутся ль подъ тобой народы
И лютый бой кипитъ кругомъ —

Спокоенъ ты; не замѣчаешь
Мірскихъ волненій и тревогъ,
И лишь тому горé внимаешь,
Что говоритъ природѣ Богъ.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

—

I.

ВЪ АЛЬБОМЪ М. ШИМАНОВСКОЙ.

На югѣ ты блестяшь тепло и животворно,
Какъ солнце южное и вѣчно предъ тобой
Избранники толпы вѣнчанной головой,
Какъ Парсы древніе, склоняются покорно.

Вдругъ неожиданно стучится у дверей
Далекій, чуждый гость и слышенъ голосъ новый,
Средь южныхъ голосовъ и рѣзкій, и суровый,
Какъ смѣлый селянинъ въ бесѣдѣ у царей.

Царица! не кичись, не бойся этой встрѣчи,
Прислушайся: твой гость, свободный и живой,
Веселый этотъ звукъ — знакомый старый твой,
Сердечный звукъ твоей родимой рѣчи!

—

II.

M*.

На жизненномъ пути задумчивый прохожій,
Лишь встрѣтилъ я тебя — смятеніе и страхъ,
Я въ сердцѣ ощутилъ и слезы на глазахъ...
Нельзя милѣе быть, и чище, и пригожѣй!

Безмолвно я стоялъ, ища въ твоихъ чертахъ
Забытый идеаль, тотъ образъ, дивно схожій...
Заговорила ты — и словно ангелъ Божій
По имени меня окликнулъ въ небесахъ!

Съ тѣхъ поръ я ожилъ вдругъ и вѣрю въ избав-
ленье;

Пріютнѣй стало мнѣ и легче съ этихъ поръ;
Пускай мірскихъ судебъ суровый приговоръ

Готовить для тебя съ другимъ соединенье, —
Я помню краткій мигъ, я помню ясный взоръ
И встрѣчу нашихъ душъ хотя и на мгновенье!

III.

ВСТРѢЧА.

Весь день я просидѣлъ въ бесѣдкѣ у порогу...
«Ты ль это, милый другъ? О, сжался надо мной!
Откуда поздно такъ?» — Едва нашла дорогу,
При блескѣ мѣсяца бродя въ глуши лѣсной! —

«Позволь поцаловать трепещущую ногу!
Я слышу, ты дрожишь!» — Боюсь вечерней тьмы
И шелеста листовъ... виновны видно мы,
Когда я чувствую волненье и тревогу! —

«Нѣтъ! въ очи мнѣ взгляни; взгляни: мое чело
Какъ небо южное безоблачно-свѣтло!
Нѣтъ! преступленіе такимъ не смотритъ взоромъ!
Далекій отъ тебя, я только разговоромъ

«Тебѣ передаю завѣтныя мечты,
Молитву лепечу и замираю снова,
Любуясь на тебя, на ангела земнова,
Какъ-будто ангеломъ небеснымъ стала ты!»

IV.

МОЯ БАЛОВНИЦА.

Какъ станетъ моя баловница, играя,
Порой говорить, лепетать, распѣвать,
Такъ сладко лепечеть, что я, не желая
Ни слова, ни звука ея потерять,
Смушонъ, очарованъ сижу передъ нею,
Дохнуть, засмѣяться, заплакать не смѣю,
Сижу неподвижно, люблюсь, молчу —
И слушать, и слушать, и слушать хочу!

Но если же очи ея голубыя
Огнемъ загорятся подъ говоръ живой,
Небрежно разсыплются кудри густыя
По розовой шейкѣ роскошной волной,
Зардѣются щечки, откроются губки
И ярко заблещутъ перловые зубки, —
Тогда перестану я милой внимать,
Хочу цаловать, цаловать, цаловать!

V.

ВЕЧЕРЬ И УТРО.

На землю сумракъ палъ; не шелохнутъ кусты;
Свернулись лиліи поблекшіе листы

И тихо озеро почило.

Подъ обаяніемъ волшебнымъ красоты,

Стою задумавшись: «что грустенъ нынче ты

И все кругомъ тебя уныло?»

Поутру прихожу: росой оживлена,

Проснулась лилія, роскошна и пышна,

И милая, въ блистающей одеждѣ,

Съ улыбкою глядитъ на небо изъ окна,

И плещетъ въ озерѣ веселая волна,

А я... я грустенъ какъ и прежде.

VI.

РАЗГОВОРЪ.

Не стало словъ, не стало вдохновенья!
Зачѣмъ нельзя безъ словъ ее молить,
Безъ словъ найти живыя выраженья,
Безъ звука душу въ душу перелить
И высказать все радости, все муки?
А что слова? — безжизненные звуки!

Люблю тебя, люблю! я повторяю,
А ты твердишь, смущенія полна,
Что я любви твоей не понимаю,
Что рѣчь моя мертва и холодна,
И мы опять безмолвствуемъ съ тобою,
И прежнюю томлюся я тоскою.

Теперь, мой другъ, ни слова не скажу я:
Нѣтъ, я безъ словъ прильну къ груди твоей —
И выскажетъ все пламень поцалую,
Да тихій вздохъ, да молнія очей!
Такъ говорить мы будемъ, ангель милый,
Здѣсь на землѣ и послѣ за могилой!

VIII.

ПРЕЖНИЕ ГОДЫ.

Ты помнишь ли, мой другъ, минувшіе года,
Колодецъ, молодымъ увѣнчанный ясиномъ,
И лоно темное широкаго пруда,
И мельницу, и лѣсъ, и обнесенный тыномъ

Душистый вишенникъ, гумно и надъ овиномъ
Вьющійся дымокъ.... въ село бѣгутъ стада,
Послѣдній лучъ зари играетъ по долинамъ
И всходитъ на небо вечерняя звѣзда....

Мы въ садъ бѣжимъ съ тобой, а мѣсяцъ
нзъ-за тучи
Взглянувши на тебя, льетъ золото лучей,
Невыразимый блескъ придавъ красѣ твоей....
Ты помнишь ли, какъ ласки были жгучи,

Какъ рѣчь была жива! Единый вѣдалъ Богъ,
Что чувствовали мы и что творилось съ нами,
Когда кипѣлъ въ душѣ за вздохомъ тайный
вдохъ

И слезы тихія мѣшались со слезами....

ІХ.

М.

Разстались мы; ты одиноко вянешь,
Но, въ памяти бывшее сохраняя,
Гдѣ ни пройдешь, куда порой ни взглянешь,
Вездѣ, во всемъ припомнишь ты меня.

Да, всякій часъ, мой другъ, и въ каждомъ мѣстѣ
Съ тобой я тамъ бесѣдную въ тиши:
Вездѣ, гдѣ мы хоть мигъ бывали вмѣстѣ,
Навѣкъ осталась часть моей души.

Случайно ль сядешь ты за клавиорды
И слабою, небрежною рукою
Возьмешь на нихъ послушные аккорды —
Припомнишь ты романсъ любимый мой;

Иль за шахматы сядешь ты порою —
Вспомынешь ты бывшие вечера,
Последнюю игру мою съ тобою,
И какъ тогда окончилась игра;

Иль гдѣ-нибудь, въ углу уединенномъ,
Въ ненастный день, ты книгу развернешь,
Подумаешь о другѣ отдаленномъ
И грустно пролепечешь: отчего жъ

И нашъ романъ, какъ эта небылица,
Не кончился?... Погасишь ты потомъ
Свою свѣчу и мыслей вереница
Тогда въ умѣ закружится твоёмъ...

Вдругъ подъ окномъ зашелеститъ крапива,
Иль вѣтеръ ставнемъ стукнетъ, — чуть дыша,
Сама себѣ ты скажешь торопливо:
«Ахъ, это вѣрно милаго душа!...»

Такъ, всякій часъ, мой другъ, и въ каждомъ
мѣстѣ

Съ тобой я тамъ бесѣдую въ тиши:
Вездѣ, гдѣ мы хоть мигъ бывали вмѣстѣ,
Навѣкъ осталась часть моей души!

X.

С О Н Ъ.

Когда меня ты будешь покидать,
Не говори «прощай» мнѣ на прощаньѣ:
Я не хочу въ послѣдній мигъ страдать
И разставаясь знать о разставаньѣ!

Въ послѣдній часъ, и весель, и счастливъ,
У ногъ твоихъ, волшебница, я сяду
И вѣчное «люблю» проговоривъ,
Изъ рукъ твоихъ приму я каплю яду,

И головой склонившись моею
Къ тебѣ на грудь, подруга молодая,
Засну, глядясь въ лазурь твоихъ очей
И сладкія уста твои лобзая;

И такъ просплю до страшнаго суда;
Ты въ оный часъ о другѣ не забудешь:
Съ небесъ сойдешь ты ангеломъ сюда
И легкою рукой меня разбудишь, —

Вновь на груди владычицы моей
Проснусь тогда, роскошливо мечтая,
Что я дремалъ, глядясь въ лазурь очей
И сладкія уста твои лобзая!

РЕНЕГАТЪ.

Недавно случилось въ Иранѣ:
Паша на роскошномъ диванѣ
Въ палатахъ гарема высокихъ
Межъ плѣнницъ сидѣлъ черноокихъ.

Гречанки, Черкешенки пляшутъ,
Бьютъ въ бубны и шаями машутъ;
При пляскѣ ихъ перси трепещутъ
И очи какъ молнія блещутъ.

Не смотритъ паша и не внемлетъ,
И въ сладкомъ спокойствіи дремлетъ,
Лишь дымъ изъ кальяна порою
Пускаетъ летучей струёю.

Вдругъ двери гарема раскрылись,
И слуги паши разступились:
Кизляръ-Ага вель за собою
Рабыню подъ бѣлой чадрою.

«Эффенди, котораго сила
Великій Иранъ покорилъ!

Чья слава промчалась далеко
За свѣтлыя страны Востока!

«О, ясное солнце Дивана! —
Вотъ вѣтеръ съ долинъ Ляхистана,
Твой рабъ, на услуги готовый,
Подарокъ принеси тебѣ новый!

«Еще не блистало ни разу
Подъ солнцемъ такого алмазу!
Въ садахъ падишаха-владыки
Такой не найти одалыки!»

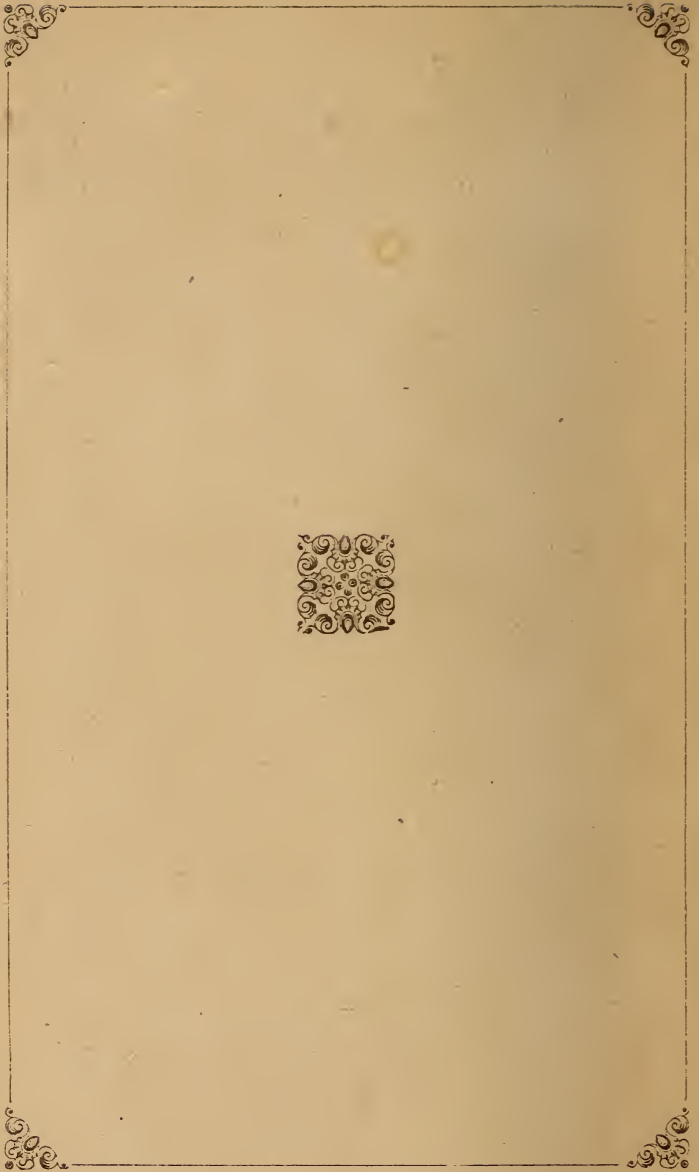
И вотъ красоты покрывало
Къ ногамъ ея тихо упало:
Паша поглядѣлъ, изумился, —
И будто бы въ сонъ погрузился.

Чубукъ изъ руки его вышаль
И кучами пепель разсыпаль.
Зовутъ, но паша ихъ не слышитъ!
Глядятъ — ренегатъ ужъ не дышетъ.

XI.

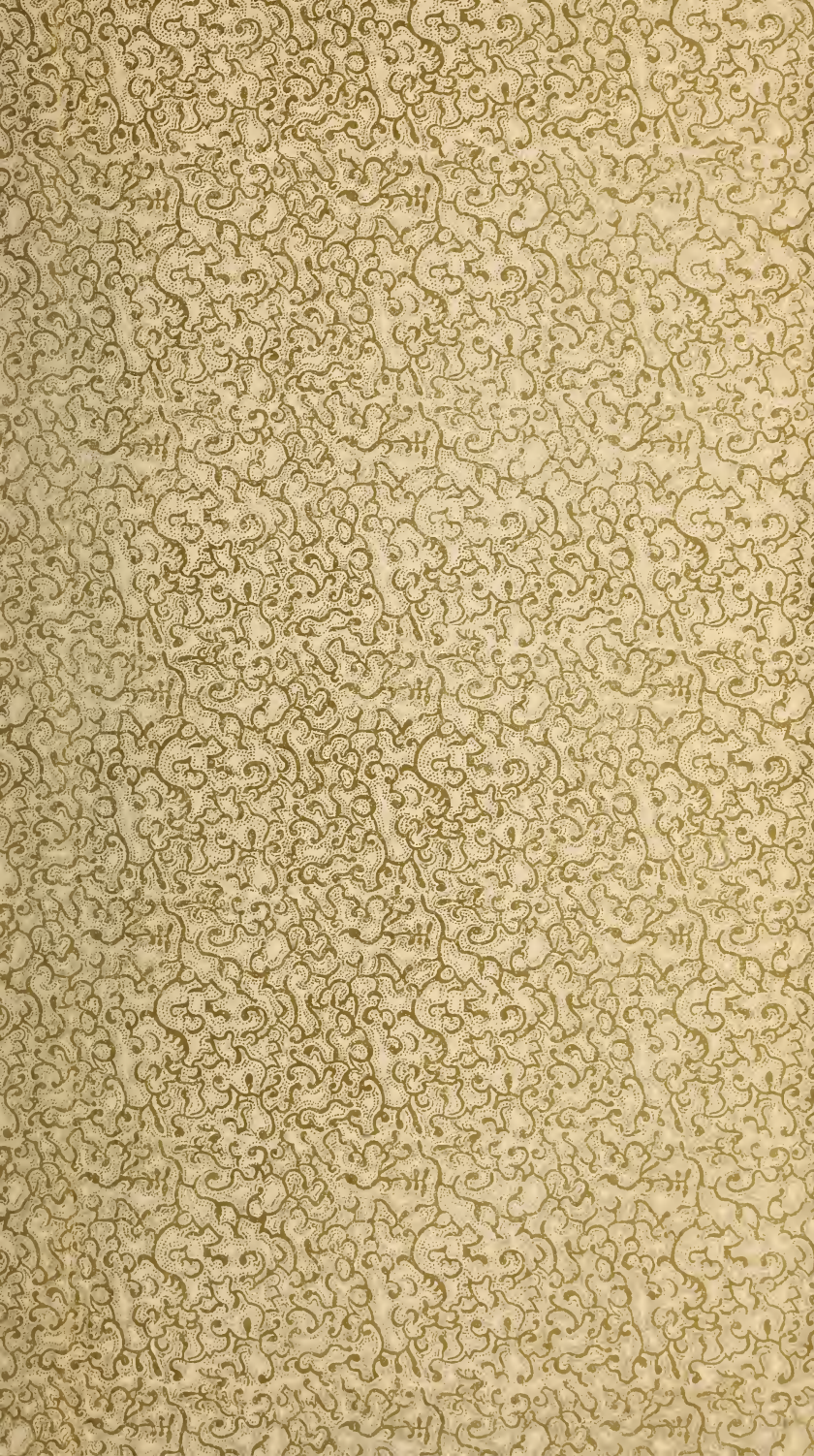
Полились мои слезы горячи,
Какъ я вспомнилъ вѣкъ дѣтскій, кипучій;
Полились мои слезы горячи,
Какъ я вспомнилъ вѣкъ силы могучей;
И теперь льются слезы горячи
На послѣднія грозы и тучи...

110

LIBRARY OF CONGRESS

00027179447

